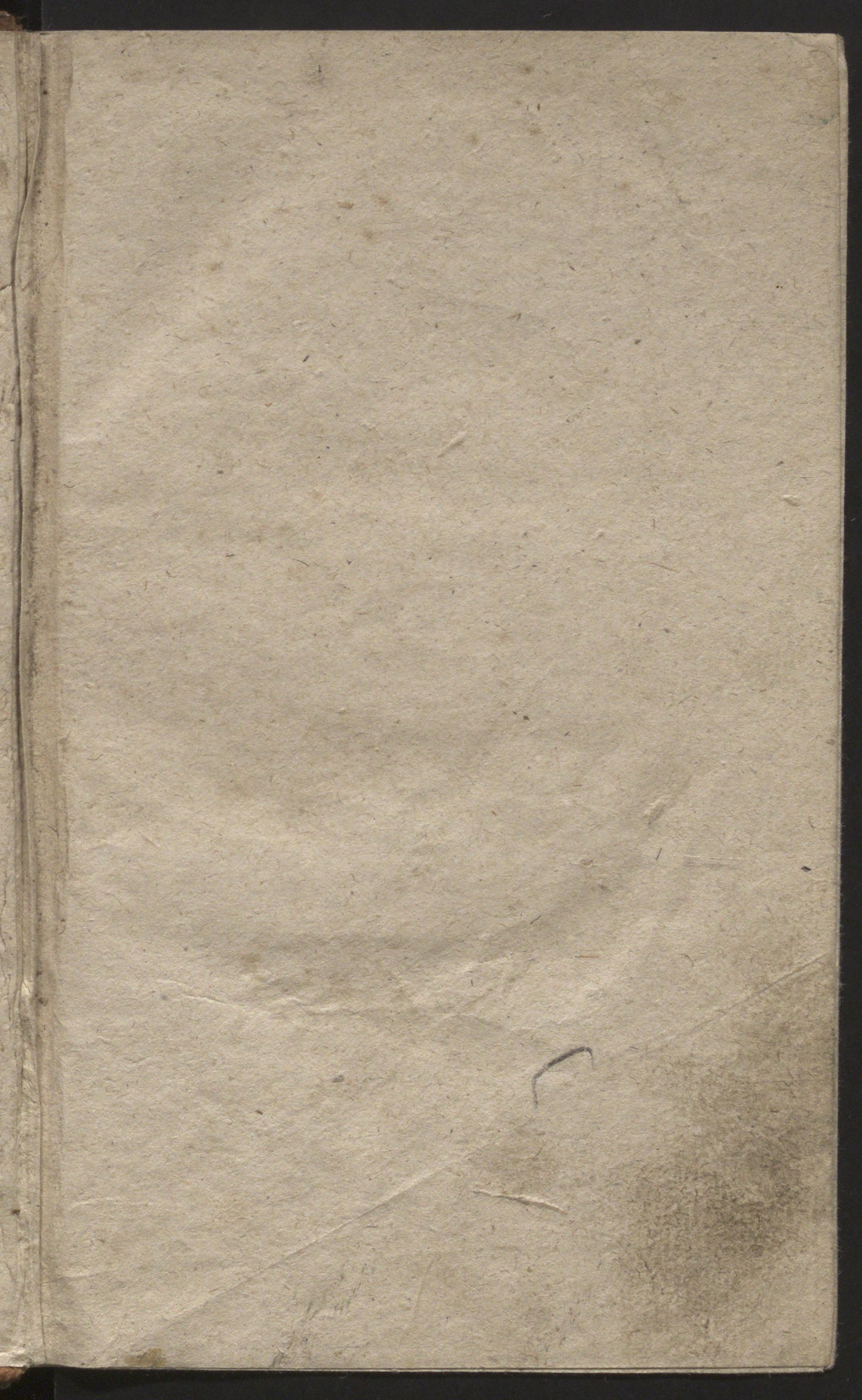
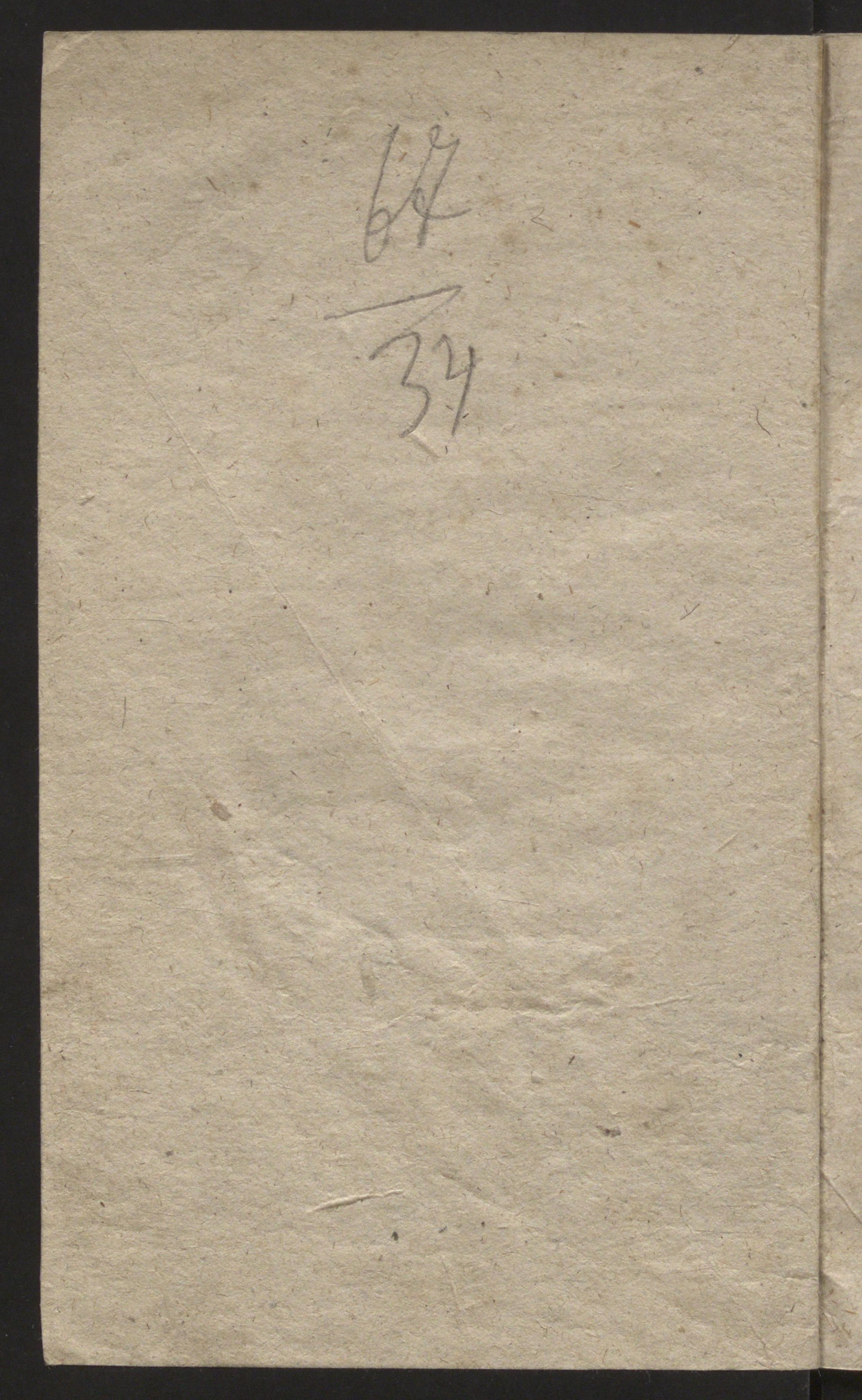

ГУЗАРАТСКІЯ СУЛТАНШИ,

ИЛИ

СНЫ НЕСПЯЩИХЪ ЛЮДЕЙ,

МОГОЛЬСКІЯ СКАЗКИ.

СОЧИНЕНІЯ Г. ГЮЛЬЕТТА.

Переведены съ Французскаго языка.

ТОМЪ I.

Изданіе третіе.

МОСКВА.

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,

1788.

Огуцъ, Султанъ Гузаратскій (*), установя въ областяхъ своихъ законъ великаго Пророка Магомета, и разруша капищи истукановъ, которымъ прежде сего подданные его покланялись, вознамѣрился утвердить непоколебимый миръ съ сосѣдями своими. А какъ они примѣромъ, храбростію и человѣколюбіемъ его убѣждены были признать единаго Бога, а Магомета его посланникомъ: то не много ему труда стоило пріобрѣсть ихъ дружество, и четверо изъ сосѣдственныхъ владѣльцовъ, желая показать ему оное въ самомъ дѣлѣ, отправили къ нему для заключенія союза пословъ, которые нечаяннымъ случаемъ всѣ въ одинъ день въ Камбай прибыли. Хотя Огуцъ, которому еще не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ было, великое отвращеніе чувствовалъ къ женидьбѣ; однако для избѣжанія подозрѣній, будто онъ другими Султанами презираетъ, велѣлъ посламъ ихъ объявить, что онъ съ великою охотою пріемлетъ ту честь, которую ему Государи ихъ дѣлаютъ; но что не будучи въ состояніи избрать себѣ супругу, не оскорбя тѣхъ Принцессъ, съ коими сочетаться не похочетъ, проситъ онъ ихъ, чтобы они сыскали средства къ сему избранію, которое не мало его безпокоитъ.

 Послы,

(*) Гузаратское государство принадлежитъ нынѣ къ землямъ великаго Могола; столичный онаго городъ есть Камбай.

Послы, разсуждая вмѣстѣ о толь важномъ дѣлѣ, выдумали напослѣдокъ способъ, состоящій въ томъ, чтобы всѣ Принцессы пріѣхали въ назначенный день въ Амадабатъ (*), гдѣ находился бы также и Огуцъ; чтобы тамъ собрались всѣ Принцессы въ отведенную для нихъ Царскую залу, притомъ были бы такою покрыты фатою, сквозь которую не можно бы было и стану ихъ видѣть; и чтобъ та Принцесса, кою Султанъ изберетъ, не видавъ ее прежде, почиталась законною его супругою. Сколь ни страненъ былъ сей вымыселъ, однако Огуцъ и всѣ Государи, ищущіе его союза, приняли оный съ охотою, и Принцессы, изъ которыхъ старшей не болѣе осьмнатцати лѣтъ было, пріѣхали въ Амадабатъ въ назначенный день. Огуцъ, ходя нѣсколько времени по залу, въ коемъ онѣ находились, подалъ нечаянно руку одной изъ нихъ, и Имамъ, какъ-то уже прежде согласенось было, началъ отправлять обыкновенные въ таковыхъ случаяхъ обряды. Султанъ, сочетаясь такимъ образомъ съ сею Принцессою бракомъ, говорилъ ей: Государыня моя! сердце мое не имѣло еще участія въ семъ нечаянномъ моемъ избраніи; однако то, какимъ образомъ принимала ты отъ меня клятву, заставляетъ думать, что я тебѣ непротивенъ; не отлагай же, Государыня! показать мнѣ супругу, которую получилъ судьбою. Небо да утвердитъ навсегда союзъ

(*) Городъ Амадабатъ находится въ осьмнатцати миляхъ отъ Камбая, не подалеку отъ рѣки Инда.

союзъ сей, и чтобы не могли имѣть мы ни единаго случая притти когда о томъ въ раскаяніе!

Какъ въ залѣ были только невольницы и черные евнухи, пришедшіе съ Принцессами и съ Султаномъ: то молодая Огуцова супруга почла за должность повиноваться первымъ его желаніямъ; сброся съ поспѣшностію съ себя покрывало, показала толико величества, столь совершенную красу, толь великія прелести, и очи, наполненныя толикою живостію, что Государь сей пришелъ вдругъ во изумленіе, въ которомъ не малое время пребылъ. Великій Пророкъ! вскричалъ онъ по томъ: смертную ли я предъ собою вижу? или въ супруги низпослалъ ты ко мнѣ оную изъ дѣвъ твоего рая? Никакъ, всемилостивѣйшій Государь! сказала на то новая Султанша; ты зришь предъ собою Принцессу красы весьма посредственной; я дщерь Царя Езельмерскаго (*), имя мое Гегернаца (**); и я начинаю на себя досадовать, что судьба опредѣлила тебѣ въ супругу ту, которая изо всѣхъ предстоящихъ здѣсь Принцессъ красотою уступаетъ. Ахъ, Государыня! вскричалъ Султанъ Гузаратскій, сіе никакъ не можетъ статься: сколь выборомъ моимъ я доволенъ! любовь, которая до сихъ поръ была мнѣ еще безъизвѣстна, овладѣла теперь всѣми моими чувствами толь сильно, что нахожусь внѣ себя; но не могу

 быть

(*) Езельмерское государство принадлежитъ нынѣ также къ землямъ великаго Могола.

(**) Гегернаца значитъ приданое, изъ красоты состоящее.

быть совершенно благополученъ, естьли такого же дѣйствія не произвелъ я въ твоемъ сердцѣ.

Чуть только Султанъ окончалъ рѣчь, толь для Гегернацы лестную, какъ прочія Принцессы, сраженныя красотою Огуцовою, не могли отъ слезъ удержаться; и печаль одной изъ нихъ была столь чрезмѣрна, что не могла стоять; но пала къ невольницамъ своимъ въ руки: въ семъ состояніи спало съ нее покрывало, и другія двѣ Принцессы хотя подать ей скорое вспомоществованіе, открыли также нечаянно свои лица. Сколь ни возпаленъ былъ Огуцъ къ Гегернацѣ, однако, увидя толико красотъ, которыя почти подобныхъ себѣ на свѣтѣ не имѣли, сталъ вдругъ непоколебимъ. Супруга его, примѣтя оное, сказала: признайся, всемилостивѣйшій Государь! что сіи Принцессы несравненными достоинствами обладаютъ, и что рука твоя обманула тебя во избраніи меня твоею супругою.

Я могу признаться, любезная Султанша! отвѣтствовалъ на то Огуцъ, что сіи Принцессы совершенно одарены красотою; но сколь бы ни великими прелестями онѣ обладали, однако никогда не предпочту ихъ любезной Гегернацѣ. Ахъ, милостивѣйшій Государь! сказала Султанша, сколь много прискорбія причиняетъ сія о мнѣ мысль твоя, и сколь намѣренія мои тщетны. Какія намѣренія? вскричалъ смущенный Султанъ. Дозволь мнѣ, Государь! продолжала Султанша, открыть тебѣ оныя; но что я говорю? хотя и желала бы умолчать объ ономъ, однако данныя ужасныя мною клятвы понуждаютъ

меня

меня отъ тебя ни въ чемъ не таиться: Сіи три Принцессы и я прибыли сюда третьяго дня довольно поздно. Хотя между такими особами, которыя красотою своею весьма много славились, и толь достойнымъ человѣкомъ, какъ ты великій Султанъ, обладать искали, и надлежалобъ немалому быть недружеству; однако мы съ перваго нашего свиданія поступили другъ съ другомъ съ великою учтивостію и ласкою, и какъ скинули съ себя свои покрывала, то долгое время, пребывая во изумленіи, смотря одна на другую, и потомъ не нашедъ въ себѣ недостатковъ, пришли мы также во удивленіе, видя, что у всѣхъ насъ глаза наполнены были слезами. Причину того могли познать мы скоро, и я прервавъ молчаніе прежде всѣхъ моихъ подружекъ, говорила имъ такъ: любезныя Принцессы! великія и славныя дѣла Гузаратскаго Султана и описаніе красоты его заставляютъ каждую изъ насъ опасаться, что щастіе не сдѣлаетъ ее его супругою. Я думаю, что великій нашъ Пророкъ внушаетъ мнѣ средство ко прекращенію нашего страха; но прежде нежели оное вамъ открою, когда только познала причину вашего плача, и естьли вы въ мнѣніи своемъ со мною согласны, дадимъ теперь другъ другу клятвы, что не токмо ничто не можетъ прекратить дружества и любви, которыя насъ должны соединять на вѣки; но еще чтобы та, которая щастіемъ опредѣлится въ супруги Султану, не наслаждалась одна сею честію, не принудя его обѣщать на священной книгѣ, яко основаніи нашего закона, что онъ исполнитъ то, чего она отъ него потребуетъ.

Принцессы, мысли коихъ я толико проникла, любопытствуя чрезмѣрно знать мое намѣреніе, дали мнѣ обьявленную клятву, которую онѣ и отъ меня получили; послѣ сего продолжала я рѣчь мою такъ: Султанъ, избравъ себѣ одну изъ насъ въ супруги, приведетъ конечно всѣхъ другихъ въ отчаяніе. Сколь ни много нечувствительности оказывалъ сей Государь до сихъ поръ къ любовной страсти, которое произходитъ конечно отъ того, что не пришелъ еще часъ къ его возпламененію; однако я точно увѣрена, что чуть только изберетъ онъ себѣ судьбою супругу, то она, подобно блестящему и сіяющему солнцу, разсыплетъ взорами своими холодность, которою его сердце окружено; но чѣмъ болѣе будетъ онъ ощущать къ ней любви, тѣмъ болѣе должно ей употреблять силу своихъ прелестей ко удовольствованію трехъ другихъ своихъ подружекъ. И такъ любезныя Принцессы! сего-то я отъ васъ требую, чему и себя саму безпрекословно подвергаю. Та, которая опредѣлена будетъ Султана учинить щастливымъ, не должна совершить обязательствъ законныя супруги, не принудя его прежде клясться надъ Алкораномъ, что сердце свое раздѣлитъ онъ и съ другими Принцессами. Пророкъ нашъ позволяетъ по закону намъ данному имѣть четырехъ законныхъ женъ; мы число сіе не превозходимъ; для чего же Гузаратскій Султанъ, будучи въ состояніи сдѣлать всѣхъ насъ щастливыми, не похочетъ исполнить всѣхъ насъ совершенною радостію и истиннымъ благополучіемъ? Сопряжемтеся, дражайшія Принцессы! искрен-

искреннимъ и чистымъ дружествомъ, и презря зависть и ревность, которыя обыкновенно соперницами обладаютъ, потщимтесь споспѣшествовать благополучію Султана и собственному нашему щастію.

Сіе предложеніе было съ великою похвалою принято; мы всѣ обѣщались другъ ко другу сохранить навсегда истинное и ненарушимое дружество, и намѣреніе мое положили со всякою точностію, въ подтвержденіе чего дали взаимныя сильнѣйшія клятвы; и ихъ не можемъ мы нарушить, не подвергнувъ себя гнѣву великаго нашего Пророка. Теперь, всемилостивѣйшій Государь! остается только тебѣ одному разсмотрѣть себя, столь ли много меня любишь, что предложеніе сіе съ точностію исполнить въ состояніи? Иначе же, не взирая на обязательства, мною тебѣ данныя, объявляю, что никогда не можешъ поступить со мною по тѣмъ правамъ, которыя толь священный союзъ даетъ тебѣ надъ мною.

Гузаратскій Султанъ былъ представленіемъ симъ толь смущенъ, что долгое время не могъ на то ничего отвѣтствовать; находясь въ крайнемъ изумленіи и безпокойствѣ, не зналъ, какія предпріять мѣры, и взглянувъ нечаянно на трехъ Принцессъ, увидѣлъ прекрасныя ихъ очи въ слезахъ погруженны. Принудь себя, великій Государь! сказала ему тогда Гегернацъ, поцѣловавъ у него съ горячностію руку. Молчаніе твое вонзаетъ кинжалъ во грудь сихъ дѣвъ прекрасныхъ; смягчись моею и ихъ скорбію; прекрати сомнѣніе, что я толь мало надъ сердцемъ тво-

имЪ имѢю власти, что не могу получить первой милости, которой отЪ тебя требую. Оная вЪ разсужденіи тебя, отвѢтствовалЪ на то ОгуцЪ, толь странною для меня кажется, что конечно оскорбляю прекрасную Гегернацу, когда сЪ толикою скоростію исполняю все требуемое; однако чувствую, что не могу ни вЪ чемЪ тебѢ отказать болѢе. Но дозволь исполнить сіе сЪ тѢмЪ договоромЪ, чтобы и Султаны, которыми сіи Принцессы на свѢтЪ произведены, на то безпрекословно согласились; потому что всякой изЪ нихЪ, ревнуя о своихЪ правахЪ, можетЪ тѢмЪ быть озлобленЪ, что не одна дщерь его останется Гузаратскою Султаншею. Естьли же, узнавЪ о семЪ странномЪ произшествіи, согласятся они на сіе предложеніе, то я сею священною клянусь книгою, что сЪ сими Принцессами сочетаюсь. Опасаюсь же я при семЪ только того, чтобы АсмугЪ (*) не вкрался когда между вами, и не нарушилЪ спокойствіе и тишину, которыми вы со мною наслаждаться льститесь. НѢтЪ, милостивѢйшій Государь! сказала ГегернацЪ; діяволЪ сей не можетЪ никогда вЪ сердца наши вселиться: ИсфендьярЪ (**) потщится его отЪ насЪ изгонять; и я за всѢхЪ сихЪ ПринцессЪ ручаюсь, что союзЪ ихЪ сЪ тобою не нарушитЪ ни мало твоего спокойствія.

Мило-

(*) АсмугЪ по объявленію Зороастра есть начальникЪ всякаго зла, а особливо несогласія и вражды.

(**) ИсфендьярЪ по мнѢнію восточныхЪ жителей есть АнгелЪ хранитель чистоты женЪ, и который вЪ сераляхЪ мирЪ и согласіе сохраняетЪ.

Милостивѣйшій Государь! сказали тогда три Принцессы, обнявъ Султаншу: поступокъ Гегернацы столь великодушенъ, что никогда не можетъ изтребить изъ памяти, что ей должны всемъ своимъ щастіемъ; мы точно увѣрены, что Государи, отъ которыхъ зависимъ, не будутъ въ требованіяхъ нашихъ ни мало прекословить; ибо отказъ ихъ можетъ быть плачевенъ; мы всѣ вознамѣрились скончать лучше жизнь, нежели отречись отъ того благополучія, которое отъ великодушія твоего и Гегернацы теперь получаемъ.

Гузаратскій Султанъ, приведенъ будучи въ крайнее удивленіе таковымъ трехъ Принцессъ намѣреніемъ, отвѣтствовалъ имъ со всевозможною вѣжливостію и ласкою; и видя, что ни одна изъ нихъ не уступаетъ въ красотѣ Езельмерской Принцессѣ, не могъ не возчувствовать въ сердцѣ своемъ, что онъ щастливѣйшій изо всѣхъ Индостанскихъ Государей. Принцессы! присовокупилъ онъ къ тому, съ удовольствіемъ пріемлю я жертву сердецъ вашихъ. Сколь много приноситъ мнѣ сіе славы и чести, о томъ не могу довольно оказать всевозможной моей благодарности: я отпишу къ Султанамъ, вашимъ родителямъ, посовѣтовавъ сперва съ ихъ послами; и естьли вы извѣстите ихъ о томъ мнѣніи, въ которомъ въ разсужденіи меня находитесь, то не сомнѣваюсь, чтобы вы не получили того, чего сердца ваши съ толикою ревностію желаютъ. Мы льстимся, милостивый Государь! сказала на то одна изъ Принцессъ, что Султаны не столь мало насъ любятъ, чтобы не

могли отставить какой тщетной чести, которая бы нашему сопротивлялась желанію.

Огуцъ и Принцессы написали къ Султанамъ, письма ихъ вручены были посламъ; и сей Государь, повелѣвъ поступать съ Принцессами и со всею ихъ свитою такъ, какъ состояніе ихъ требовало, пошелъ съ Султаншею, своею супругою, въ потаенные чертоги, гдѣ пріуготовленъ имъ былъ великолѣпный столъ, послѣ котораго спустя нѣсколько часовъ пошли они въ баню, а по томъ въ спальню.

Никогда Гузаратскій Султанъ не вкушалъ толь сладкихъ и совершенныхъ утѣхъ и удовольствій. Сраженъ будучи прелестьми и красотою Гегернацы, говорилъ ей въ великомъ восторгѣ: любезнѣйшая Султанша! свѣтъ моея жизни! можешь ли то подумать, чтобы я когда раздѣлилъ сердце мое съ тобою и съ тѣми красавицами, съ которыми ты меня сопрягаешь? Нѣтъ, нѣтъ! то не въ моей состоитъ власти; для того не надлежало бы мнѣ никогда знать ни съ чемъ несравненную Езельмерскую Принцессу. Ахъ, милостивый Государь! сказала на то Гегернаца, представь себѣ, чтобы подъ покрывалами могъ ты избрать вмѣсто меня другую супругу, и чтобы я съ печали лишилась жизни, естьли бы сія Принцесса не получила отъ тебя того, что обѣщала мнѣ столь торжественно. Правда, сердце мое будетъ тайно стонать, видя союзъ твой съ другими Султаншами; но на то будетъ оно взирать безъ произношенія малѣйшихъ жалобъ; я точно увѣрена, что онѣ всѣ однѣхъ со мною мыслей.

мыслей. Люби ихъ, Государь! онѣ тебя обожаютъ, и равнодушіемъ, котораго снести не могутъ, и которое бы погубило и меня, ежели бы на ихъ была мѣстѣ, не лишай жизни то, чего нѣтъ во всемъ естествѣ любезнѣе и краше. И въ самомъ дѣлѣ, что можно найти совершеннѣе Хиторской Принцессы? Не по справедливости ли заслуживаетъ она имя Геганцузы (*), которое дано ей по причинѣ прелестей и красоты ея, кои въ состояніи возпалить всякаго человѣка. Невбагара (**) Букярская Султанша не достойна ли даннаго ей имени? Самою блестящею и веселѣйшею младостію не представляетъ ли она пріятностей весны? А божественная Шебгарака, (***) дщерь Царя Азмерскаго, не въ самомъ ли дѣлѣ полная луна въ разсужденіи великой лѣпоты, которою она украшена? Правда, дражайшая Султанша! что всѣ сіи Принцессы совершенны, сказалъ тогда Султанъ: но можетъ ли достоинство ихъ сравниться съ достоинствами неоцѣненныя Гегернацы? Конечно, Государь! примолвила Султанша, въ сихъ прекрасныхъ особахъ найдешь болѣе пріятностей и прелестей, нежели во мнѣ; и дай Боже, чтобы онѣ не истребили изъ мыслей твоихъ такую супругу, которую и малѣйшее равнодушіе во гробъ вогнать можетъ! Ахъ, прекрасная Султанша! сказалъ Огуцъ, не страшись никогда таковой судьбины; изображеніе красы твоей начертано на сердцѣ

(*) Возжигательница всего свѣта.
(**) Новая весна.
(***) Ночное свѣтило.

сердцѣ моемъ перомъ небесныхъ Павличовъ (*) такими буквами, которыхъ вывести изъ онаго никакъ не возможно. Милостивый Государь! сказала тогда Султанша, нѣ отвѣтствуй ни за что; когда всемогущее небо пустило стрѣлу своего опредѣленія, то противъ оныя нѣтъ инаго щита, какъ только повиновеніе, должное его волѣ, и такъ подвергаюсь ему во всемъ, что со мною ни опредѣлитъ, и требовать буду только того, чтобы въ семъ случаѣ послало ко мнѣ смерть, или наградило меня такою силою, дабы лишеніе твоего сердца могла я снести безъ роптанія, и не стараясь нарушить твоего благополучія.

Толь нѣжныя и повиновеніе являющія мысли не могли отъ слезъ удержать Султана, что Гегернацу тронуло чрезмѣрно. Она, облобызая супруга своего съ величайшею горячностію, сказала: Государь! истребимъ толь плачевныя мысли, нарушающія спокойствіе сердецъ нашихъ; но насладимся паче радостію, сопряженною съ непорочностію и никакою скорбію непрерываемою; я же ни о чемъ болѣе помышлять не буду, какъ только о томъ, чтобы дражайшимъ Султаномъ обладать непрестанно. Наконецъ по таковыхъ многократъ повторяемыхъ разговорахъ сіи щастливые супруги предались въ объятія спокойнаго сна, отъ котораго уже гораздо поздно по возхожденіи солнца пробудились.

Три Принцессы, которыя на благополучіе Гегернацы не безъ зависти взирали, ожидали съ нетер-

(*) Ангелы.

нетерпѣливостію возвращенія гонцовъ, кои къ родителямъ ихъ посланы были. Наконецъ они прибыли съ объявленіемъ согласія своихъ Государей; и Огуцъ, сочетавшись съ сими Принцессами, чувствовалъ отъ обладанія ими толь великое удовольствіе, что онаго никакъ описать не возможно. Болѣе же всего причиняло ему утѣхи то, что всѣ Султанши по возвращеніи своемъ въ Камбай родили въ одинъ день, и почти въ одинъ часъ толь прекрасныхъ сыновей, что съ ними ничто на свѣтѣ не могло сравняться.

Естьли сіе толь чрезвычайное приключеніе наполнило сердца сихъ Принцессъ несказанною радостію, то Султану подало поводъ къ страннымъ размышленіямъ. Жены мои, сказалъ онъ одному престарѣлому евнуху, который воспитывалъ его въ самомъ младенчествѣ, не имѣли еще до сихъ поръ ни малѣйшія между собою распри; горячность мою раздѣлялъ я между ими толь равно, что ни одна изъ нихъ не можетъ подумать, чтобъ я которую любилъ другихъ больше. Я трепеталъ, дабы рожденіе дѣтей ихъ не нарушило согласія, которое въ сералѣ моемъ царствуетъ между матерями, и чтобы равенство являемыя мной къ нимъ горячности не прекратилось; но любезный Обдалла (*)! (такъ евнухъ сей назывался) къ разрушенію сихъ страховъ выдумалъ я теперь средство. Мнѣ хочется, чтобъ Султанши не знали своихъ дѣтей, и чтобъ то сдѣлано было такимъ образомъ,

(*) Слуга Божій.

зомъ, будто бы я въ томъ ни малаго не имѣлъ участія: для сего намѣренъ я нынѣшній же вечеръ призвать кормилицъ въ мой покой; и когда дамъ тебѣ повелѣнія, то исполни ихъ немедленно, прочее же попеченіе на себя принимаю.

Султанъ въ разсужденіи своего расположенія велѣлъ младенцевъ принести къ себѣ въ покой, приказалъ ихъ раздѣть, и далъ въ сіе время Обдаллѣ знакъ, какой между ими положенъ былъ. Евнухъ, находящійся въ ближайшей комнатѣ, зажегъ нѣкоторой порошокъ, данной ему Огуцомъ, отъ чего весь покой казался въ пламени, такъ чтобы и всякой, не только женщины, пришелъ въ ужасъ; и какъ пламя дошло до дверей, то Обдалла, выскочивъ въ оныя съ великою робостію, требовалъ помощи; бѣдныхъ же кормилицъ привело сіе въ такой страхъ, что онѣ, забывъ младенцевъ, спасались бѣгствомъ съ великимъ поспѣшеніемъ, и весь дворецъ крикомъ своимъ наполняли. Султанъ могъ все сіе легко предвидѣть. Пользуясь симъ безпорядкомъ и помощію одного только Обдаллы, отнесъ младенцевъ въ другую комнату, и положа ихъ въ такомъ же порядкѣ, какъ они лежали, для лучшаго разпознанія, обернулъ ихъ въ пеленки, принесенныя Обдалломъ, и на которыя тайныя положилъ мѣтки, по коимъ бы ихъ разпознать было можно. Султанъ повелѣлъ погасить огонь, который причинилъ болѣе страха, нежели безпорядка, приказалъ привесть кормилицъ, кои уже пришли въ память. Но какъ онѣ питомцовъ своихъ имѣли у себя на рукахъ не болѣе двухъ

часовъ,

часовъ, что ни одна не могла узнать порученнаго ей на кормленіе, что привело ихъ въ великую робость, и онѣ, павъ предъ ногами сего Государя, требовали отпущенія вины своей.

Султанъ, радуясь чрезмѣрно, видя, что все по желанію его исполнилось, притворился, будто тѣмъ приведенъ онъ въ непреодолимый гнѣвъ и сердце. Нещастныя! сказалъ онъ имъ съ такою яростію, которую онѣ почли за истинную: что сдѣлается съ Султаншами, когда онѣ увѣдаютъ, что по нераченію вашему не могутъ разпознать дѣтей своихъ? Какъ могли вы осмѣлиться оставить порученные вамъ залоги хотя на одно мгновеніе ока? Не достойны ли вы смерти за то, что порученныхъ вамъ Принцовъ толь подлымъ образомъ оставили?

Кормилицы, лежа у ногъ Огуцовыхъ, не смѣли на него взглянуть; гнѣвъ же его казалось ничѣмъ не могъ смягчиться; и уже съ сердечнымъ трепетомъ и отчаяніемъ ожидали онѣ повелѣнія его къ ихъ казни, какъ Обдалла, представляющій ролѣ свою толь же хорошо, какъ и самъ Султанъ, бросился къ ногамъ его: Милостивый Государь! сказалъ онъ ему: обрати весь гнѣвъ твой на своего невольника; ибо я былъ причиною, что сіи бѣдныя женщины, устрашась моего крика, безъ памяти въ бѣгъ обратились; преступленіе сіе простительно робости ихъ пола: огонь показался мнѣ гораздо сильнѣе, нежели какъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ; моимъ неразуміемъ и тщетнымъ страхомъ приведенъ ты, Государь! въ заблужденіе о сихъ дражайшихъ Принцахъ;

 меня

меня одного за то наказать должно, а не сихъ бѣдныхъ женщинъ, которыхъ сохраненія жизни дерзаю отъ тебя требовать. Встань, Обдалла! сказалъ Султанъ; я прощаю тебѣ твой проступокъ, въ которомъ ты виновенъ единственно отъ чрезмѣрнаго твоего ко мнѣ усердія; ты боялся, чтобы мы отъ пожара не погибли; но женщины сіи никакъ не могутъ оправдаться. Однако для тебя не хочу я наказать ихъ такъ, какъ онѣ того стоятъ: вели изгнать ихъ изъ сераля, и чтобы въ оной никогда не входили; а между тѣмъ тебѣ самому поручаю попеченіе сыскать другихъ кормилицъ, которыя къ должности своей были бы ихъ рачительнѣе.

Обдалла исполнилъ немедленно повелѣнія Султановы, и сослалъ кормилицъ, давъ каждой изъ нихъ, будто отъ себя, по триста золотыхъ, дабы тѣмъ утѣшить ихъ въ томъ, что приключилось съ ними его проступкомъ; на ихъ же мѣсто сыскалъ четырехъ другихъ женщинъ, которымъ младыхъ Принцовъ и отдалъ на руки.

Сіе приключеніе старались всячески таить отъ Султаншъ; и не прежде имъ о томъ объявили, какъ уже никакой болѣе не было опасности, чтобы извѣстіе сіе могло произвесть въ нихъ такую перемѣну, которая бы вредна была для ихъ жизни, или здоровья. Онѣ, услыша о томъ странномъ происшествіи, тронуты были чрезвычайно; каждая находилась въ отчаяніи, видя себя въ несостояніи узнать своего сына; и хотя Султанъ ласками своими старался ихъ утѣшить, однако же весьма трудно имъ было сокрыть отъ него

сердеч-

сердечныя свои чувствія. Въ одинъ день, какъ сей Государь находился съ ними и съ младыми Принцами, посмотрите, сказалъ онъ имъ, не можетъ ли природа открыть вамъ того, чего съ толикою нетерпѣливостію знать желаете? Онѣ разсматривали сихъ младенцовъ съ великимъ вниманіемъ, и неизвѣстность, въ которой онѣ объ нихъ находились, побуждала ихъ къ оказанію прекраснымъ Принцамъ неизчислимаго множества ласканій. Но сія природа, которую онѣ тщетно на помощь призывали, не внушала въ нихъ болѣе склонности къ одному, нежели къ другому, такъ что онѣ напослѣдокъ отъ слезъ не могли воздержаться; и Султанъ, видя съ удовольствіемъ, что обманъ его толь хорошіе имѣлъ успѣхи, притворялся также, что въ печали ихъ не малое участіе принимаетъ, какъ Гегернаца, тронутая мнимою скорбію отца, обратила вдругъ всѣ свои старанія ко утѣшенію его таковою рѣчью: дражайшій Султанъ! сказала она ему: между твоимъ и нашимъ состояніемъ чрезвычайная находится разность; сихъ Принцовъ можешь ты почитать и любить равнымъ образомъ, потому что всѣ они тебѣ своею должны жизнію; мы же совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ; и я могу признаться, что естьли бы не столь горячо любила я трехъ Султаншъ, твоихъ супругъ, то бы конечно не нашла себѣ утѣшенія, видя себя не въ состояніи познать между сими младенцами моего сына; но какъ согласіе наше было всегда совершенное, то я представляю себя матерію всѣхъ сихъ четырехъ Принцовъ, и точно увѣрена, что безъизвѣстность наша о ихъ судьби-

нѣ есть опредѣленіемъ неба, которое отъ насъ требуетъ, чтобы мы любили всѣ ихъ съ равною горячностію. И такъ намъ только сіе средство и остается, потому что Султанши и я не можемъ имѣть ни къ одному отвращенія, опасаясь, что можетъ быть возненавидимъ плодъ собственной своей утробы; почему и не только не должно намъ роптать на небо, но паче за то благодарить предвѣчному провидѣнію, которое конечно сіе допустило для того, дабы насъ соединить еще болѣе такимъ дружествомъ, кое прекратилось бы единою смертію.

Три Султанши почли Гегернацино разсужденіе столь разумнымъ, что обнимали ее съ превеликою нѣжностію: вѣчно должны мы тебѣ будемъ спокойствіемъ нашимъ, сказали онѣ ей, и ты столь изобильна въ средствахъ, и предложенія твои толь разумны, что мы вознамѣрились слѣдовать твоимъ совѣтамъ со всякою точностію: и такъ станемъ стараться вмѣстѣ о нашемъ общемъ благополучіи, будемъ воспитывать дѣтей нашихъ въ страхѣ Божіемъ и его Пророка, станемъ любить ихъ съ совершеннымъ равенствомъ; а Султана, нашего Государя, несравненно болѣе прежняго.

Такая рѣчь долженствовала быть Огуцу весьма пріятна; и онъ не умедлилъ показать Султаншамъ, сколь благодаренъ онъ имъ за предпріятое ихъ намѣреніе, и съ какимъ неизреченнымъ удовольствіемъ взираетъ онъ на исполненіе онаго.

Когда Принцы до тѣхъ лѣтъ достигли, въ кои открывается разумъ, то Султанъ, упражнявшійся единственно въ ихъ воспитаніи, приставилъ къ нимъ славныхъ учителей для тѣлесныхъ упражненій, и не упускалъ ничего къ направленію сердецъ ихъ къ добродѣтели; напротивъ чего и онъ съ непостижимою примѣчалъ радостію, что они желаніямъ его во всемъ сошвѣтствовали. Но тѣмъ еще любезнѣе сдѣлались они Султану, что отъ супругъ своихъ чрезъ цѣлыя пятнатцать лѣтъ имѣлъ онъ только дочерей, которыя всѣ въ разныя лѣта скончались; въ живыхъ же осталась только одна Принцесса, называемая Аксу (*), которая была совершенной красоты, и родилась отъ Гегернацы.

Хотя сія четыре Принца имѣли однихъ учителей, однако же во упражненіяхъ своихъ оказывали весьма не равные успѣхи. Ассадъ-Алладъ (**), родившійся отъ Езельмерской Султанши, превосходилъ достоинствами своими всѣхъ своихъ братьевъ; Гумайунъ (***), сынъ Геганзуцы; Нериманъ (****), сынъ Невбатары, и Шпринъ (*****), родившійся отъ Шебъ-Гераки, не могли съ нимъ ни въ чемъ сравняться; со всемъ тѣмъ опасаясь, чтобы братьевъ своихъ не возбудить противъ себя къ зависти, преимущество сіе скрывалъ съ такимъ искус-

 ствомъ,

(*) Чистая вода.
(**) Божій левъ.
(***) Благородный.
(****) Храбрый.
(*****) Пріятный, тихій.

ствомъ, что Султанъ, видя его добросердечіе, любилъ его всѣхъ болѣе, какъ для сей причины, такъ и для того, что онъ рожденъ былъ Гегернацою, которой онъ въ сердцѣ своемъ давалъ всегда преимущество предъ другими Султаншами, хотя того наружно и не показывалъ.

Уже болѣе дватцати лѣтъ наслаждалось Гузаратское царство ненарушимымъ спокойствіемъ и тишиною, и юные Принцы, окончавъ свои обыкновенныя упражненія, ѣздили только на охоту, такъ что напослѣдокъ праздною сею жизнію наскучили, и пришедъ въ одинъ день всѣ къ Султану, Ассадъ-Алладъ началъ говорить за себя и за братьевъ такъ: Милостивый Государь! отъ толь разслабѣвающей насъ праздности находимся мы всегда въ томности; сосѣди же и союзники наши ведутъ между собою войны: Самсамъ (*) Султанъ Татаиской поступаетъ на земли Нагмедина Царя Соретскаго; ты знаешь, что Государь сей дядя Султанши Гегернацы, и что онъ навлекъ на себя ненависть сего несправедливаго Государя только за то, что не хотѣлъ дочери своей отдать ему въ супругу. Онъ почиталъ за должность не жертвовать ею такому человѣку, которой въ бѣшенствѣ и въ пьянствѣ своемъ закололъ уже трехъ злощастныхъ Принцессъ, данныхъ ему политикою въ супруги. Дозволь же намъ, Государь! итти Нагмедину на помощь; дозволь, чтобы при толь славномъ случаѣ научались мы тому, что подобнымъ намъ Принцамъ необходимо знать должно.

Сколь

(*) Все порубающій мечь.

Сколь ни тягостную скорбь почувствовалЪ ОгуцЪ отЪ толь неожидаемаго требованія; а особливо, предвидя, что сіе причинитЪ Султаншамъ необходимо чрезмѣрную печаль; однако прозьбу сію почелЪ весьма справедливою; вЪ разсужденіи чего немедленно повелѣлЪ пріуготовлять все для нихЪ нужное, и спустя по томЪ не болѣе двухЪ недѣль, давЪ имЪ вЪ предводительство сорокЪ тысячь человѣкЪ сЪ отборными начальниками своихЪ войскЪ, отпустилЪ ихЪ вЪ Янагару.

Хотя разлука сія причиняла СултаншамЪ немало слезЪ, и скорбь ихЪ казалась быть непрекратимою; однакожЪ онѣ, будучи разсудительны, не могли вЪ томЪ не признаться, что дѣти ихЪ не найдутЪ лучшаго случая ко пріобрѣтенію себѣ славы. И такЪ сіи любезные Принцы отправились вЪ путь, вЪ которомЪ препроводя двѣ недѣли, прибыли вЪ Янагару, гдѣ застали и Нагмедина, которой отЪ врага своего Татаискаго Султана получилЪ вЪ то время самое ругательнѣйшее письмо, что его вЪ неописанное приводило сердце. Непріятель его, гордясь нѣкоторыми выигранными надЪ нимЪ малыми побѣдами, требовалЪ отЪ него дочери его уже не вЪ супруги, но повелѣвалЪ ему прислать ее кЪ себѣ такЪ какЪ невольницу, и угрожалЪ предать все вЪ его земляхЪ огню и мечу, естьли повелѣнія его немедленно не исполнитЪ. Легко можно разсудить, что Принцы, прибывЪ на помощь Соретскому Султану вЪ толь несносныхЪ для него обстоятельствахЪ,

 приня-

приняты имЪ были со всевозможною ласкою и радостію. ОнЪ любилЪ Нуду (такЪ дочь его называлась) весьма горячо; боялся онЪ и Самсана, которой былЪ еще вЪ цвѣтущихЪ лѣтахЪ, весьма горячаго сложенія, и при томЪ повелѣвалЪ самЪ вЪ войнѣ искусными войсками; а НагмединЪ, выключая припадковЪ глубокой старости, былЪ весьма слабаго сложенія, которое не позволяло ему предводительствовать своею арміею. ПоказалЪ онЪ письмо Султана Татайскаго ПринцамЪ ГузаратскимЪ, которые онымЪ столь раздражились, что всѣ дали клятву или лишить его жизни, или сами погибнуть. НагмединЪ, обрадованный вспомоществованіемЪ сихЪ ПринцовЪ, и гнѣвомЪ, которымЪ они противЪ Самсана пылали, вЪ знакЪ своея кЪ нимЪ дружбы и благодарности, хотѣлЪ преступить земли своей обычай, и приказалЪ привесть кЪ себѣ Принцесу, дочь свою. Нуда, узнавЪ намѣренія своего родителя, не упустила ничего, чѣмЪ бы великой своей красотѣ придать еще болѣе блеска и прелестей; притомЪ смертельное чувствуя отвращеніе кЪ Татайскому Султану, чаяла не найти надежнѣйшаго защищенія противЪ его насильствій, какЪ приведеніемЪ себѣ вЪ любовь котораго нибудь изЪ ГузаратскихЪ ПринцовЪ, кои за исполненныхЪ достоинствами людей почитались. И такЪ предстала она предЪ нихЪ сЪ такимЪ блескомЪ, который во сто кратЪ превозходилЪ полное луны сіяніе. Принцы приведены были красою ея вЪ такое удивленіе, что стали вдругЪ непоколебимы; но Асъ садЪ - АлладЪ, пришедЪ прежде всѣхЪ вЪ себя,

и

и прервавЪ молчаніе: прекрасная Принцесса! сказалЪ ей, естьли бы СамсамЪ былЪ не такой Государь, который только неслыханною своею жестокостію прославился, то никто не могЪ бы его за то осудить, что онЪ кЪ полученію тебя предпринимаетЪ; однако варварство и жестокосердіе его дѢлаютЪ его недостойнымЪ не только такой особы, о которой бы и великій нашЪ ПророкЪ воздыхать не устыдился, естьли бы жилЪ теперь на свѢтѢ; но недостоинЪ онЪ и самой послѢдней ея невольницы. Что касается до меня, милостивая государыня! то я не думаю, чтобы простой смертной могЪ когда стремиться кЪ достиженію такого благополучія, которое ничѢмЪ изобразить не возможно; и я не могу имѢть толико самолюбія и тщеславія, чтобы предложить тебѢ такое сердце, кое тебя ни мало не стоитЪ; но только смѢю увѢрить, что хочу лучше лишиться жизни, нежели зрѢть тебя жертвою такого чудовища, какЪ жестокой СамсамЪ. Прекрасная Султанша! вскричали другіе три Принца: АссадЪ-АлладЪ имѢетЪ предЪ нами только то преимущество, что прежде всѢхЪ предложилЪ тебѢ свои услуги; мы всѢ единыхЪ сЪ нимЪ мыслей; мы клянемся священнымЪ МекскимЪ храмомЪ, которой всѢми истинными правовѢрными толико почитается, что за тебя отмстимЪ наглость Татаискаго Султана, и лишимЪ его жизни; безчеловѢчныя и жестокосердыя его поступки привели его во всемЪ Индостанѣ вЪ омерзѣніе и непреоборимую ненависть.

Естьли НагмединЪ былЪ клятвами ПринцовЪ тронутЪ, то Нуда отЪ радости пришла вЪ восхищеніе.

хищеніе. Между тѣмъ подали великолѣпный столъ, наполненной великимъ множествомъ самыхъ вкуснѣйшихъ ѣствъ. Дватцать четыре невольника принесли оныя на золотыхъ и изъ самаго чистаго фарфора блюдахъ: на одномъ былъ окрашенной агнецъ, на другомъ рябчики, перепелки, фазаны; на иныхъ катышки изъ битаго мяса, обернутые въ свѣжія листья; пилавъ, пироги, мороженое, салады, горшечное, сырые плоды, конфекты и тому подобное были поданы на превеликихъ серебряныхъ доскахъ, на которыхъ все оное дѣлано и печено было; по семъ подавали лучшій шербетъ, а при окончаніи стола поднесенъ Гузаратскимъ Принцамъ кофе невольниками на колѣняхъ. Ассадъ-Алладъ, тронутый толь чрезмѣрною честію, оказываемою имъ симъ Государемъ, проговорилъ съ нѣкоторымъ восторгомъ сіи слова: *Да пребудетъ Султанъ въ щастіи и благополучіи, и да подастъ ему Всевышній долголѣтную жизнь и щастливые дни на вѣки.* Придворные же Нагмединовы примолвили къ тому съ великимъ усердіемъ: *да будетъ такъ.* По томъ призвали прыгуновъ, которые своими плясками и смѣшными позитурами причиняли всей той бесѣдѣ не малое удовольствіе, и празднество окончали. Какъ Принцовы войски стояли уже двои сутки въ окрестностяхъ Янагарскихъ, то предводители ихъ, которымъ Султанъ всякіе потребные посылалъ припасы и прохлажденія, объявили Принцамъ своимъ, съ сколь великою нетерпѣливостію воины ихъ желаютъ итти противъ непріятеля; почему Принцы не разсудили за благо медлить долѣе,

долѣе, и отправившись въ путь, по пятидневномъ походѣ пришли къ одному небольшому городу Сорeтскаго Султана, и разбили тамъ свои шатры.

Самсамъ, стоя въ близь лежащей долинѣ, старался многими сшибками выманить изъ укрѣпленій Нагмединову армію; однако Визирь, командовавшій тогда оною, былъ человѣкъ весьма разумный, и потому не могъ отважиться дать баталію, которой надлежало рѣшить судьбину царства его Государя; но находясь возлѣ одного узкаго прохода армія его, состоящая изъ сорока тысячь человѣкъ, въ состояніи была удерживать Султанову армію, состоящую болѣе, нежели изъ ста тысячь человѣкъ; вспомоществованіе же, полученное имъ прибытіемъ арміи Принцовъ и войскъ, присоединенныхъ къ оной Нагмединомъ, и снабдѣнныхъ самыми храбрѣйшими придворными Вельможами, сдѣлало силы ихъ почти равными; почему Принцы думали, что постыдно имъ будетъ отлагать далѣе нападеніе на непріятеля, котораго разрушить они клялися, и котораго несправедливость навлекла конечно на него гнѣвъ великаго Пророка. Въ разсужденіи сего, пользуясь ночною темнотою, вышли они изъ сего узкаго прохода, и поставя армію свою въ порядокъ баталіи, на самомъ разсвѣтѣ напали на непріятеля, который смѣлости таковой ни мало на чаялъ. Нападеніе сіе учинено было съ такою жестокостію и неустрашимостію, что храбрости и мужеству ихъ ничто не могло сопротивляться. Татаискій Султанъ не могъ выйти изъ удивленія, въ которое привело его нечаянное сіе нападеніе, потому

тому что разумъ не былъ главнымъ его дарованіемъ; будучи, такъ сказать, усыпленъ спокойствіемъ Визиря Нагмединона, который старался только о защищеніи себя, не почиталъ онъ его довольно смѣлымъ къ нападенію на него; однако увѣдавъ, что конечно пришло къ нему вспомогательное войско, побуждалъ солдатъ своихъ къ неустрашимому сраженію, предшествуя имъ самъ примѣромъ. Но Гузаратскіе Принцы, воспаленные данною ими клятвою побѣдить, или умереть, производили часа четыре толь сверхъестественныя дѣла, что Самсамовы солдаты не могли силъ ихъ противиться. Сей жестокосердый Государь, находя всюду Асеадъ-Аллада, предъ которымъ вездѣ предшествовала побѣда, почелъ, что низложа сего Героя, нетрудно ему будетъ побѣдить непріятельскія войски; въ разсужденіи чего съ величайшею яростію поскакалъ на сего Принца. Ктобъ ты таковъ ни былъ, кричалъ онъ ему, однако знай, что тебя за главнѣйшаго моего врага почитаю, и только твоею смертію могу отмстить пролитую тобою кровь моихъ воиновъ. Тогда, ударивъ сего Принца саблею по головѣ, конечно бы разсѣкъ его на двое до самаго сѣдла, естьли бы Ассадъ-Алладъ, который въ сраженіи со всевозможнымъ поступалъ равнодушіемъ, не уклонился отъ сего удара, чѣмъ и спасъ жизнь свою. Тогда напалъ онъ на Султана, и сіи два Принца, равно бодрые и мужественные, побуждаемы будучи желаніемъ побѣды, вступили въ жесточайшій бой; другъ другу даютъ саблями своими несчетное множество ударовъ, и уклоняются отъ оныхъ съ чрезмѣрнымъ

про-

проворствомъ и искусствомъ, а между тѣмъ солдаты съ обѣихъ сторонъ прекращаютъ на нѣсколько времени свою вражду, и взираютъ со удивленіемъ на мужество своихъ предводителей, изъ которыхъ уже кровь начинала литься потоками. Наконецъ Ассадъ-Алладъ прекратилъ бой сей, давъ Самсаму саблею такой ударъ, коимъ срубилъ съ него голову.

Какъ скоро войски сего Султана увидѣли Государя своего мертва, тотчасъ положили орудіе и требовали пощады; Принцъ далъ имъ оную, и начальники войскъ Самсамовыхъ, падъ предъ ногами Ассадъ-Аллада, про котораго они узнали, что онъ былъ Принцъ Гузаратскій: милостивый Государь! говорили они ему: сей Государь, которому повиновались мы съ великою досадою, не оставилъ по себѣ наслѣдника; злосердіе побудило его истребить всю свою фалилію; дозволь же, чтобы на престолъ Татаиской возвели мы того Героя, который въ очахъ нашихъ производилъ толь великія дѣла, и который свободилъ насъ отъ мучителя, коего иго становилось намъ уже несноснымъ: будь Султанъ нашъ, и насладись, Государь! плодами побѣды, которую мужество твое явило Ассадъ-Алладъ, приведенъ будучи предложеніемъ симъ въ замѣшательство, не могъ нѣсколько времени имъ на то отвѣтствовать; но потомъ по долгомъ размышленіи говорилъ онъ такъ: друзья мои! мы сражаемся за Нагмедина, и такъ судьбину вашу долженъ рѣшить онъ, а не я. Я учинилъ бы величайшую несправедливость, естьли бы принялъ корону, которая ему по всѣмъ принадлежитъ правамъ.

Отказъ сего Принца, что на престолъ вступить не хочетъ, умножилъ еще болѣе удивленіе начальниковъ Самсамова войска. Милостивый Государь! сказалъ ему одинъ изъ знатнѣйшихъ изъ нихъ, мы инаго кромѣ тебя признать своимъ Государемъ не хотимъ, ты только одинъ достоинъ повелѣвать нами; прими наше предложеніе, или дозволь, чтобы вольность нашу до послѣдняго издыханія защищали. Тогда, принявъ паки свои оружія: возьми ихъ, продолжалъ онъ, ты зришь предъ ногами твоими вѣрныхъ и послушныхъ рабовъ, или жестокихъ и отчаянныхъ непріятелей. Естьли Асадъ - Алладъ приведенъ былъ во удивленіе первымъ требованіемъ начальниковъ Самсамовой арміи, то оное еще болѣе умножилось симъ послѣднимъ ихъ намѣреніемъ: однако не хотя того, чтобы могли его укорять, что принялъ предлагаемую ему корону, въ предосужденіе правъ побѣды, которыя имѣлъ Нагмединъ, велѣлъ собрать воинскій совѣтъ, и Визири арміи сего Султана были всѣ того мнѣнія, чтобы въ таковыхъ обстоятельствахъ Гузаратскій Принцъ не отрицался принять Татаискую корону. Какъ скоро намѣреніе сіе извѣстно стало, то всюды слышны были радостные клики: имя Султана Асадъ - Аллада летало по всѣмъ мѣстамъ, а начальники и воины обѣихъ армій объявили тотчасъ младаго сего Принца Татаискимъ Государемъ.

Хотя новый Султанъ сей старался наблюдать всевозможную скромность; однако возведеніе его на престолъ причиняло ему чрезвычайную

вую радость. Какъ онъ къ Соретской Принцессѣ сильнѣйшую страсть чувствовалъ, то не сомнѣвался уже, чтобы корона не прекратила всѣ тѣ препятствія, которыя бы могли повстрѣчаться ему къ полученію сердца прекрасныя Нуды.

Принявъ присягу отъ новыхъ своихъ подданныхъ, избравъ двухъ почтенныхъ мужей, одного изъ начальниковъ ихъ арміи, а другаго изъ Нагмединовыхъ Визирей, повелѣлъ ихъ отвести въ свою столицу, куда обѣщался быть какъ возможно скорѣе. Самъ же поѣхалъ въ Соретъ въ томъ намѣреніи, чтобы корону свою положить предъ ногами Принцессы.

Извѣстіе о побѣдѣ и о смерти Самсама, также и о насильномъ Ассадъ-Аллада возведеніи на Татаиской престолъ, пришло ко двору Нагмедина прежде, нежели еще новый Султанъ туда прибылъ; и Соретскій Государь не только не завидовалъ щастію сего Принца, но еще неописанаую чувствовалъ отъ того радость. Удовольствіе его сдѣлалось еще болѣе, какъ Ассадъ-Алладъ поцѣловавъ у него руку, говорилъ ему слѣдующую рѣчь: Милостивый Государь! я никогда не былъ намѣренъ лишить тебя власти надъ подданными Султана, который недавно прекратилъ поносную жизнь свою; я не могъ предпріятію ихъ сопротивляться, не приведя войски наши въ такую опасность, отъ которой свободиться можетъ статься было бы невозможно; но со всемъ тѣмъ объявляю тебѣ, что короны сей не пріемлю, естьли не могу надѣяться оставить ее по себѣ твоему потомству, раздѣля ее съ Принцессою твоею дщерію: я ее обожаю,

обожаю, Государь! и возведеніе мое на толь высокій степень достоинствъ можетъ быть только тогда для меня чувствительно, когда подашь мнѣ средства зрѣть то, чтобы на Татаискомъ престолѣ по смерти моей царствовали твои внучаты.

Какъ Нагмединъ не могъ для дочери своей желать болѣе щастія, то безъ всякаго замѣшательства согласился отдать ее новому Султану; въ разсужденіи чего, обнявъ его, увѣрялъ, что ничто не въ состояніи причинить ему столько удовольствія и чести, какъ сей союзъ. Хотя Ассадъ-Алладъ новымъ своимъ достоинствомъ ни отъ кого и не зависѣлъ, однако не хотѣлъ упустить того, чтобы на бракъ сей не просить соизволенія у своего родителя; для сего послалъ къ нему одного изъ первоначальныхъ своихъ Вельможъ. Легко себѣ представить можно, въ какомъ состояніи находился Султанъ Гузаратскій при толь пріятныхъ для него извѣстіяхъ: слава, которую всѣ Принцы, его дѣти, получили, наполняла душу его самою чистѣйшею радостію; и усмотря въ письмѣ Ассадъ-Аллада, сколь много выхваляетъ онъ ему совершенства Сорецкой Принцессы, легко могъ заключить о его нетерпѣливости; въ разсужденіи чего немедленно отпустилъ присланнаго къ нему съ тѣмъ, что онъ на требованіе новаго Султана съ радостію соглашается.

Какъ скоро посланникъ сей въ Янагару прибылъ, то Ассадъ-Алладъ, не мѣшкая болѣе, сочетался съ Принцессою. Бракъ ихъ торжество-

ванъ

ванъ былъ со всевозможною пышностію и великолѣпіемъ, и естьли что могло нарушить нѣкоторымъ образомъ радость, младыми супругами чувствуемую, видя совершеніе своего благополучія, то сіе было извѣстіе о поспѣшномъ отбытіи трехъ Гузаратскихъ Принцовъ. Ассадъ-Алладъ давно уже примѣчалъ, что они прекрасною Нудою столь же сильно воспалены были; но онъ думалъ, что корона, которую на него мужество его возложило, побудитъ ихъ почитать любовь его, и что соизволеніе Нагмединово на его бракъ погаситъ въ сердцахъ ихъ чувствуемую ими къ сей Принцессѣ страсть: однако онъ въ томъ обманулся; каждый изъ сихъ Принцовъ, не отдавая себѣ должной справедливости, чаялъ получить предъ Ассадъ-Алладомъ преимущество; и потому на щастіе его не могли они взирать безъ зависти. Видя же, что имъ ничего болѣе ожидать не остается, удалились отъ двора Соретскаго съ поспѣшностію, и возвратились въ Камбай весьма недовольными, хотя походомъ своимъ и великую пріобрѣли себѣ славу.

Огуцъ, приведенъ будучи въ удивленіе толь поспѣшнымъ ихъ возвращеніемъ, не могъ понять того причины; но спустя нѣсколько по томъ времени, получилъ онъ отъ новаго Татаискаго Султана письмо, въ которомъ онъ съ великимъ прискорбіемъ и соболѣзнованіемъ жаловался на своихъ братьевъ, и просилъ своего родителя, чтобы онъ возвратилъ ему прежнее ихъ дружество, котораго онъ конечно не самъ собою лишился. Толь чрезвычайный поступокъ былъ нѣжному сему родителю весьма чувствителенъ:

онъ велѣлъ призвать къ себѣ трехъ Принцовъ, и прочтя имъ письмо Ассадъ-Аллада, укорялъ ихъ, сколь мало почитаютъ они такого брата, который достоинъ всей ихъ любви: я вижу, сказалъ онъ имъ, что Принцесса Нуда умѣла васъ тронуть; но какъ она не могла быть супругою, какъ только одного кого нибудь изъ васъ, то не надлежало ли вамъ считать, что она, сочетаясь съ Ассадъ-Алладомъ, сдѣлалась священнымъ предметомъ для васъ, такъ какъ его братьевъ; соберите свой разумъ, любезныя дѣти! оставьте завидовать щастію Ассадъ-Аллада; но паче благодарите великаго Пророка за его возвышеніе; потщитесь нелицемѣрными поступками своими быть достойными его любви; требуйте отъ него, чтобы онъ сыскалъ вамъ когда случай къ такому же преимуществу, и устыдитесь, что такія возъимѣли мысли, кои отъ самой природы отстоятъ толь далеко, понеже онѣ побудили васъ ненавидѣть такого брата, который всей вашей горячности достоинъ.

Принцы, смущенные симъ выговоромъ, котораго они ни мало не ожидали, не могли не признаться, что поступокъ ихъ весьма неостороженъ; въ разсужденіи чего просили Султана о прощеніи, и у Ассадъ-Аллада требовали также чрезъ письмо извиненія въ учиненной ими противъ него несправедливости.

Между тѣмъ Огуцъ, видя, что три Принца находились безпрестанно въ задумчивости и скукѣ, былъ тѣмъ чрезвычайно тронутъ. Изыскивая нѣсколько времени средства ко излеченію

ихъ

ихъ отъ такого рода болѣзни, велѣлъ самымъ славнымъ Камбайскимъ торговщикамъ невольницами привести къ нему на смотръ всѣхъ лучшихъ дѣвъ, какія у нихъ были.

Повелѣніе сіе было на другой же день исполнено; торговщики представили предъ Султана всѣхъ тѣхъ невольницъ, которыхъ у нихъ не было краше, и сей Государь, показавъ тремъ Принцамъ двенатцать самыхъ лучшихъ дѣвъ, которыя красотою своею кажется все на свѣтѣ превозходили, говорилъ имъ такъ: любезныя дѣти! избирайте изъ сихъ прекрасныхъ дѣвъ тѣхъ, которыя вамъ милѣе прочихъ кажутся; я вамъ ихъ дарую; удовольствіе сіе не возпрещаетъ вамъ и Пророкъ нашъ; я же точно увѣренъ, что вы бесѣдою ихъ можете разгнать ту печаль и скуку, которыя во всѣхъ дѣлахъ вашихъ безпрестанно видны.

Принцы удивились не мало сему предложенію Султана, и смущеніе ихъ было толь пріятно, что они не могли никакъ скрыть онаго. Ни одной изъ сихъ невольницъ не было такой, которая бы не могла съ Нудою въ красотѣ спорить, и каждый изъ нихъ избравъ себѣ подругу, были всѣ тѣмъ такъ довольны, что вскорѣ позабыли совсѣмъ причину ненависти своей къ Ассадъ-Алладу.

Что касается до Гузаратскаго Султана, то онъ хотя и чрезвычайно радовался, что возстановилъ миръ и согласіе между сыновьями своими; однако въ сердцѣ своемъ чувствовалъ нѣкоторое смущеніе и безпокойствіе, коихъ побѣдить былъ

 не

не въ состояніи, и которыя произвело въ немъ зрѣніе сихъ прекрасныхъ невольницъ. Обладая толь долгое время четырьмя своими законными супругами, не помышлялъ онъ ни о комъ болѣе, и почиталъ себя благополучнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ; но съ сей зловредной минуты чувствовалъ, будто нѣчто не достаетъ ему къ его благополучію; многократно претерпѣлъ, чтобы сыновья его изъ представленыхъ предъ нихъ дщерей не избрали одну младую Черкашенку, которая не болѣе шестнатцати, или семнатцати лѣтъ казалась; въ нѣкоторыя же притомъ минуты желалъ, чтобы кто нибудь изъ Принцовъ обратилъ на нее очи, дабы избраніемъ симъ не позволено ему болѣе было почитать ее такою особою, которая бы могла удовольствовать его желаніе; но ни одинъ изъ нихъ не удостоилъ ее внятнымъ взоромъ. Что же касается до Огуца, то онъ хотя и весьма стыдился, видя себя такимъ образомъ поиманна; однако никакъ не могъ новой страсти своей сопротивляться, и спустя по томъ нѣсколько часовъ, открылъ ее Великому своему Визирю. Горремдинъ! сказалъ онъ ему: сколь многимъ слабостямъ человѣкъ подверженъ! уже болѣе двадцати лѣтъ наслаждался я въ сералѣ моемъ самыми чистѣйшими утѣхами; удовольствіе мое составляли только четыре самыя прекраснѣйшія особы въ свѣтѣ; я самъ не желалъ имѣть болѣе никакой красавицы; но теперь вижу, что всѣ намѣренія мои уничтожаются. Гуль-Саба (*), сія младая Черкашенка, прон-

(*) Утренний цвѣтокъ.

пронзила сердце мое самыми язвительными стрѣлами. Сколь то для меня постыдно! я хочу сдѣлаться невольникомъ моей невольницы. Нѣтъ, Визирь! нѣтъ! Толь поносную страсть преодолѣть потщуся; она можетъ лишить супругъ моихъ жизни: сколь безразсудно, что имѣя отъ роду почти пятьдесятъ лѣтъ, хочу вдаться во всѣ дурачества такой страсти, которой не разсудительная юность подвергается! Сверьхъ того какъ могу тѣмъ льститься, чтобы сія прекрасная дѣвица меня истинно полюбила? Ахъ! она сдѣлала бы для меня конечно въ разсужденіи моего чина то, чего бы желалъ получить отъ нее единственно въ разсужденіи меня самаго. Изрядно, Визирь! чтобъ тебѣ показать, что хочу надъ собою одержать совершенную побѣду, дарую тебѣ Гуль Сабу; я не хочу ее болѣе видѣть; запрещаю и тебѣ мнѣ о ней говорить, или при мнѣ упоминать о ея имени; теперь все окончено, я возвращаюсь къ моимъ Султаншамъ, и пришлю къ тебѣ немедленно сію невольницу со всѣми тѣми, которыхъ я купилъ, опасаясь, чтобы отлича ее отъ подружекъ, не подать поводу къ подозрѣнію о моей къ ней слабости. Султанъ Гузаратскій казалось твердо вознамѣрился то исполнить; но взявъ Горремдина за руку, сказалъ ему: ты теперь властитель сей прекрасной невольницы; что намѣренъ ты, любезный Визирь! съ нею сдѣлать? Ахъ! ты ее увидя, конечно почувствуешь къ ней любовь: природа не произвела еще ничего ее прекраснѣе; и дѣти мои конечно слѣпы были, что предпочли ей другихъ невольницъ. Представь себѣ, Визирь!

 что

что въ Гуль-Сабѣ находишь Гурію, бѣлизна которой не уступаетъ самому чистому снѣгу; веселыя и сіяющія очи, проницая до сердца, прельщаютъ конечно и самыхъ нечувствительныхъ Можно ли представить себѣ прекраснѣе ея лица! Какіе взгляды! какія поступки! какой станъ и ростъ! . . Ахъ, Визирь! я прельщенъ ею; не могу о ней вздумать, не пришедъ внѣ себя; я довольно вижу, что безъ сей красавицы мнѣ никакъ жить не возможно; отдай мнѣ ее назадъ, любезный Горремдинъ! возврати мнѣ ее, о томъ тебя прошу; не злоупотребляй моимъ даяніемъ; возьми вмѣсто ее всѣ мои сокровища.

Рѣчь сія привела Визиря въ такое изумленіе, что онъ не смѣлъ проговорить ни слова. Ахъ! вскричалъ Отецъ, не медли возвратить мнѣ божественную сію дѣву. Жизнь моя отъ того зависитъ. Или ты прозьбы твоего Государя ни во что вмѣняешь? Милостивый Государь! отвѣтствовалъ на то Горремдинъ; хотя я и предвижу, что съ Гуль-Сабою вступятъ въ сераль твой несогласія, что ты не будешь болѣе наслаждаться симъ пріятнымъ спокойствіемъ, которое до сихъ поръ душу твою питало; и что супруги твои и Принцы твои дѣти, которые всегда любви твоей достойны были по справедливости, сдѣлаются вскорѣ для тебя предметомъ скуки, а можетъ быть и ненависти; но понеже жизнь твоя отъ того зависитъ, то и я совѣтую, чтобъ ты страсть свою какъ возможно скорѣе удовольствовалъ. Супруги твои станутъ о томъ роптать; однако скорбь ихъ продол-

должится только нѣкоторое время; сверхъ того ты въ дѣлахъ своихъ властенъ; и естьли до сихъ поръ довольствовался только обладаніемъ своихъ Султаншъ, то законъ великаго нашего Пророка развѣ не позволяетъ тебѣ къ удовольствію своихъ желаній имѣть столько невольницъ, сколько похочешь? Люби же, Государь! прекрасную Гуль-Сабу; она должна будучи поставлять себѣ за честь, что ты удостоилъ ее своею любовію, поступила бы конечно противъ разума, естьли бы не чистосердечно соотвѣтствовала любви самаго прекраснѣйшаго мужа, и величайшаго Государя во всемъ Востокѣ.

Огуцъ пришелъ въ великую радость, видя, что Визирь страсть его не порочитъ. Любезный Горремдинъ! сказалъ онъ, его обнимая; я начинаю жить паки; ты всѣ безпокойствія мои разрушаешь; я не могу уже болѣе сопротивляться огню, которой меня снѣдаетъ; я предаюсь совсѣмъ моей любви, потщись объявить Султаншамъ мое намѣреніе, и уговори ихъ, чтобы онѣ съ ласкою приняли новую сію подружку.

Визирь, принужденъ будучи исполнить повелѣніе своего Государя, приказалъ Султаншамъ объявить о новой страсти Огуца. Хотя онѣ тронуты тѣмъ были очень много, и сей Султановъ поступокъ разсматривали съ чрезвычайнымъ удивленіемъ и горестію; однако по совѣту Гогернацы вознамѣрились не укорять Султана, сколь много онъ причиняетъ имъ мученія.

Спустя нѣсколько по томъ времени, Огуцъ вступилъ во внутренность своего сераля; однако

молчанія своихъ женъ не примѣчалъ ни мало: онъ страшился только ихъ укоризнъ. А какъ онѣ довольно имѣли силы не показать ему, сколько велика печаль ихъ, то онъ оставилъ ихъ вскорѣ, и пошелъ съ нетерпѣливостію въ комнату Гуль-Сабы, которая по повелѣнію его пріуготовлена уже была къ сему посѣщенію. Султанъ не только не показывалъ предъ своею невольницею ту важность, которая Государямъ толь прилична; но изъявлялъ предъ нею при семъ случаѣ столько слабости, сколько себѣ вообразить можно, обнимая колѣна ея съ непристойнымъ великости его восхищеніемъ: божественная Гуль-Саба! говорилъ онъ ей, ты видишь предъ своими ногами самаго страстнѣйшаго и преданнѣйшаго человѣка; благополучіе его зависитъ отъ тебя единой; я твое сердце имѣть желаю; но требую его со всею тою горячностію, которую самая сильнѣйшая любовь произвесть можетъ.

Гуль-Саба приведена была сею рѣчью въ немалое удивленіе, и видя, сколь велика страсть, которую она въ сердцѣ Султана возжечь могла, вознамѣрилась употребить то себѣ въ пользу. Она подняла его съ великою учтивостію и цѣломудріемъ, просила его, чтобы на нѣсколько минутъ прервалъ онъ страстныя свои движенія, и выслушалъ бы ее терпѣливно: Милостивый Государь! сказала она ему, я знаю, что я твоя невольница, слѣдовательно и волѣ твоей должна повиноваться; но вижу, сколь честное сердце ты, Государь! имѣешь, и потому не думаю, чтобы захотѣлъ употребить надо мною всю

власть

власть твою. Хотя Султаншамъ, твоимъ супругамъ, и неравнаго состоянія быть кажуся, однако думаю, что не нижшаго ихъ произхожденія. Похищена будучи у моихъ родителей по четвертому году, не могу я знать о знатности моей породы; только помню, что до сихъ лѣтъ воспитывали меня въ великолѣпныхъ чертогахъ, и называли меня Принцессою; что купцы, которымъ я принадлежала, поступали со мною всегда съ великимъ почтеніемъ, и объявляли мнѣ, что опредѣлена въ супруги одного великаго Государя, и я вижу исполненіе нѣкоторой части ихъ обѣщаній. Но дозволь, Милостивѣйшій Государь! открыть тебѣ мои прискорбія; я тобою любима; признаюсь, что и въ моемъ сердцѣ чувствую къ тебѣ толь же сильную и непреодолимую склонность, и что единое только почтеніе возпрещаетъ мнѣ изъявить тебѣ живость моихъ чувствованій; однако, не взирая на сію взаимную любовь, Султанъ Гузаратскій не получитъ никогда владычества надъ моимъ сердцемъ, пока не сочетается со мною торжественнымъ образомъ; я не съ тѣмъ рождена, чтобъ быть предметомъ тайнаго презрѣнія женъ его; будучи принуждена жить съ ними въ сералѣ, станутъ онѣ почитать меня невольницею; съ дѣтьми моими будутъ тамъ поступать съ нѣкоторымъ образомъ начальствія; я же желаю лучше умереть, нежели сносить такое огорченіе.

Хотя Огуцъ и чрезмѣрно былъ прельщенъ прекрасною Черкашенкою; однако предложеніе ея привело его въ немалое изумленіе. Прекрасная

Гуль-Саба! сказалъ онъ ей весьма жалкимъ видомъ: законъ дозволяетъ мнѣ имѣть только четыре настоящія жены: я не могу преступить онаго, не подвергнувъ себя гнѣву великаго нашего Пророка. Тому весьма легко помочь можно, сказала на то Черкашенка; ты имѣешь власть развестись съ одною изъ твоихъ Султаншъ. Ахъ! вскричалъ Огуцъ, того я никогда не учиню, онѣ всякаго почтенія достойны. Когда такъ, отвѣчала на то Гуль-Саба, то посовѣтуй о томъ, Государь! съ Имамомъ; я точно знаю, что по примѣру Магометову такіе Султаны, какъ ты, изъ законовъ изключаются, а особливо когда сіи законы только до нихъ однихъ касаются; естьли Имамъ рѣшитъ въ твою сторону, то я готова съ тобою соединиться; естьли же нѣтъ!, то довольствоваться буду единымъ именемъ твоей невольницы, и соглашусь претерпѣть самую жесточайшую смерть, нежели понести на себѣ безчестіе и срамъ, быть наложницею Султана Гузаратскаго.

Сіи съ толикою твердостію произнесенныя слова поразили Огуца. Не мѣшкая послалъ онъ за Имамомъ, которому о семъ дѣлѣ говорилъ со всѣми выраженіями самаго страстнѣйшаго любовника. Имамъ, опасаясь лишиться жизни, естьли на то отвѣтствовать будетъ не согласно съ намѣреніями Султана, сказалъ ему такъ: сія прекрасная Черкашенка говоритъ истинну; правда, законъ великаго нашего Пророка позволяетъ имѣть только четырехъ женъ; ему же свыше позволено было имѣть, сколько хотѣлъ; а хотя истолкова-

ковашели священной книги, полученной имЪ отЪ Ангела Гавріила, говорятЪ, что сей законЪ сдѣланЪ не для СултановЪ; однако они, будучи нѣкоторый родЪ образа Божія, должны и отЪ прочихЪ человѣковЪ отличаться; и я кЪ истолкованію тому присоединю, что при теперешнемЪ случаѣ исключеніе отЪ закона весьма согласно сЪ твоими намѣреніями. Будучи жертвою общаго блага, и единственно стараясь разпространить законЪ нашего Пророка, и сохранить мирЪ во своихЪ земляхЪ, сочетался ты сЪ четырьмя Султаншами; вЪ обязательствахЪ сихЪ не имѣло сердце твое ни малѣйшаго участія: и такЪ когда ты жертвовалЪ собою благополучію своего народа, то какЪ не позволяется тебѣ удовольствовать страсть свою сЪ такою особою, которая по справедливости раздѣлить сЪ тобою ложе иначе не хочетЪ, какЪ ставЪ уже твоею супругою? АхЪ, Милостивый Государь! сей законЪ былЪ только бы для тебя весьма жестокЪ; и я имѣю власть разрѣшить твои сомнѣнія; ты можешь безЪ всякой опасности соединиться сЪ сею прекрасною Черкашенкою, и я готовЪ приступить кЪ совершенію сего таинства.

Толь лестное для Султана рѣшеніе привело его вЪ несказанную радость, и онЪ не хотѣлЪ отлагать бракЪ свой далѣе; вЪ разсужденіи чего ИмамЪ соединилЪ ихЪ немедленно, и получилЪ за то вЪ награжденіе десять тысячь золотыхЪ; невольники же и прислужники серальскіе возвѣщали то всюду радостными своими кликами; изЪ чего Султанши легко заключить могли,

что

что онѣ всей горячности супруга своего лишились; и запершись въ своихъ покояхъ, стонали, не производя при томъ ни малыхъ жалобъ; а Огуцъ, прельщенный новою своею супругою, помышлялъ только о насыщеніи стремительныхъ своихъ желавій.

Между тѣмъ Гуль-Саба по обычаю восточныхъ женъ, защищалась отъ Султана болѣе недѣли, и уже испытавъ довольно его любовь и послушаніе, согласилась насладить его совершеннымъ ею обладаніемъ.

Болѣе мѣсяца ни въ чемъ не упражнялись въ сералѣ, какъ въ пляскѣ, въ играхъ и въ банкетахъ. Но сколь велика была радость Огуцова, когда Гуль-Саба родила сына несравненной красоты! рожденіе его торжествовалось съ толикимъ великолѣпіемъ и иждивеніемъ, что отъ того сокровища Султановы почти совсѣмъ истощились.

Болѣе пятнатцати лѣтъ Огуцъ помышлялъ только о Гуль-Сабѣ и о ея любезномъ сынѣ; а естьли когда приходилъ къ другимъ своимъ Султаншамъ, то бывалъ съ ними столь не долго, и оказывалъ имъ толикую холодность, что имъ весьма трудно было не показать ему чувствуемую ими отъ того жестокую скорбь, а особливо, что новая Султанша, гордясь своимъ предъ ними преимуществомъ, не наблюдала въ разсужденіи ихъ ни малѣйшаго почтенія и благопристойности. Младый Батфалъ (*), такъ назывался сынъ Гуль-

(*) Имя сіе на Арабскомъ языкѣ значитъ храбраго и отважнаго человѣка, также и лѣниваго побродягу.

Гуль-Сабинъ, подражая худымъ примѣрамъ своей матери, которая воспитывала его съ великою надмѣнностію, не почиталъ Султаншъ ни мало, и не взирая на частые выговоры своего родителя, ежедневно являлъ новые опыты злаго своего нрава. Сколь ни слѣпъ былъ Огуцъ въ разсужденіи Гуль-Сабы и ея сына, однако причиняемыя Султаншамъ оскорбленія довольно могъ примѣтить, хотя ему онѣ о томъ никогда не жаловались; и часто случалось, что онъ досадовалъ на себя, что такъ много къ прекрасной Черкашенкѣ прилѣпился. Хотя для шестидесятилѣтняго человѣка и весьма пріятно быть молодою и прелестною красавицею любиму; однако Огуцу приходили такія минуты, въ которыя онъ о чистосердечіи Гуль-Сабы сомнѣвался. Въ ласканіяхъ ея казалось ему быть нѣчто притворное и принужденное; истинную же откровенность находилъ онъ въ сердцахъ первыхъ своихъ супругъ: и такъ не зная, какимъ бы образомъ то подлинно извѣдать, предавался иногда горчайшей тоскѣ и скукѣ.

Въ одну ночь запершись въ своемъ кабинетѣ, и читая съ великимъ благоговѣніемъ нѣкоторыя главы изъ Алкорана, просилъ онъ великаго Магомета о прекращеніи его мученій, и въ таковыхъ печальныхъ размышленіяхъ заснулъ, при которомъ случаѣ привидѣлось ему, будто Магометъ, пришедъ къ нему, говорилъ такъ: ты хочешь знать, какихъ мыслей о тебѣ Гуль-Саба? или тебѣ то безъизвѣстно, что женское сердце никому непроницаемо, развѣ только

кто

кто имѣетъ на рукѣ обвороженный перстень? (*) Однако я научу тебя, какимъ образомъ узнать не только внутренность твоей любезной Черкашенки, но и всѣхъ твоихъ Султаншъ и дѣтей; и симъ средствомъ отниму отъ ушей твоихъ заграду. Проснувшись поди искать племянника славнаго Альроамата; онъ называется Кофробъ; посовѣтуй съ нимъ о своемъ безпокойствѣ; я внушу въ него, что надлежитъ ему для удовлетворенія тебя дѣлать.

Султанъ Гузаратскій довольно слыхалъ о одномъ Грузинскомъ Царѣ, которой болѣе нежели за двѣсти лѣтъ царствовалъ въ Гуріелѣ; онъ зналъ, что о семъ Государѣ разсказываютъ много совсѣмъ невѣроятныхъ дѣлъ, и что посредствомъ его вселился въ Китай законъ Магометанскій; но ничего не слыхалъ онъ никогда о семъ Кофробѣ, котораго Пророкъ велѣлъ ему искать, и не могъ себѣ представить, чтобы послѣ двухъ сотъ лѣтъ кто нибудь изъ Альроаматовыхъ племянниковъ былъ на свѣтѣ. Однако чтобы не упустить ничего въ разсужденіи такого дѣла, которое до него столь много касалось, созвалъ онъ на другой день всѣхъ своихъ Визирей, и самыхъ славнѣйшихъ мудрецовъ Камбайскихъ, и спрашивалъ, не знаетъ ли кто изъ нихъ жилища Кофробова? Но никто не могъ о томъ увѣдомить, потому что и мудрецы про него ничего

(*) Подъ симъ разумѣется перстень Соломоновъ, которому восточные жители великія и странныя дѣйствія приписывающъ.

го не знали: и такЪ СултанЪ пошелЪ вЪ сераль весьма печаленЪ, и идучи услышалЪ, что старый его евнухЪ упоминалЪ имя Кофроба, вЪ разсужденіи чего призвавЪ его кЪ себѣ, спрашивалЪ, о комЪ онЪ говорилЪ. ЕвнухЪ сказалЪ ему на то, что не далеко отЪ Камбая живетЪ вЪ пещерѣ старикЪ, которой называется КофробомЪ, и ведетЪ толь умѣренную и премудрую жизнь, что всѣ его сосѣди ему удивляются. ОгуцЪ, увѣдая о томЪ, взялЪ сЪ собою нѣсколько человѣкЪ изЪ своихЪ придворныхЪ, также и сего евнуха, и поѣхалЪ верьхомЪ кЪ тому мѣсту, гдѣ сей святый мужЪ жилЪ, куда чрезЪ нѣсколько часовЪ и прибыли. КакЪ скоро КофробЪ услышалЪ лошадиной топотЪ, то не мѣшкая отворилЪ дверь, и подошедЪ кЪ Огуцу сЪ веселымЪ, но величествомЪ наполненнымЪ видомЪ, говорилЪ: СултанЪ Гузаратскій! я знаю, за чемЪ ты ко мнѣ пріѣхалЪ; я подамЪ тебѣ всякое вспомоществованіе; однако прежде всего надлежитЪ мнѣ поговорить сЪ тобою на единѣ. Во удивленіе приведенный СултанЪ, приказавЪ тогда всѣмЪ сЪ нимЪ пріѣхавшимЪ отдалиться, взошелЪ одинЪ вЪ жилище Кофробово, гдѣ святый мужЪ говорилЪ ему слѣдующее: великій ПророкЪ, коего имя да прославляется во вѣки, говорилЪ со мною; обЪявилЪ мнѣ причину безпокойствЪ твоихЪ, и для облегченія твоего повелѣлЪ мнѣ построить для тебя при вратахЪ КамбайскихЪ великолѣпный дворецЪ: вЪ семЪ-то мѣстѣ посредствомЪ меня обрящешь ты потерянное свое спокойствіе. ВпрочемЪ не думай, Государь! чтобы я былЪ обыкновенный АрхитекторЪ; премудрость, которой

я

я повинуюсь, и сей перстень, которой прежде сего принадлежалъ Султану Соломону, дѣлаютъ, что все другимъ невозможнымъ кажущееся для меня весьма легко и не затрудительно: мнѣ надобно токмо объявить мое желаніе подвластнымъ мнѣ духамъ, то все въ одну минуту исполнено будетъ; однако, чтобы Султанши, твои супруги, ни подданные твои не возъимѣли какого подозрѣнія, то на построеніе сего зданія должно положить довольное время. И такъ прикажи мнѣ въ присутствіи всѣхъ съ тобою пріѣхавшихъ слѣдовать за тобою въ Камбай, построить тебѣ тамъ новой сераль, и придѣлать къ оному мечеть, въ которой бы стояла также гробница для положенія въ оную твоего тѣла, когда смертный Ангелъ вынетъ изъ онаго душу. Султанъ, удивленный таковою рѣчью сего премудраго старца, исполнилъ все имъ сказанное; и какъ скоро Огуцъ въ Камбай возвратился, то Кофробъ началъ пріуготовляться къ исполненію повелѣній, даныхъ ему симъ Государемъ.

Спустя послѣ того съ недѣлю, объявлено было вездѣ о семъ предпріятіи; и болѣе трехъ тысячь работниковъ всякаго рода начали подъ смотрѣніемъ почтеннаго сего Архитектора закладывать зданіе, ему на построеніе порученное. Никогда не производилась работа съ такою скоростію, съ такимъ порядкомъ и съ толикою точностію; и хотя Султанъ въ томъ и предупрежденъ былъ, однако не могъ понять, какимъ волшебствомъ строеніе сіе ежедневно прибавлялось. Наконецъ по прошествіи полугода великое сіе зданіе было совершено. Кофробъ, ведя Сул-

Султана по самымъ потаеннымъ мѣстамъ дворца, ввелъ его въ трапезу мечети, которая вся убрана была деревомъ; оттуда взошелъ съ нимъ въ галлерею, сдѣланную весьма художественнымъ образомъ между двумя толстыми стѣнами, изъ которой можно было не только видѣть, не будучи притомъ самъ видимъ, все то, что въ разныхъ покояхъ, Султаншамъ отведенныхъ, происходило; но и всѣ ихъ разговоры слышать чрезъ отверстія, сдѣланныя въ стѣнахъ мозаическою рѣзьбою, которая, казалось, вмѣсто украшенія служила.

Не довольно еще того, сказалъ тогда Кофробъ, что симъ средствомъ можно будетъ узнать, какихъ мыслей о тебѣ Султанши; но надлежитъ тебѣ испытать ихъ еще болѣе: для сего наименуй меня Иманомъ сея мечети. Не страшись, Государь! ничего, видя меня заперта въ сералѣ съ твоими женами; въ мои лѣта не можно уже имѣть никакихъ вожделѣній; уже болѣе ста лѣтъ отрекся я отъ всѣхъ прохладъ сей жизни, надѣясь единственно насладиться въ раю нашего святаго Пророка всемъ тѣмъ, что онъ истиннымъ Музульманамъ обѣщаетъ. Сто лѣтъ! вскричалъ Огуцъ. Да, Государь! отвѣтствовалъ Кофробъ: будучи племянникъ великаго Альроамата, Царя Грузинскаго, и научась отъ него самымъ вышшимъ наукамъ, царствовалъ я довольно долгое время въ Китаѣ; но премудрость, которой сей великій мужъ далъ мнѣ первоначальныя основанія, побудила меня презирать земными величествами, и стараться о снисканіи тѣхъ, которыя законъ обѣщаетъ намъ

 дать

дать на небесахъ. Царство мое оставилъ безъ сожалѣнія своему сыну; и внучата его еще теперь управляютъ Китаемъ. Что же до меня касается, то я, упражняясь единственно въ разсматриваніи небесныхъ чудесъ, есмь оружіемъ, которое Посланникъ Божій употребляетъ не рѣдко для изведенія смертныхъ изъ безднъ, въ кои прародительскій грѣхъ ихъ толь часто ввергаетъ. И такъ ты, Государь! видишь предъ собою совсѣмъ отъ міра отрекшагося человѣка, который уже болѣе двухъ вѣковъ на землѣ живетъ только для исполненія воли нашего Пророка; поручи же мнѣ твоихъ Султаншъ безъ всякой опасности. Ты можешь завтра перевесть ихъ въ сей дворецъ, а изъ стараго сдѣлай караванъ-сераль для принятія всякихъ путешественниковъ; и ты вскорѣ познаешь пользу сего учрежденія.

Огуцъ удивился чрезвычайно, слыша отъ Кефроба, что онъ толь великимъ былъ Государемъ; въ разсужденіи чего хотѣлъ воздать ему должное по его высокому чину; но сей почтенный старецъ предупредилъ его, сказавъ: естьли бы я хотѣлъ, чтобы мнѣ безпрестанно почтеніе воздавали, то бы конечно престола не оставилъ; но благодарю праведное небо, что во все время моего царствованія не прельщался никогда симъ благовоніемъ, которое Царямъ безпрестанно подносятъ, и отъ котораго они никакой не чувствуютъ боли. По щастію умѣлъ я подлаго льстеца разпознать съ честнымъ человѣкомъ; я хотѣлъ, чтобы истинна меня всюду окружала, и пріучилъ къ оной всѣхъ тѣхъ, кои при мнѣ служили, такъ что могу сказать, что

дворъ

дворъ мой былъ примѣромъ въ своемъ родѣ. Такое завѣщаніе далъ я и моимъ внучатамъ; но порча нынѣшнихъ вѣковъ не допустила ихъ слѣдовать оному точно, и Китайскій дворъ находится теперь почти на такомъ же основаніи, какъ всѣ прочіе восточныхъ Государей дворы, въ которыхъ подлые евнухи, или любимыя Султанши показываютъ ежедневно власть свою надъ жизнію и благополучіемъ народовъ, подчиненныхъ ихъ Султанамъ. Ты же, Государь! управляя понынѣ подданными твоими съ толикою премудростію, потщись удаляться отъ сего безпорядка, и памятуй безпрестанно, что за порученныхъ тебѣ Богомъ народовъ долженъ будешь Ему отвѣтствовать.

Гузаратскій Султанъ, прельщенный премудрыми наставленіями Кофроба, и почитающій всѣ его совѣты, не преминулъ предложенія его произвесть въ дѣйство; на другой же день велѣлъ перевесть Султаншъ въ новой свой сераль, великолѣпіе котораго никакъ описать было не возможно: въ садахъ, оной окружающихъ, все приводило въ удивленіе; и какъ Кофробъ расположилъ ихъ такъ, что подлѣ ихъ находилась превеликая роща на нѣсколько верстъ въ окружности, то все сіе зданіе казалось паче жилищемъ Перицовъ (*), нежели простыхъ людей.

(* Перицы суть такія твари, которыя ни люди, ни Ангелы, ни дьяволы; и Арапы называютъ ихъ Гиннами. Восточные жители почитаютъ ихъ благодѣтельными духами, и что живутъ они въ особливой землѣ, Гиннистанъ называемой, и имѣютъ безпрестанно войну съ злыми духами, Дивесыми по ихъ именуемыми.

Итак Отецъ поручилъ Кофробу, какъ то онъ того требовалъ, первоначальство въ мечети новаго сераля. Уже прошло более четырехъ мѣсяцовъ, что они въ оном жили, какъ Султанъ, слѣдуя совѣту премудраго старца, притворился больнымъ, будто чувствовалъ весьма сильное трепетаніе сердца. Хотя болѣзнь сія привела Султаншъ въ несказанное смущеніе, однако Гуль-Саба показывала притомъ всѣхъ болѣе безпокойства. Ахъ, милостивый Государь! говорила она Султану, проливая слезъ потоки: что со мною будетъ, когда злымъ рокомъ тебя лишуся? Что тогда и съ сыномъ моимъ послѣдуетъ? Отмѣнная твоя къ нему любовь конечно возбудитъ противъ нещастнаго сего Принца всѣхъ его братьевъ; Султанши повелятъ имъ отмстить мнѣ за любовь, которою ты меня толь долгое время безпрерывно удостоивалъ; онѣ никогда не простятъ мнѣ того, что я лишила ихъ твоего сердца, и нещастный Башфалъ будетъ жертвою ихъ ярости. Не страшись сего, сказалъ ей на то Султанъ; я знаю, сколь благородныя онѣ имѣютъ мысли, и никогда не подумаю, чтобы онѣ такія противъ тебя намѣренія возъимѣли; однако для твоего успокоенія положу предѣлы ихъ власти. Ацраилъ (*) еще не подлѣ одра моего; я чувствую, что сей ужаснѣйшій день, котораго и самый праведный Музульманинъ трепетать долженъ, еще не приближился. Сіи увѣренія успокоили на нѣсколько времени Гуль-Сабу. Но сколь велика была печаль ея и другихъ Султаншъ, когда,

(*) Смертный Ангелъ.

когда, спустя потомъ нѣсколько дней, Султанъ получа извѣстіе, что Гумайунъ и Нериманъ, осматривая Гузаратскіе города, на правителей которыхъ народъ жаловался, будучи заражены моровою язвою, тамъ скончались, толь великую печаль почувствовалъ, что Султанши легко могли примѣтить, что силы и здравіе его начали отъ часу болѣе умаляться, и что онъ упражнялся только въ томъ, какимъ бы образомъ для отчету въ дѣлахъ своихъ предстать предъ тронъ Всевышняго, котораго всѣ Цари, сколь ни велики и ни сильны они быть кажутся, суть ничто иное, какъ подножіе.

Тщетно старались врачи пользовать его лѣкарствами своими; оныя ни мало болѣзнь его не облегчали, потому что онъ не хотѣлъ ихъ принимать. Иманъ, ослѣпляя, такъ сказать, глаза у всѣхъ въ сералѣ находящихся, дѣлалъ такъ, что Огуцъ казался весьма опасно боленъ, хотя онъ, не взирая на свои прискорбія, совершеннымъ здравіемъ наслаждался. Наконецъ въ одинъ день показывая, что онъ противъ обыкновеннаго совсѣмъ несносную болѣзнь чувствуетъ, приказалъ своимъ женамъ и дѣтямъ къ софѣ своей приближиться, и говорилъ имъ слѣдующую рѣчь: я начинаю чувствовать, сказалъ онъ имъ весьма слабымъ голосомъ, и поцѣловавъ всѣхъ ихъ съ великою горячностію, что и Государи, подобно самымъ послѣднимъ изъ ихъ подданныхъ, не освобождаются отъ смерти, и что при приближеніи плачевнаго сего дня должно имъ страшиться болѣе самаго послѣдняго Му-

бусурманина: обязаны будучи бдѣть о врученныхъ имъ народахъ, какой отчетъ могутъ они дать въ худомъ правительствѣ землями своими? Будучи обыкновенно преданы во младости всякимъ сладостямъ, не пекутся они о томъ ни мало, нѣтъ ли въ государствѣ ихъ людей въ убожествѣ и бѣдности стенающихъ, и притѣсняемыхъ жестокостію опредѣляемыхъ ими чиноначальниковъ? Въ сію-то минуту вижу я, что низхожу въ бездну вѣчности, что все сіе въ мысляхъ мнѣ представляется. Какъ не долженъ устрашиться, переходя сей ужасный мостъ (*), котораго никому миновать не можно! Сколько бѣдныхъ уцѣпятся за мою одежду! Увы! я трепещу отъ ужаса! но со всемъ тѣмъ чувствую, что надлежитъ мнѣ пріуготовляться къ сему страшному переходу, и что жить мнѣ остается только нѣсколько дней: тѣло мое ослабѣваетъ отъ часу болѣе, и вскорѣ то величество, котораго всѣ Индустанскіе Цари страшились, и котораго всѣ подданные мои трепетали, превратится въ прахъ. Вижу, что вы проливаете слезы; онѣ меня терзаютъ; отрите ихъ, и внемлите послѣднимъ моимъ увѣщаніямъ.

Естьли когда нибудь я былъ вамъ милъ, то опыты того, любезныя Султанши, и вы дражайшія дѣти! мнѣ нынѣ покажите. Я требую

(*) Въ восточной богословіи мостъ сей называется Пуль Серрга, то есть мостъ посреди пути сдѣланный. Магометане думаютъ, что подъ онымъ пылаетъ всегда огонь, и что на страшномъ судѣ наономъ будутъ хвататься обиженные за тѣхъ, кои ихъ обидѣли.

бую отъ васъ, чтобы о смерти моей таить цѣлые четыре мѣсяца. Я къ тому имѣю причины, которыя вы въ настоящее время конечно узнаете; хочу, чтобы только одинъ Иманъ Кофробъ отправилъ должныя при томъ церемонiи; чтобы онъ положилъ меня въ гробницу, въ мечети дворца сего стоящую, чтобъ тамъ безпрестанно молилъ о мнѣ Всевышняго; и чтобы скорбь ваша не изходила изъ сераля. Вотъ послѣднiя мои завѣщанiя, написанныя въ семъ моею печатью запечатанномъ пакетѣ, которой подъ проклятiемъ запрещаю вамъ открывать прежде положеннаго мною времени. Между тѣмъ пускай верьховный Визирь управляетъ моимъ именемъ, получая при томъ повелѣнiя отъ Кофроба, такъ какъ то дѣлалъ онъ во время моей болѣзни: только сему Иману, котораго великая премудрость вамъ извѣстна, и которому вручилъ я свою духовную, извѣстны мои намѣренiя. Вы, сыновья мои! чтите матерей вашихъ, живите въ согласiи и въ мирѣ, не возбуждая никакого раздора въ государствѣ; а вы, любезныя Султанши! естьли любовiю моею къ Гуль-Сабѣ нанесъ вамъ прискорбiе, простите мнѣ; припишите то человѣческой слабости, и забудьте, естьли возможно, отвращенiе, кое можетъ быть возъимѣли вы къ ней и къ ея сыну. Я обоихъ ихъ увѣщаваю любить и почитать васъ, помня то, что безъ всякой почти умѣренности я ихъ любилъ, въ которое время вы, казалось, всей моей любви лишены были; ибо не думайте, чтобы я когда нибудь переставалъ имѣть къ вамъ во внутренности моего сердца

ту горячность, которой вы по справедливости достойны въ разсужденіи кротости и смиренія, съ коими вы заблужденія мои сносили.

Вотъ въ семъ состоитъ мое отъ васъ требованіе; прочее же познаете по прошествіи положеннаго мною вамъ времени; въ ожиданіи чего живите въ покоѣ въ семъ дворцѣ, изъ котораго выходить вамъ запрещаю. Зная же слабость женскаго сердца, не препятствую вамъ приступить по смерти моей къ другому браку, когда то съ благопристойностію сопряжено будетъ, хотя нѣкоторый родъ благочинія и величество нашего состоянія и должны васъ отъ того отвращать; старайтесь только избѣгнуть такого обязательства, которое бы могло привести васъ въ стыдъ и посрамленіе; памятуйте всѣ, что, наруша мои повелѣнія, подвергнете себя моему проклятію.

Во все то время, какъ Огуцъ говорилъ рѣчь сію, Султанши и Принцы не могли осушить глазъ ни на минуту; сердце ихъ толь сильною скорбію стѣснялось, что не въ силахъ они были ни одного проговорить слова: только Султанъ казался спокойнымъ; и какъ Иманъ по повелѣнію его принесъ къ нему Алкоранъ, то онъ велѣлъ имъ всѣмъ на сей священной книгѣ клясться, что они со всякою точностію все то исполнятъ, что онъ отъ нихъ требовалъ; и по принятіи отъ нихъ сей присяги обнималъ всѣхъ ихъ съ неизреченною горячностію, послѣ чего далъ имъ знать, чтобы они въ свои чертоги возвратились, дабы онъ въ послѣднія минуты

своей

своей жизни могъ насладиться исповѣданіемъ своей совѣсти, и принесеніемъ Всевышнему истиннаго покаянія. Сколь ни тягостенъ и ни несносенъ былъ для нихъ приказъ сей, однако они принуждены были его исполнить, и вышли изъ комнаты Султановой, пронзены будучи наигорчайшею печалію.

Съ сей минуты Иманъ казалось цѣлыя двои сутки упражнялся единственно въ чтеніи предъ Огуцомъ сей великимъ Магометомъ начертанной книги. Наконецъ плачевный тотъ часъ насталъ, въ которой о кончинѣ Султановой Кофробъ долженъ былъ объявить въ ceралѣ; всюду слышны были только стенанія, рыданіе, плачь и отчаяніе являющіе крики; но премудрый старецъ представлялъ Султаншамъ и Принцамъ, что сія чрезмѣрная печаль откроетъ конечно то, что покойный Султанъ повелѣлъ имъ хранить толь тайно. Наконецъ премудрыми своими увѣщаніями и совѣтами прекратилъ всеобщее отчаянное безпокойство; всякъ удалился въ свое жилище, и тамъ оплакивалъ горчайшую свою долю. Иманъ, коему погребеніе Огуца поручено было, отнеся его въ свой покой, которой подлѣ самой мечети былъ сдѣланъ, показывалъ, будто омывалъ его тѣло, и облекъ его въ мантію (*), на которой Государь сей еще при жизни велѣлъ написать весь Алкоранъ. Потомъ, положа болванъ въ гробницу, объявилъ, что похороны его совсѣмъ совершены были.

(*) Набожные Музульманы думаютъ, что сіе есть великою помощію къ ихъ спасенію.

По семъ весь сераль началъ наблюдать съ великимъ благоговѣнiемъ обыкновенные при таковыхъ случаяхъ обряды: Принцы и Султанши надѣли темныя рязы, и цѣлые восемь дней были, такъ сказать, непоколебимы, не употребляя притомъ никакой пищи; въ девятый же день Принцы, взошедъ въ баню, велѣли обрить себѣ голову и бороду, надѣли новое платье, и пришедъ въ покой, гдѣ сидѣли Султанши, старались утѣшать ихъ всякими образами; однако онѣ, не взирая на всѣ усильныя ихъ старанiя, цѣлые сорокъ дней упражнялись единственно во изъявленiи чрезмѣрной своей скорби.

Какъ сiе прошло время, то Султанши старались сыскать себѣ такое упражненiе, которымъ бы могли усладить печаль свою: иная шила золотомъ, иная вила шелкъ; Гегернаца же, будучи великая мастерица играть на лирѣ, ни одного дня не пропускала, чтобы на прекрасномъ семъ инструментѣ не воспѣть похвалъ покойному своему супругу; и какъ притомъ сочиняла она весьма хорошо стихи, то иногда составляла толь жалостныя пѣсни, и пѣла ихъ съ толикимъ болѣзнь являющимъ возхищенiемъ, что часто не могла ихъ окончать, и приходила въ обморокъ.

Принцы и другiя Султанши слушали сiи жалостные стихи нѣсколько дней съ удовольствiемъ; но усмотря, что они только печаль ихъ отчасу болѣе умножали, просили ее о прекращенiи хотя на нѣсколько времени ея скорби.

Гуль - Саба, которая страшилась мщенiя и ненависти Султаншъ, видя, сколь много друже-

ства.

ства и ласки онѣ ей оказываютъ, думала къ умноженію еще болѣе ихъ къ себѣ благосклонности объявить имъ свои мысли. Государь, любезный нашъ супругъ, сказала она имъ, уже почти два мѣсяца скончался; слезы, рыданіе и стенанія наши не могутъ уже ему возвратить жизни; все сіе уменьшаетъ только красоту нашу, которой пользоваться онъ намъ дозволилъ, когда положенное протечетъ время; для чего же, дражайшія Султанши! не умѣрить намъ печаль свою? Не лучше ли искать въ сіе время пристойныхъ состоянію нашему увеселеній? Я не намѣрена погрузить себя во гробъ живую: и такъ кажется мнѣ, можемъ требовать на то мнѣнія Принца Ширина. Хотя совѣтъ сей и не всѣми былъ принятъ, однако и не уничтоженъ остался: и потому вознамѣрились стараться о изысканіи такого благороднаго увеселенія, которымъ бы можно было хотя нѣсколько разогнать толь печальныя мысли; а какъ Ширинъ былъ отъ природы весьма веселаго нрава, то въ томъ на него положились; и онъ, размышляя о томъ нѣсколько дней, сыскалъ напослѣдокъ способъ, коимъ Султанши могли хотя на малое время быть спокойны; въ разужденіи чего объявилъ имъ оный, и получилъ на то отъ всѣхъ согласіе.

Надзиратель каравана сераля, который прежде сего былъ Огуцовымъ дворцомъ, служилъ невольникомъ у Ширина; онъ тотчасъ послалъ за нимъ. Зіадій! сказалъ онъ ему: Султанъ, мой родитель, уже дряхлъ, и находится безпрестанно въ пресильной задумчивости, кото-

которая заставляетъ насъ страшиться худыхъ слѣдствій; ежедневно выдумываемъ мы новыя забавы къ его утѣшенію; но къ тому уже болѣе не достаетъ силъ нашихъ; я вздумалъ, что ты только одинъ можешь намъ впредь быть весьма полезенъ для доставленія ему увеселеній; для того требую отъ тебя слѣдующаго: въ караванъ сераль пріѣжжаютъ безпрестанно разные путешественники; я хочу всякой вечеръ, нарядясь въ простое платье, и привязавъ себѣ бороду, быть при ихъ туда пришествіи; когда кто нибудь изъ нихъ мнѣ понравится, то есть, которой способенъ будетъ къ произведенію моихъ намѣреній, то я его велю украсть, и принесть во дворецъ. Какъ можно, Государь! сказалъ Заадій, сіе сдѣлать такимъ образомъ, чтобы того никто не примѣтилъ? Насильство сіе можетъ быть опасно. Я не намѣренъ поступать притомъ насильнымъ образомъ; а вотъ какую хочу употребить притомъ хитрость: когда найду я путешественника по своимъ мыслямъ, то ты съ нимъ подружися, и позови его къ себѣ для препровожденія вечера; я также къ тебѣ приду, и въ концѣ ужина примѣшаемъ ему въ питье буенгу (*); какъ скоро оный дѣйствіе свое сдѣлаетъ, то я велю его отнести въ сераль, гдѣ удивленіе его весьма много веселить можетъ; когда же сіе, или повѣствованіе его

(*) Буенгъ такой напитокъ у Персіянъ, отъ котораго приходятъ въ смѣшное и весьма забавное безуміе, которое притомъ весьма скоро кончится; а послѣ онаго весьма крѣпко засыпаютъ.

его своихъ приключеній удовольствуетъ наше желаніе, то тѣмъ же способомъ велю его отнести въ караванъ-сераль, гдѣ проснувшись конечно все съ нимъ произходящее почтетъ за сонъ. Сіе увеселеніе хочу я имѣть сей же вечеръ. Естьли то возможно, милостивый Государь! сказалъ ему на то Заадій: выдумка сія кажется мнѣ весьма забавна, и оную тѣмъ легче нынѣшній день въ дѣйство произвесть можно, что въ караванъ-сералѣ находятся теперь три молодые человѣка, которымъ я уступилъ свою комнату, и съ которыми долженъ наступающій вечеръ ужинать: они искусные музыканты, какъ-то могъ я заключить изъ ихъ пѣсенъ; съ ними есть еще женщина около пятидесяти лѣтъ, которая сказывается ихъ матерью; они хотятъ отсюда ѣхать завтра; однако вы можете ихъ продержать столько времени, сколько разсудите за благо для удовольствія вашего, такъ что о похищеніи ихъ ни малѣйшаго подозрѣнія не будетъ. Очень хорошо, сказалъ Принцъ, я приду къ тебѣ сего вечера ужинать, и для перенесенія сихъ четырехъ человѣкъ дамъ повелѣніе. Ширинъ, будучи чрезвычайно доволенъ, что Султаншамъ можетъ сдѣлать увеселеніе, пошелъ къ нимъ о томъ ихъ увѣдомить; чѣмъ онѣ всѣ много обрадованы были, выключая Гегернацы, которая представляла, что такое увеселеніе кажется ей не кстати; однако напослѣдокъ принуждена была на то согласиться, а особливо узнавъ, что и Кофробъ на исполненіе того безъ всякаго прекословія согласился.

Ши-

Ширинъ ожидалъ съ великою нетерпѣливостію исполненія своего намѣренія; и потому еще довольно рано въ караванъ-сераль пошелъ, нарядясь Факиромъ (*), то есть, имѣя на плечахъ тигрову кожу, на головѣ овечью шапку и предлинную въ рукахъ дубину, взошелъ онъ смѣло въ покой къ Заадію: другъ мой! сказалъ онъ ему: я пришелъ къ тебѣ ужинать; по щастію моему у тебя изрядная бесѣда; трапеза наша тѣмъ веселѣе будетъ, я и принесъ съ собою бутылку Шираскаго вина, которую дала мнѣ одна старуха за то, чтобъ я помолилъ за нее нашего Пророка, дабы ея мужъ, который занемогъ грудью, отъ сей болѣзни не всталъ болѣе съ постели; она влюблена въ одного молодаго своего сосѣда, за котораго ей весьма хочется вытти замужъ; я ее увѣрилъ, что Магометъ мнѣ не откажетъ въ сей милости; и естьли мольба моя дѣйствительна будетъ, то обѣщала мнѣ многое, теперь же дала только сію бутылку съ виномъ. Трое молодыхъ людей и старуха начали смѣяться, увидя Факира; по окончаніи же его рѣчи сѣли за столъ, которой довольно весело препроводили, и бутылку съ Шираскимъ виномъ выпорожнили, а въ концѣ ужина подмѣшалъ Ширинъ буенгу въ воду и въ вино, который напитокъ и произвелъ вскорѣ ожидаемое имъ дѣйствіе. Сіи четыре путешественника въ такой глубокой сонъ пришли, что во дворецъ отнесли

(*) У Магометанъ есть множество разныхъ родовъ монаховъ, а имянно: Дервиши, Факиры, Календеры, Теберры и проч.

несли ихъ безъ всякаго чувства, и положили на софы, и они спустя болѣе часа, проснулись.

Хотя Иманъ Кофробъ, не взирая на свои лѣта и важность, на такое увеселеніе охотно согласился, однако притомъ имѣлъ свои причины: какъ я, сказалъ ему Султанъ, не будучи никѣмъ видимъ, буду свидѣтелемъ всего того, что въ семъ дворцѣ говорить стануть: то ни мало не оскорблюсь, естьли тамъ какія приключатся произшествія, которыя можетъ быть подадутъ мнѣ случай узнать еще лучше состояніе женъ моихъ. Я не хочу ихъ неволить, и чтобы онѣ ни дѣлали, все намѣренъ сносить съ равнодушіемъ: естьли Султанши любили меня искренно, то ничего непристойнаго не сдѣлаютъ, и тогда могу лучше наградить ихъ ко мнѣ горячность; естьли же примѣчу, что любовь ихъ ко мнѣ была только наполнена притворствомъ, то къ нимъ такъ равнодушенъ сдѣлаюсь, что ни мало о нихъ помышлять не буду. Вотъ, дражайшій Кофробъ! какое намѣреніе я предпріялъ; великій нашъ Пророкъ, котораго милостію ты пользуешься, далъ мнѣ крѣпость сію конечно чрезъ твое посредство, потому что она почти безъизвѣстна въ такой землѣ, въ которой самая неосновательная ревнивость обыкновенно ужасныя производитъ дѣйствія: на все, что въ сихъ мѣстахъ ни будетъ происходить, стану взирать такъ, какъ бы то до меня ни мало не касалось.

Какъ скоро Султанъ рѣчь сію окончилъ, то Кофробъ, зная, что путешественники скоро проснутся,

снутся, оставилЪ Огуца, и пошелЪ вЪ ту залу, гдѣ Султанши и Принцы ожидали окончанія сна принесенныхЪ изЪ каравАнЪ-сераля. КакЪ скоро увидѣли, что они пробудились, то немедленно подняли завѣсу, изЪ золотой парчи сдѣланную, за которою находились путешественники, кои, проглянувЪ вдругЪ, болѣе четверти часа говорили, не зная что; по томЪ знаками показывали чрезмѣрное свое удивленіе, видя себя вЪ великолѣпномЪ залѣ, освѣщенномЪ великимЪ множествомЪ свѣчь, которыя, производя весьма чистый свѣтЪ, наполняли вездѣ самыми пріятнѣйшими благовоніями; передЪ ними стоялЪ налой, на коемЪ музическія книги лежали, а вЪ ногахЪ у нихЪ накладены были всякіе инструменты. Удивленіе ихЪ умножилось еще болѣе, когда увидѣли они СултаншЪ и ПринцовЪ вЪ великолѣпныхЪ одеждахЪ и убранныхЪ драгоцѣнными каменьями: тогда посматривали они другЪ на друга долгое время, не говоря ни слова; но ШиринЪ, который уже тамЪ былЪ не вЪ ФакирскомЪ платьѣ, подошедЪ кЪ нимЪ, просилЪ ихЪ, чтобы они начали концертЪ, которой они проиграть имЪ обѣщались; а хотя они и точно знали, что сЪ находящимися тамЪ особами никакого обязательства не дѣлали; однако взяли инструменты, и на оныхЪ играя, пѣли нѣкоторые стишки, кои толь жалки и печальны были, что самый младшій изЪ трехЪ музыкантовЪ не могЪ окончать пѣсни своей безЪ пролитія слезЪ. Естьли Султанши прельщены были голосомЪ сихЪ чужестранцовЪ, то печаль, которая во всѣхЪ дѣйствіяхЪ сего младаго человѣка показывалась трогала ихЪ чрезмѣрно; и онѣ еще вЪ большее пришли

ыли безпокойство, когда онъ упалъ въ обморокъ. Ширинъ хотѣлъ подать ему вспомоществованіе; но разстегнувъ у него камзолъ, увидѣлъ, что то была женщина. Султанши, приближась тогда къ ней, увидѣли, что лице ея покрылось нѣжною стыдливостію и чувствительнымъ прискорбіемъ, зря себя въ такомъ состояніи. Не пужайся, прекрасная иностранка! сказала ей Гегернаца, ты здѣсь находишься въ безопасности, и вѣ въ мѣстахъ сихъ живущіе пріемлютъ въ скорби твоей участіе. Иностранка, пришедъ въ себя, благодарила Султаншу за сказанныя ей милости: милостивая Государыня! сказала она ей, я не знаю, сплю ли я или нѣтъ; дни съ два тому назадъ, какъ пріѣхали мы въ Камбай; вчера ужинали мы у надзирателя надъ караванъ сераемъ съ однимъ Факиромъ, который казался намъ весьма веселаго нрава; послѣ ужина мы заснули, какъ-то кажется; я и не понимаю, какимъ волшебствомъ перенесены мы въ такіе чертоги, которые величествомъ своихъ богатствъ на то прекрасное походятъ мѣсто, кое Пророкъ нашъ избраннымъ своимъ обѣщаваетъ. Любезная дочь! прервала рѣчь ея старуха, которая сихъ трехъ молодыхъ особъ матерью называлась: мнѣ кажется, что я таинство сего произшествія познала. Всѣ древніе Турецкіе и Персидскіе романы, кои я смолода читывала, наполнены гораздо чудеснѣйшими приключеніями; естьли только то, что теперь произходитъ, не во снѣ намъ кажется, то мы сею ночью перенесены конечно въ Гинистанъ, и всѣ предъ нами предстоящіе конечно естъ прекрасный родъ тѣхъ тварей, которыя

Перицами называются, и которыя произведены только для того, чтобы людямъ дѣлать добро, и утѣшать злополучныхъ; тебѣ помощь ихъ надобна; потщися же сдѣлаться милости ихъ достойною; разскажи имъ всѣ приключенія своей жизни, дабы они, узнавъ твои нещастія, оставили предосудительную для тебя мысль, которую они о тебѣ возъимѣли, видя тебя въ такомъ одѣяніи и въ бесѣдѣ сихъ двухъ молодыхъ людей. Сіе кажется ни мало не нужно, сказала ему на то дочь; отъ Перицовъ ничто не сокрыто; они сердце мое знаютъ; и естьли сіи особы такого рода, то имъ всѣ приключенія мои и безъ моего повѣствованія извѣстны. Представь себѣ, сказалъ ей тогда Иманъ и Султанши, какъ будто мы того не знаемъ: мы же съ нашей стороны увѣряемъ, что всѣми силами потщимся подать тебѣ въ злополучіяхъ твоихъ облегченіе. А! сказала старуха, я не примѣтила, что дочь моя не столь спокойна, чтобы могла начать сіе повѣствованіе; дайте ей разогнать свое прискорбіе; тогда можетъ быть всѣ ея приключенія придутъ ей лучше на память; а между тѣмъ дозвольте мнѣ разсказать вамъ исторію моей жизни; притомъ увѣряю васъ, что ни малѣйшаго не упущу обстоятельства. И такъ старуха, видя, что всѣ замолчали и сѣли по мѣстамъ, говорила такъ:

ВЕЧЕРЪ I.

Исторія о Карабагѣ.

Теперь вы видите меня почти всю покрытую сѣдиною; но я вамъ могу сказать, что въ

въ цвѣту моея младости была весьма прекрасна; мнѣ дали имя Карабага (*) для того, что при чрезвычайной бѣлизнѣ тѣла имѣла я прелестные черные волосы. Во всей Ормуцкой странѣ, гдѣ я жила, только о мнѣ одной говорили, и слава сія была столь безмѣрна, что одинъ изъ сосѣдей нашихъ, который имѣлъ у себя довольный достатокъ, влюбился въ меня смертельно, и сталъ на мнѣ свататься. Родители мои, почитая то для меня за великую пользу, согласились на предложеніе его съ охотою; и такъ я за сего сосѣда, который Багалуломъ назывался, вышла за мужъ: онъ былъ человѣкъ весьма честный, собою пригожъ и миловиденъ, притомъ и весьма тихаго нрава; онъ любилъ меня чрезмѣрно, и я горячности сей соотвѣтствовала, сколько силъ моихъ доставало; а по прошествіи года родила я сына, и мы дали ему имя Альбаертъ; тотъ, который изъ сихъ двухъ путешественниковъ побольше, есть сей Альбаертъ. Вы видите, что онъ другаго путешественника держитъ за руку, это его жена: я послѣ изъясню вамъ, для чего она и сія прекрасная, которой я не мать, въ толь странномъ находятся одѣяніи.

Мужъ мой любилъ страстно Химію; оной обучался онъ у одного весьма славнаго Химиста, который открылъ ему самыя лучшія въ свѣтѣ таинства; и какъ онъ въ Ормуцѣ ежедневно чудесныя производилъ врачеванія, то сіе привело его въ такую славу, что врачи сего города возъимѣли къ нему непреодолимую ненависть,

(*) Черной садъ.

такъ что грозились поступить съ нимъ весьма худо. И такъ Багалулъ, страшась лишиться жизни, вознамѣрился на нѣсколько времени оттуда удалиться, и о семъ отъѣздѣ объявилъ и мнѣ. Сіе происходило на осьмомъ году нашего брака; мы другъ друга любили весьма горячо; и вы легко разсудить можете, что разлука сія казалась мнѣ тѣмъ чувствительнѣе, что я была уже брюхата, какъ онъ отъѣжжалъ, и спустя послѣ его отъѣзда три мѣсяца родила дочь, которая на шестой недѣлѣ послѣ рожденія своего умерла. Разлука сія сдѣлалась для меня тѣмъ еще несноснѣе, что Верьховный Визирь Ормуцкаго Султана, любя отца моего очень много, узнавъ, что я родила недавно, велѣлъ мнѣ предложить, не возмусь ли я кормить грудью дочь, которая у Государя сего родилась въ то время. Я почла за безразсудность убѣгать такой чести, чрезъ кою надежное защищеніе получить чаяла; и такъ меня въ сераль приняли, и опредѣлили кормилицею къ Принцессѣ Канцадеѣ. Я могу сказать, что любезное сіе дитя, имѣя, такъ сказать, Ангельскій нравъ, обладала и совершенною красотою; но коль бѣдственны ей были тѣ прелести, которыми ее украсила природа, то познаете вы вскорѣ повѣствованіемъ ея злоключеній; я обращаюсь къ тому, что собственно до меня касается. Между тѣмъ временемъ, какъ я жила въ сералѣ, чему уже прошли цѣлыя семь лѣтъ, Альбаертъ, котораго я отдала на содержаніе одному учителю, у коего онъ разнымъ наукамъ обучался, достигъ уже болѣе, нежели до отроческихъ лѣтъ, и Визирь, который меня взялъ подъ свое защищеніе,

щеніе, примѣтя въ немъ много хорошаго, просилъ у меня его для сотоварищества съ его сыномъ. Какъ онъ одаренъ былъ всѣми къ тѣлесныимъ упражненіямъ нужными способностями, то съ Визиревымъ сыномъ выучился вскорѣ всему тому, что мущину дѣлаетъ совершеннымъ; а сверьхъ того толикую возъимѣлъ склонность къ музыкѣ, что въ оной сдѣлался весьма силенъ.

Во время почти десятилѣтней моей разлуки съ Багалуломъ получила я отъ него только семь или восемь писемъ; напослѣдокъ онъ возвратился, и привезъ съ собою одного человѣка, который видомъ и поступками своими побуждалъ къ великому себѣ почтенію, и я не могла смотрѣть на него безъ нѣкоего рода удивленія. Какъ уже прошло около трехъ лѣтъ, что я сераль оставила, и возвратилась въ домъ свой, то мужъ мой по окончаніи мнѣ первыхъ знаковъ своей горячности и любви представилъ мнѣ своего товарища: любезная Карабага! сказалъ онъ мнѣ, я знаю, сколь ты скромна во всякомъ случаѣ, и я никогда отъ тебя ни въ чемъ не таился; ты видишь въ семъ другѣ, который конечно согласится жить съ нами, одного изъ ученѣйшихъ людей на свѣтѣ, и котораго нравы съ разумомъ его согласуются. Послушай, какимъ образомъ получилъ я его дружество.

Карабага хотѣла было продолжать, какъ одна невольница пришла къ Султаншамъ, и Гегернаца ей сказала: обыкновенно въ такомъ часу всякой вечеръ бываемъ мы принуждены уходить отсюда; однако, принимая во всемъ до

васъ касающемся участіе, охотно желаемъ знать всѣ ваши приключенія; завтра въ этомъ же часу мы конечно опять увидимся; а теперь отведутъ васъ въ особливую комнату, гдѣ вы ни въ чемъ недостатка, имѣть не будете, какъ въ покоѣ, такъ и въ кушаньѣ, и во всемъ, что только вамъ угодно, все здѣсь къ вашимъ услугамъ; только того не ожидайте, чтобы кто нибудь изъ прислужащихъ вамъ могъ подать вамъ какое объясненіе, въ какомъ мѣстѣ вы находитесь, и кто мы таковы: потому что они нескромностію своею лишатся всей той милости, которою они отъ насъ за слѣпое свое волѣ нашей повиновеніе пользуются; притомъ и вы сами приведете себя чрезъ то въ такую опасность, отъ которой мы васъ освободить будемъ не въ состояніи: и такъ на сихъ только договорахъ можете въ мѣстахъ сихъ быть въ безопасности; естьли же вамъ жить въ оныхъ прискучитъ, то вы можете объявить о томъ безъ всякаго опасенія, и васъ тотъ же часъ отнесутъ туда, откула васъ взяли.

Милостивая Государыня! сказала на то Карабага: хотя любопытство причитается полу нашему природнымъ порокомъ, однако увѣряю васъ, что изъ сего волшебнаго дома выйдемъ мы не по причинѣ онаго; мы о величествѣ вашего рода такъ удостовѣрены, что ни мало не нужно намъ требовать въ томъ отъ кого большаго объясненія; и такъ не опасайтесь нескромности нашей; а понеже вы отсюда итти изволите, то нижайше прошу приказать и насъ отвести въ то мѣсто, гдѣ положено намъ пре-

про-

проводить ночь и завтрашній день; мы же повелѣніямъ вашимъ со всякою поспѣшностію не преминемъ повиноваться.

Гегернаца и Принцы, прельщенные толь милыми гостями, старались имъ показать, сколько они ими довольны были; отвели ихъ въ великолѣпную комнату, гдѣ поставлены были для нихъ всякія кушанья и напитки, и гдѣ стояли кровати, которыхъ великолѣпіе подтвердило ихъ еще болѣе въ томъ мнѣніи, что они въ волшебномъ мѣстѣ находятся. Проспавъ тамъ ночь весьма спокойно, препроводили день въ великомъ изобиліи и довольствѣ; столъ приготовленъ былъ для нихъ весьма великолѣпный, и всякими наисладчайшими кушаніями наполненъ, послѣ котораго прогуливались въ садахъ, красота коихъ еще болѣе приводила ихъ въ удивленіе о божественномъ семъ жилищѣ. А какъ насталъ вечеръ, то объявили имъ, что ихъ въ залу ожидаютъ; въ разсужденіи чего они пошли туда со всякою поспѣшностію, и прибывъ увидѣли, что все въ таковомъ же порядкѣ, какъ и прежде находилось. Гегернаца же просила Карабагу, чтобы она исторію свою продолжала, и старуха сія начала говорить такъ:

ВЕЧЕРЪ II.

Продолженіе исторіи о Карабагѣ.

Вчера хотѣла было я, милостивыя Государыни! начать разсказывать, какимъ образомъ познакомился мужъ мой съ тѣмъ человѣкомъ, котораго мнѣ представлялъ; и такъ теперь къ тому же приступлю; вотъ что онъ мнѣ разска-

сказывалъ: во время моего путешествія, говорилъ онъ, проѣзжая чрезъ городъ Дамаскъ, услышалъ я, что владѣющій тамъ Султанъ содержалъ въ темницѣ одного человѣка великихъ достоинствъ. Освѣдомляясь о причинѣ его заточенія, узналъ я, что сей нещастный въ земляхъ сего Государя по неосторожности передѣлалъ нѣсколько фунтовъ свинца въ золото; что Государь, увѣдая о томъ, велѣлъ его къ себѣ привесть, и думалъ его принудить открыть ему такое таинство, которое ему тѣмъ любопытнѣе знать хотѣлось, что онъ по непростительной ему неразсудительности, тому назадъ лѣтъ съ десять, упустилъ случай извѣдать оное. Сіе же произходило такимъ образомъ: одинъ человѣкъ, котораго видъ ничего не обѣщавалъ хорошаго, пріѣхавъ въ Дамаскъ, и нашедъ, что тамошній караванъ-сераль былъ людьми весьма наполненъ, зашелъ къ одному плавильщику, и просилъ его дозволить ему пробыть у него въ домѣ дни три или четыре. Хозяинъ принялъ его съ особливою ласкою, и поступалъ съ нимъ со всевозможнымъ дружелюбіемъ; но въ одинъ день, намѣрясь вычистить нѣкоторыя формы, въ кои накладены у него были шандалы и разные къ художеству его принадлежащіе инструменты, пришелъ онъ въ крайнее смущеніе, видя, что всѣ его вещи превращены были въ самое чистое золото. Находясь о томъ въ удивленіи, и не зная, что притомъ дѣлать, призвалъ къ себѣ одного изъ своихъ сосѣдей, и показалъ ему такой шандалъ. Приключеніе сіе дошло въ скоромъ времени до Кадія, который

тотчасъ пріѣхалъ къ плавильщику, и допрашивалъ его въ толь странномъ произшествіи. Хозяинъ клялся, что онъ не знаетъ, какимъ образомъ превращеніе сіе сдѣлалось, и что въ плавильной его печи никто ничего не дѣлалъ; но что какой-то чужестранецъ, который у него жилъ нѣсколько дней, приходилъ къ нему иногда смотрѣть его работы, и который на канунѣ того дня изъ города выѣхалъ. Чужестранецъ, думая, что хозяинъ его будетъ щастіемъ своимъ одинъ пользоваться, и объ ономъ никому не разскажетъ, не могъ чего нибудь опасаться, и шелъ весьма тихо, какъ вдругъ захватили его на дорогѣ по повелѣнію Кадія, который разослалъ искать его по всѣмъ дорогамъ: его привезли въ Дамаскъ, и отвели прямо къ Султану. Сей Государь призвалъ его въ свой кабинетъ, показывалъ ему разныя весьма диковинныя вещи, которыми оный былъ украшенъ, и между прочими и золотые шандалы, принесенные къ нему отъ одного плавильщика; и видя, что иностранецъ ничему ни мало не дивился: всего болѣе, сказалъ онъ ему, нравится мнѣ въ сихъ шандалахъ то, что они умѣютъ изобличать того, который ихъ сдѣлалъ; естьли же сей не откроетъ своего таинства, то долженъ ожидать жесточайшей казни. Чужестранецъ, который рѣчь сію весьма хорошо выразумѣлъ, не пришелъ ни мало отъ того въ страхъ, но еще слыша то, разсмѣялся. Милостивый Государь! отвѣтствовалъ онъ Султану весьма вольнымъ духомъ, но со всевозможнымъ почтеніемъ: я увѣренъ, что золото надъ подлыми и низки-

ми сердцами весьма много дѣйствуетъ; я же напротивъ того почитаю его столь мало, что не думаю, чтобы изящества сего металла въ состоянiи были уподобиться той силѣ, которую могу я дать лоскутку бумаги. Въ то время, прося у Султана позволенiя написать небольшую цыдулку, которая покажетъ ему много чуднаго, и получа оное, написалъ двѣ строчки, положилъ цыдулку сiю, свернувъ, въ ротъ, и увѣрялъ его, что посредствомъ сего обвороженiя, или Талисмана, сдѣлался онъ отъ всякаго поврежденiя безопасенъ, и что естьли онъ то испытать хочетъ, то бы смѣло рубилъ его своею саблею, не опасаясь его раздражить. Легковѣрный Султанъ обнажилъ мечь свой, ударилъ его по головѣ толь сильно, что разрубилъ оную до того мѣста, въ которомъ цыдулка находилась, въ коей написаны были сiи слова: *я умѣю умереть, но не умѣю открыть порученнаго мнѣ таинства.* Всякой легко разсудить можетъ, сколь велико было удивленiе и огорченiе сего Государя. И такъ Султанъ, узнавъ, что такое же дѣйствiе учинилъ въ Дамаскѣ еще другой мудрецъ, велѣлъ его захватить и привесть во дворецъ, намѣрясь поступить совсѣмъ другимъ образомъ, дабы побудить его открыть ему свое таинство. Фарiабiй (такъ называется нашъ гость), не зная приключенiя, мною теперь объявленнаго, признался, что свинецъ превратилъ въ золото; но увѣрялъ притомъ Султана, что ему совсѣмъ безъизвѣстно составленiе удивительнаго сего порошка, который толь чудныя дѣйствiя имѣетъ; что оный данъ ему

одинмъ

однимъ безъизвѣстнымъ человѣкомъ, котораго онъ въ Египтѣ избавилъ отъ смерти, и что онъ проситъ сего Государя взять у него все то, сколько у него онаго осталось, а ему даровать паки свободу.

Султанъ не былъ отвѣтомъ симъ доволенъ: онъ взялъ порошокъ, котораго весьма немного было; но видя, что никакія обѣщанія не могли побудить Фаріабія открыть ему о семъ таинствѣ, приступилъ онъ къ угроженіямъ, а отъ оныхъ и къ настоящему дѣйствію, потому что велѣлъ пытать его самымъ жесточайшимъ образомъ; однако ничего узнать не могъ.

Въ то время пріѣхалъ я въ Дамаскъ, и о приключеніи семъ весьма скоро узналъ, потому что о немъ вездѣ говорили. Жестокость сія Султана возбудила во мнѣ противъ его сильнѣйшее омерзѣніе; ибо я не сомнѣвался, чтобы нещастный сей не былъ изъ числа тѣхъ мудрыхъ людей, которыхъ столь долгое время желалъ видѣть: для сего изыскивалъ я всякіе способы съ нимъ видѣться; познакомился съ темничнымъ стражемъ, и получилъ отъ него позволеніе посмотрѣть толь чудеснаго человѣка. Я входилъ съ нимъ часто въ тюрьму сего нещастнаго; и въ одинъ день, подкупя тамошняго пристава, взошелъ я одинъ къ сему великому мужу, которому старался показать, сколь много толь плачевное его состояніе меня трогаетъ, и сколь великое желаніе имѣю избавить его отъ онаго; но примѣтя, что онъ мнѣ недовѣряетъ, опасаясь, не присланъ ли я нарочно для того, чтобы его выспросить, старался всячески вывести

его

его изъ сего заблужденія, въ чемъ мнѣ и удалось. Изведи меня изъ сихъ ужасныхъ мѣстъ, сказалъ онъ мнѣ, меня обнимая; во вѣки благодарность моя къ тебѣ не прекратится; болѣе ничего не могу я тебѣ сказать, естьли приведенъ ты сюда только добросердечіемъ; естьли же обмануть меня стараешься, то знай, что самыя жесточайшія мученія не могли поколебать моего духа; ни смерть самая, какимъ бы образомъ оную претерпѣть я ни былъ долженъ, не можетъ никогда побудить меня сдѣлать что предосудительное для Философа. Послѣ сего я съ нимъ разстался, обѣщая ему употребить всѣ свои силы для его освобожденія. Тогда продалъ я всѣ купленныя мои въ путешествіяхъ каменья, и взялъ за нихъ десять тысячь золотыхъ. Изъ тѣхъ денегъ подарилъ я нѣкоторую сумму темничному стражу и приставамъ у тюрьмы нещастнаго мудреца. Въ одинъ день сдѣлалъ я для нихъ великолѣпный ужинъ; и какъ вино начало производить въ нихъ свое дѣйствіе, то я требовалъ отъ нихъ освобожденія иностранца, увѣряя ихъ, что то для нихъ ни малой важности въ себѣ не заключаетъ; потому что можно имъ объявить, будто онъ отъ великихъ претерпѣнныхъ имъ мукъ умеръ; а чтобы вмѣсто положили туда тѣло того человѣка, котораго на близъ лежащемъ отъ темницъ кладбищѣ въ тотъ день похоронили. Чего чрезъ деньги сдѣлать не можно! Съ двумя приставами пошелъ я вырывать мертвеца, и вынувъ его изъ могилы, закопали ее такъ, чтобы никто не могъ догадаться; принеся его по томъ въ темницу къ Фаріабію, надѣли

дѣли на него платье сего Философа, котораго нарядя въ женскую одежду, посадя въ люлькѣ на верблюда, коего я нарочно для того приготовилъ, самъ же, сѣвъ на лошадь, выѣхали изъ Дамаска на самомъ разсвѣтѣ безъ всякой опасности. Остановясь по повелѣнію моего новаго товарища въ одной деревнѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города отстоящей, взошелъ въ одинъ указанной имъ мнѣ развален-ной домъ, и нашелъ тамъ подъ весьма тяжелымъ камнемъ свинцовую коробочку, которую подалъ ему, не посмотря, что въ ней находится.

ВЕЧЕРЪ III.

Продолженіе исторіи о Карабагѣ.

Хотя мы никакой причины не имѣли опасаться, чтобы за нами послали погоню, продолжалъ Багалулъ, однако мы изъ земель Дамаскаго Султана выѣхали съ поспѣшностію; потомъ проѣхавъ Алепъ, Мусулу и Багдадъ, прибыли мы въ Бальзору, гдѣ, сѣвъ на корабль, отправились въ Ормуцъ, куда и пріѣхали нынѣ, не имѣвъ на пути своемъ никакого приключенія.

Я была внѣ себя отъ радости, увидя мужа своего по толь долговременной разлукѣ, продолжала Карабага; мнѣ и сыну своему оказывалъ онъ безчисленное множество ласканій, и я съ моей стороны всѣми силами старалась показать ему, сколь много веселитъ меня его возвращеніе, и сколь довольна его ласканіями. Я велѣла изготовить весьма хорошій столъ; дорожные наши ѣли съ великимъ аппетитомъ; и какъ притомъ дошла опять рѣчь до заточенія Фаріабіева, то

я

я сказала моему мужу: сколь любопытна знать, что такое въ свинцовой коробочкѣ, которую онъ нашелъ недалеко отъ Дамаска. Я легко могу васъ въ томъ удовольствовать, отвѣтствовалъ мнѣ Фаріабій учтивымъ образомъ; вотъ она, любезная хозяюшка! продолжалъ онъ; отворите ее; все, что въ ней ни находится, принадлежитъ вамъ: я отворила ее тотчасъ; но въ великое пришла удивленіе, увидя, что въ ней накладены были всякія драгоцѣнныя каменья. Ахъ, государь мой! сказала я ему, подавая ему назадъ сію коробочку; я цѣну такихъ каменьевъ знаю, и потому не могу принять толь великаго подарка; вы конечно согласились съ моимъ мужемъ подшутить надо мною. Никакъ, сударыня! сказалъ онъ мнѣ: чего бы каменья сіи ни стоили, однако прошу васъ принять оныя; сего менѣе не хотѣлъ я для супруги великодушнаго Багалула сдѣлать: пожалуйте, сударыня! примите ихъ, естьли не хотите оскорбить меня наичувствительнымъ образомъ. Я принуждена была подумать, что Фаріабій даритъ меня настоящимъ образомъ, такъ что онъ до тѣхъ поръ отъ меня не отсталъ, пока не приняла я отъ него сего подарка въ знакъ его благодарности.

Сей премудрый Философъ жилъ у насъ уже болѣе трехъ мѣсяцовъ, какъ въ одинъ день, обнимая Багалула, любезный другъ! сказалъ онъ ему: для чего по сіе время не упоминалъ ты мнѣ о данныхъ тебѣ мною въ Дамаской темницѣ обѣщаніяхъ? Для того, отвѣтствовалъ ему на то мой мужъ, что каменья,

которыя ты взять отъ тебя принудилъ Карабагу, заплатили болѣе достодолжнаго за оказанную мною тебѣ услугу; да хотя бы ты мнѣ и ничего не сдѣлалъ въ знакъ благодарности, то бы я тебѣ о томъ никогда не сказалъ ни слова; потому что быть мнѣ благодарнымъ клялся ты въ то время, когда заключенъ былъ въ оковахъ; и я знаю, что никто почти не обязанъ держать своего обѣщанія, даннаго въ таковомъ состояніи. Мысль сія побуждаетъ меня еще къ большей благодарности, сказалъ на то Фаріабій; однако не думай, чтобъ благодарность моя окончалась подаркомъ моимъ Карабагѣ; я хочу дать тебѣ еще нѣчто гораздо сего драгоцѣннѣе: возьми сію коробочку, наполненную тѣмъ божественнымъ порошкомъ, который былъ злополучія моихъ причиною; примѣръ мудреца, котораго Дамаскій Султанъ лишилъ жизни, и нескромность моя могутъ сдѣлать тебя гораздо осторожнѣе. Тѣмъ порошкомъ, сколько я тебѣ даю, можно превратить въ золото почти всѣ металлы, которые земля въ нѣдрахъ своихъ скрываетъ. Сіе не можетъ привесть тебя въ удивленіе; я говорю съ такимъ человѣкомъ, которому почти ничего не достаетъ, чтобы быть дѣтищемъ сей науки. Пусть невѣжи погружаются въ своихъ предразсужденіяхъ противъ истинныхъ мудрецовъ; не открывайся никому, а особливо большимъ господамъ; трудись безъ огорченія, и проси Бога, чтобы открылъ тебѣ такое таинство, котораго мнѣ объявить не можно, не учиня величайшаго преступленія; развѣ только найду такого человѣка, который то знать достоинъ будетъ.

Естьли

Естьли Багалулъ слушалъ съ радостiю начало рѣчи Фарiабiевой, то конецъ оной опечалилъ его немало; однако онъ сего не показывалъ; напротивъ того изъявлялъ ему чувствительную свою благодарность за толикiя благодѣянiя, и передѣлавъ при немъ нѣсколько фунтовъ свинца въ самое чистое золото, продалъ ихъ Ормуцкому Жиду.

Фарiабiй нетерпѣливо желалъ выздоровѣть отъ болѣзни, которую причинило ему мученiе, претерпѣнное имъ въ Дамаскѣ, и не прежде полугода исправилъ онъ свое тѣло сдѣланною имъ изъ соку разныхъ травъ мазью, которую общею назвать можно, и безъ которой онъ простымъ врачеванiемъ конечно никогда не получилъ бы прежняго своего здоровья.

Сей славный Философъ не пропускалъ ни одного дня, въ которой бы съ мужемъ моимъ не говорилъ чего нибудь на единѣ; чѣмъ болѣе онъ его обучалъ, тѣмъ болѣе находилъ его способнымъ сообщить ему тѣ таинства, которыми онъ уже обладалъ. Наконецъ прежде своей съ нимъ разлуки открылъ ему первое начало всѣхъ вещей, и въ четырехъ словахъ научилъ его тому, чего во всемъ естествѣ нѣтъ сокровеннѣе. Не можно себѣ представить, сколь велика была въ сiю минуту радость Багалула; но оная вскорѣ по томъ нарушилась печалiю, которую онъ возчувствовалъ, видя, что Фарiабiй твердое положилъ намѣренiе выѣхать тотъ же день изъ Ормуца; слезы его не могли его поколебать: онъ поцѣловалъ всѣхъ насъ съ великою горячностiю,

ностію, и прощаясь съ Багалуломъ, совѣтовалъ ему наблюдать паче всего человѣколюбіе, кротость и страхъ Божій, который, какъ-то онъ сказалъ, есть начало истинной премудрости.

Не безъ крайняго сожалѣнія разставались мы съ симъ великимъ человѣкомъ; однако принуждены были волѣ его повиноваться; и мужъ мой, пользуясь его совѣтами, заперся въ свой кабинетъ, и вдался еще болѣе прежняго въ науки. Какъ настоящіе любомудры весьма скрываются, и какъ жизнь ихъ не въ безопасности, когда познаютъ, что естество для нихъ сокровеннаго имѣетъ мало, то и Багалулъ бывалъ въ компаніяхъ весьма рѣдко, ходилъ же къ нему только одинъ Жидъ, который покупалъ у него иногда золото.

Сдѣлавшись симъ способомъ весьма богаты, старались мы только дать сыну нашему хорошее основаніе. Мужъ мой, примѣтя, что онъ къ женскому полу великую имѣлъ склонность, призвалъ его въ одинъ день къ себѣ, и говорилъ ему такъ: любезный Альбаертъ! сколь тотъ щастливъ, который разумную и добродѣтельную жену имѣетъ! но тотъ еще щастливѣе, который безъ женидьбы обойтися можетъ. Я тебѣ сіе изъясню: въ какомъ бы согласіи ни жилъ ты съ своею женою, однако слѣдствія сего союза выходятъ почти всегда бѣдственныя; дѣти будутъ вамъ весьма часто причинять множество досадъ и огорченій; естьли добродѣтель ихъ прельщаетъ, то самый малѣйшій ихъ припадокъ и почти ничего незначущее съ ними приключеніе приведутъ васъ въ отчаяніе, стра-

шась

шась всякую минуту ихъ лишиться; естьли же напротивъ того, не взирая на всѣ ваши старанія о ихъ воспитаніи, обращаются они къ злу: то въ какомъ смущеніи, въ какой задумчивости будете вы безпрестанно находиться! Неистовства ихъ не бываютъ ли источникомъ множества злополучій, которыхъ вы не можете предвидѣть? И такъ подумай хорошенько о томъ, что я тебѣ теперь говорю. Естьли же не имѣешь столько силы, чтобы несоблазненно прожить въ состояніи холостаго человѣка, то женись: только, любезный сынъ! смотри того, чтобъ выборомъ твоимъ не управляла единая слѣпая страсть. Я столько достатка имѣю, что тебѣ не надобно искать такой жены, которая бы за собою богатое принесла приданое; но чтобы обладала красотою и добродѣтелію; ищи во всемъ Ормуцѣ невѣсту по своимъ мыслямъ. Въ какомъ рабствѣ ни воспитываются женщины восточныхъ странъ, однако и тутъ мужей своихъ обманываютъ ежедневно; и такъ вывѣдай обстоятельнѣе о нравахъ матери избираемой тобою особы. Весьма рѣдко случается, чтобы отъ разумной и цѣломудренной матери не раждались подобныя ей дочери. Не сопрягайся съ такою, которая низкой породы: отъ того будешь ты почти всегда въ неудовольствіи; но опасайся имѣть презрѣніе отъ своей жены, естьли она гораздо изъ вышшаго твоего произхожденія; сіе по мнѣнію моему всего труднѣе перенесть для честнаго человѣка.

ВЕЧЕРЪ IV.

Продолженіе исторіи о Каравагѣ.

Альбаертъ слушалъ увѣщанія своего родителя съ великимъ вниманіемъ; но какъ склонностей своихъ преодолѣть онъ былъ не въ состояніи, то велѣлъ по всему Ормуцу навѣдываться о прекраснѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ дѣвицахъ; и по четырехъ мѣсяцахъ узналъ онъ, что у одной изрядной вдовы, которая отъ дому нашего жила весьма далеко, есть три дочери отмѣнной красоты, и что она воспитывала ихъ со всевозможнымъ тщаніемъ и во всякой добродѣтели. Извѣстіемъ симъ не былъ сынъ мой доволенъ; ему хотѣлось знать совершенно ту, на которой бы намѣрился жениться; для сего, будучи еще по осьмнатцатому году, и весьма пріятнаго вида, нарядился онъ женщиною, и чрезъ одного изъ своихъ пріятелей старался войти въ домъ сей вдовы, которая для услуженія дочерямъ искала невольницы. Лице его такъ показалось матери, что она его купила, и нашедъ въ невольницѣ сей много хорошаго, а между прочимъ и великой вкусъ въ музыкѣ, къ которой дочери ея страстныя охотницы были, полюбила ее чрезмѣрно.

Альбаертъ, скрывавшій свое намѣреніе отъ насъ, отпросился у насъ на три или на четыре мѣсяца для осмотрѣнія разныхъ мѣстъ своего отечества; не вкушалъ никогда толико сладости, какъ въ семъ рабскомъ состояніи, въ которое заключилъ онъ себя волею. Онъ такъ былъ прельщенъ пріятнымъ нравомъ, умомъ, кротостію, добро-

дѣтелію и красотою сихъ прелестныхъ дѣвицъ, что весьма трудно ему было одну изъ нихъ избрать себѣ женою; однако напослѣдокъ положилъ искать старшей дочери, которая Гуль-Эндамой (*) называлась, и коей не болѣе семнатцати лѣтъ отъ роду было. И такъ въ одинъ день ушелъ онъ изъ сего дома, которымъ побѣгомъ его весьма огорчилися. Возвратяся оттуда домой, разсказалъ онъ намъ о причинѣ своего отсутствія, и въ какомъ онъ жилъ мѣстѣ болѣе трехъ мѣсяцовъ. Мы, слушая сіе, трепетали, въ какую бы онъ пришелъ опасность, когда бы о томъ узнали. Однако, спустя по томъ нѣсколько времени, пошелъ Багалулъ къ сей вдовѣ, у которой мужъ прежде сего былъ Ормуцкимъ Кадіемъ. Мнѣ не безъизвѣстно, сказалъ онъ ей, сколь хорошими качествами одарены ваши дочери, и сколь много старались вы о ихъ воспитаніи: сіе самое побудило меня къ вамъ притти и предложить вамъ о союзѣ моего сына, который, могу васъ увѣрить, имѣетъ также достоинства. А чтобы вамъ показать, сколь много почитаю я старшую вашу дочь Гуль-Эндаму, то вотъ два кошелька, изъ коихъ въ каждомъ по десяти тысячь золотыхъ, и которыми прошу подарить ея сестеръ для собственнаго ихъ увеселенія. Что же до нее касается, то я смѣю обнадежить, что во всей Персіи мало будетъ женъ, превосходящихъ ее щастіемъ во всякомъ разумѣ, и что она мужемъ своимъ будетъ обожаема. О имѣніи моемъ я вамъ не

говорю;

(*) Розовое тѣло.

говорю; изъ подарковъ моихъ меньшимъ вашимъ дочерямъ можете вы легко заключить объ ономъ. Вдова приведена была посѣщеніемъ симъ въ немалое удивленіе; она почитала все за сновидѣніе, и не могла себѣ никакъ представить, чтобы то въ самомъ дѣлѣ было; однако принуждена была тому повѣрить, и поблагодаря Багалула за его щедрость, кликнула своихъ дочерей для засвидѣтельствованія ему своей благодарности. Онъ прельстился ихъ красотою, и видя, что Гуль-Эндама была дѣйствительно совершенная дѣвица, вынявъ у себя изъ кармана нитку жемчугу и два яхонтовыя зарукавья весьма великой цѣны, просилъ ее принять сей подарокъ отъ его сына, котораго онъ страстно любитъ, и которой чрезмѣрное желаніе имѣетъ быть ея супругомъ.

Гуль-Эндама, видя себя передъ мущиною безъ покрывала, пришла въ такой стыдъ, что краска въ лицѣ ея премѣнялась; но еще въ большій приведена была безпорядокъ, слыша отъ своей матери повелѣніе принять сіи подарки, какъ залоги брака, къ которому она ее съ Альбаертомъ опредѣлила; однако, такъ какъ дочь разумная, повинуясь волѣ своей матери, показывала, что она готова принять его своимъ супругомъ. Сынъ нашъ, продолжала Карабага, ожидалъ окончанія сего дѣла съ великою нетерпѣливостію: и такъ на брачныя пріуготовленія употребили мы не болѣе недѣли, по прошествіи котораго времени онъ на сей любезной дѣвицѣ женился, съ коею уже тому лѣтъ пять живетъ всегда въ совершенномъ согласіи.

Гуль-Эндама въ первые дни своего брака смотрѣла не преставая на Альбаерта; ей хотѣлось вспомнить, гдѣ она его въ Ормуцѣ видѣла, когда съ матерью выѣжжала со двора; сынъ же мой веселился самъ въ себѣ ея безпокойствіемъ, и уже болѣе мѣсяца прошло послѣ свадьбы, какъ объявилъ онъ ей о невинной той хитрости, которую употребилъ онъ, чтобы узнать ее лучше. Въ ту минуту лице прекрасной сей супруги покрылось нѣжною краскою; сколь ни благочинно поступала бы она во время услуженія Альбаертова въ домѣ ея матери, однако почти не возможно было, чтобы она не показала ему много такихъ прелестей, которыя бы съ крайнимъ тщавіемъ предъ всякимъ мущиною скрывать старалась. Но обманъ сей простила она ему для того только, что она и сестры ея отъ соединенія нашихъ домовъ великую имѣли пользу; а притомъ не допускала ее разсердиться на него и та страсть, кою она къ такому чувствовала супругу, которой всей ея горячности былъ достоинъ.

Изъ всего мною вамъ сказаннаго, продолжала Карабага, можно видѣть, что Багалулъ великую имѣлъ причину судьбою своею быть довольнымъ, зря себя на вершинѣ своего благополучія. Но какъ за толикія къ нему благодѣянія Пророка нашего долженъ онъ ему былъ величайшимъ благодареніемъ, то для сего вознамѣрился ѣхать въ Мекку (*), куда по долговременномъ

(*) Въ Мекку ѣздятъ Магометане по обѣщанію. Въ земли, принадлежащія къ сему городу, запрещается

менномъ путешествіи и прибылъ благополучно. Тамъ обшедъ семь разъ вокругъ часовни (*), цѣловавъ черный камень (**), и видя золотый жолобъ (***), былъ на горѣ Арафатѣ, гдѣ принеся Корбанъ (****), пилъ воду изъ колодезя Земзема; (*****) потомъ обшедъ еще семь разъ вокругъ Сафы

щается подъ смертною казнію входить всѣмъ тѣмъ, кои не Магометанскаго закона.

(*) Въ Меккѣ находится часовня, *Кааба* называемая, которая, какъ-то Магометане утверждаютъ, построена Авраамомъ. Приходящіе въ Мекку по обѣщанію должны вкругъ сей часовни обойти семь разъ, и при всякомъ случаѣ на всякой сторонѣ покланяться въ землю, и всякой уголъ цѣловать.

(**) Сей славный камень называется *Барктанъ*; оный всѣ въ Мекку пріѣжжающіе должны также цѣловать.; онъ черенъ, выполированъ, и находится на восточномъ углѣ *Каабы* въ четыре фута съ половиною въ высоту, обведенъ желѣзною, а по объявленію нѣкоторыхъ, золотою обечайкою, и повѣшенъ на толстыхъ золотыхъ цѣпяхъ. Сей камень, какъ-то Магометане объявляютъ, почернѣлъ чудеснымъ образомъ отъ того, что одна бракъ нарушившая жена до него прикоснулась.

(***) Съ одной стороны часовни находится золотый жолобъ, дабы дождевая вода стекала съ кровли.

(****) *Корбанъ* значитъ жертву, состоящую изъ одного или изъ нѣсколькихъ барановъ, кои находятся въ долинѣ, у подошвы горы Арафаты лежащей, на которую также по обѣщанію ходить должно.

(*****) Сей колодезь находится на восточной сторонѣ часовни, и произтекаетъ, по объявленію Магометанъ,

и Мервеи (*), и брося семь камней въ Менагскую долину (**), поѣхалъ въ Медину (***) съ караваномъ, пришедшимъ туда сухимъ путемъ; и поклонясь тамъ гробу святаго Пророка, возвратился въ Ормуцъ благополучно. Тогда наслаждались мы совершенно пріятнымъ спокойствіемъ; но по прошествіи полугода нарушилось оно однимъ весьма нещастнымъ и ужаснѣйшимъ для насъ случаемъ. Въ одинъ день поѣхала я съ сыномъ и съ невѣсткою въ загородной свой домъ, который отъ Ормуца весьма не далеко находился; Багалулъ же съ нѣсколькими невольниками оставался въ городѣ. Въ ту ночь сдѣлался въ домѣ нашемъ столь сильный пожаръ, что чрезъ четверть часа обращенъ онъ былъ въ пе-

---

танъ, изъ того источника, который Богъ источилъ для Агари и Измаила, коихъ Авраамъ изгналъ изъ своего дома.

(*) *Сафа* и *Мервея* суть два холма, на триста шаговъ одинъ отъ другаго отстоящіе. Вокругъ оныхъ ходятъ неровнымъ шагомъ, и такъ, какъ будто чего нибудь ищутъ; сіе представляетъ по объявленію ихъ то смущеніе и безпокойство, въ коихъ Агарь во время жажды сына своего находилась, и съ какимъ трудомъ она воды искала.

(**) Долина Менагская находится отъ Мекки въ четырехъ миляхъ; въ оную должно бросить чрезъ плечо семь камней. Сіе дѣлаютъ Магометане въ знакъ того, что они грѣхи свои съ себя сложить обѣщаваются.

(***) Всякой въ Мекку по обѣщанію пріѣжжающій долженъ ѣздить и въ Медину для поклоненія тамъ Магометовой гробницѣ.

пепелъ. Но сего еще недовольно: мой мужъ и всѣ при немъ находящіеся невольники, погружены будучи въ глубокомъ снѣ, не могли свирѣпости пламя избѣгнуть, при которомъ случаѣ сколько ни было у насъ серебра, золота и другихъ вещей, все пропало или отъ огня, или отъ грабительства собравшагося туда на помощь простаго народа.

Легко разсудить можете, говорила Карабага воздыхая, сколь великую печаль причинило намъ сіе извѣстіе. Кромѣ того, что съ Багалуломъ разстались на вѣки, лишились мы и того божественнаго порошка, который всѣхъ нашихъ богатствъ былъ источникъ. И такъ принуждены были жить въ томъ загородномъ домѣ съ крайнею умѣренностію. Наконецъ, прекратя плачь свой, начали привыкать къ сельской жизни, какъ въ одну ночь видѣлъ сынъ мой весьма странный сонъ. Ему приснилось, будто одинъ почтенный старикъ, подшедъ къ нему, говорилъ такъ: Альбаертъ! естьли желаешь быть отца твоего богатѣе, то поди въ Хиторъ; тамъ у вратъ соборной мечети найдешь слѣпаго человѣка, который объявитъ тебѣ о неоцѣненномъ сокровищѣ. Сынъ мой почиталъ сонъ сей дѣйствіемъ воображеній, думая, что сожалѣніе о потеряніи прежняго своего богатства было причиною онаго. Но какъ тотъ же старикъ явился ему во снѣ еще два раза, то разсказалъ намъ оный, говоря притомъ, чтобы онъ съ радостію поѣхалъ въ Хиторъ, естьли бы только на проѣздъ сей могъ онъ собрать довольное число денегъ.

Но инымъ образомъ не можно намъ было имѣть такой суммы, какъ только продавъ нашъ загородный домъ. Однако сну сему толь слѣпо вѣрить не были мы намѣрены, какъ нѣкогда, возвращаясь я изъ бани, увидѣла евнуха, который подалъ мнѣ письмо отъ Принцессы Канцадеи, и которое слѣдующаго содержанія было:

„Я въ свиданіи съ тобою, любезная кор„милица! крайнюю имѣю нужду; ты безпрепят„ственно впускаема въ сераль; приходи туда, „не мѣшкая ни минуты; я должна увѣдомить „тебя о самыхъ важныхъ дѣлахъ.„

ВЕЧЕРЪ V.

Конецъ исторіи о Карабагѣ.

Прочтя сіе письмо, пошла я немедленно во дворецъ, и нашла Принцессу, обливающуюся слезами. Она поцѣловала меня съ великою горячностію, и отъ чрезмѣрной печали не могла мнѣ съ четверть часа промолвить ни одного слова. По томъ, собравшись съ силами: любезная Карабага! сказала она мнѣ, столь ли велика любовь твоя ко мнѣ, чтобы ты для меня всемъ пренебречь захотѣла? Ты о томъ, драгая Принцесса! не должна ни мало сомнѣваться, отвѣтствовала я. Изрядно же, сказала она на то, вотъ десять кошельковъ, изъ которыхъ въ каждомъ по десяти тысячь золотыхъ, и на столько же каменьевъ, которые, когда то за нужное разсудишь, продай; на сію сумму сыщи мнѣ корабль, на коемъ бы, естьли то возможно, въ настоящую ночь могла я отдалиться отъ такого мѣста,

ста, гдѣ все наполнено для меня ужасомъ; и гдѣ лишу сама себя жизни, когда нещастіямъ моимъ не подашь скораго облегченія. Не старайся отвращать меня отъ моего намѣренія: всякая минута для меня весьма драгоцѣнна; и такъ напрасно препровождать время въ безполезныхъ разговорахъ: поди и ввечеру дай мнѣ знать о моемъ отъѣздѣ.

Я остолбенѣла, слыша такія повелѣнія отъ Принцессы, продолжала Карабага; но собравшись нѣсколько съ разумомъ, прекрасная Канцадея! сказала ей, видя ее въ таковомъ состояніи: довольно ли ты о томъ думала, что мнѣ теперь предлагаешь? предвидишь ли ты всѣ опасности, и разсуждала ли ты . . . Я хотѣла было продолжать рѣчь мою; но Принцесса, схватя кинжалъ, обратила его къ своему сердцу, и пріуготовляясь вонзить его въ оное: сдѣлай то, чего отъ тебя требую, сказала она мнѣ, или дай мнѣ скончать жизнь, которая для меня уже несносна стала; когда придетъ время разсказать тебѣ, сколь великимъ бѣдствіямъ я подвержена, то ты признаешься, что только смерть единая, или бѣгство суть способы къ прекращенію оныхъ. На сію рѣчь Канцадеи ничего не можно было отвѣтствовать. Я пошла не мѣшкая исполнить ея повелѣнія, и пришедъ домой, обявила о всемъ произшедшемъ сыну и невѣсткѣ, которые представляли мнѣ, что сей случай есть наиспособнѣйшій къ споспѣшествованію путешествія нашего въ Хиторъ, и что оный должно употребить себѣ въ пользу. И такъ, пренебрегая

брегая всѣми опасностями, и оставя все имѣніе наше подъ смотрѣніе одного невольника, который у насъ отъ пожара остался, и коего вѣрности много опытовъ видѣли, Альбаертъ нанялъ корабль, котораго Капитанъ, будучи ему пріятель, прельстясь притомъ тысячью золотыхъ, кои онъ ему подарилъ, обѣщался точно въ ту же ночь выѣхать.

Я согласилась съ Принцессою, чтобы она ко вратамъ соборной мечети Ормуцкой прислала въ сумерьки того же невольника, который приносилъ ко мнѣ ея письмо, и что тамъ скажу я ей настоящій отвѣтъ. И такъ пришедъ туда, и его увидя, дала я ему записочку, въ коей объявляла ей, что повелѣнія ея исполнены, и что я ее до полуночи буду дожидаться у Ормуцкихъ воротъ, лежащикъ къ морю. Она того не упустила, и въ провожаніи только того евнуха, который зналъ о ея таинствахъ, и который принесъ ей муское платье, пришла она туда еще прежде десяти часовъ. Мой сынъ и его жена, также въ муское платье одѣтые, увѣряли тогда Принцессу о ненарушимомъ своемъ къ ней усердіи и ревности. Послѣ чего, пришедъ въ гавань, нашли тамъ корабельнаго Капитана, который, посадя насъ на свой корабль, велѣлъ тотчасъ отваливать, и мы поѣхали въ устье рѣки Нила.

Какъ вѣтръ былъ весьма благополучный, то чѣмъ далѣе отъѣжжали мы отъ Ормуца, тѣмъ болѣе Кавцадея, которая ежеминутно въ смертельномъ страхѣ находилась, приходила въ чувства. Въ Капитанской каютѣ сидѣли только мы

одни,

одни, и всѣми силами старались разгонять боязнь Принцессы, которая въ одинъ день говорила мнѣ такъ: дражайшая Карабага! сколь много я обязана тобою! ты пренебрегаешь своимъ щастіемъ, да и своею жизнію, не знавъ обстоятельно причинъ, побудившихъ меня къ толь поспѣшному бѣгству; но ты оправдаешь мой поступокъ, когда увѣдаешь, сколь жестокосердо судьбина меня изгоняетъ. Тогда Канцадея, проливая слезъ потоки, продолжала такъ: . . . Но я думаю, милостивые Государи, и милостивыя Государыни! что повѣствованіе сіе пріятнѣе для васъ будетъ слышать отъ нея самой, нежели отъ меня; что, когда вамъ то угодно будетъ, Принцесса не преминетъ конечно разсказать вамъ сама всѣ свои нещастія. Какъ! сказала Гегернаца, это Принцесса Персидская, которая въ первый день вашего здѣсь бытія въ толь худомъ находилась состояніи? Это она, сказала Карабага; нещастія ея никакъ описать не можно. Любезная моя! сказала Гегернаца, вставъ съ своего мѣста, и обнимая Принцессу: хотя слава объявила намъ уже нѣкоторую часть твоихъ приключеній; однако чрезмѣрное сдѣлаешь намъ удовольствіе, естьли объ оныхъ сама разскажешь намъ обстоятельно. Но какъ теперь уже тотъ часъ, въ который намъ должно разстаться, то повѣствованіе сіе лучше отложить до завтрева: будь только, любезная Принцесса! увѣрена, что мы во всемъ до тебя принадлежащемъ всевозможное участіе пріемлемъ, и что мы для тебя все то сдѣлаемъ, что отъ насъ зависитъ.

Кан-

Канцадея хотѣла было пасть въ ноги Султаншамъ, которыхъ, не взирая на то, что ей Гегернаца говорила, почитала за добродѣтельныхъ духовъ; онѣ всѣ оказывали ей великія ласки, и повелѣвъ, чтобы поступали съ нею съ должнымъ ея состоянію почтеніемъ, пріуготовлялись къ удовольствію слышать на другой день повѣствованіе ея приключеній.

Естьли Принцы и Султанши довольны были исторіею Карабаги, то Султанъ Ормуцкій изъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, слушалъ оную съ великимъ удовольствіемъ, и не упустилъ ни одного слова. Любезный Кофробъ! сказалъ онъ Иману, увидѣвшись съ нимъ: я весьма любопытенъ знать тайныя приключенія Ормуцкой Принцессы; меня состояніе ея весьма много трогаетъ, и оныя конечно очень плачевны, когда она отъ одного пѣнія трагическихъ стиховъ упала въ обморокъ, дѣйствительно онѣ сравненія своихъ нещастій съ злополучіями тѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыхъ роль она пѣла. Сіе узнаешь ты завтра, сказалъ ему Кофробъ; я въ дѣлахъ ея ни малѣйшаго не сдѣлаю помѣшательства; и смѣю сказать и то, что сія Принцесса безъ моего вспомоществованія была бы еще долѣе нещастлива; но я не хочу лишить тебя настоящаго удовольствія; ты о всемъ узнаешь, когда придетъ время.

Огуцъ, Султанши и Принцы ожидали съ нетерпѣливостію назначеннаго къ собранію часа; и какъ скоро наступилъ оный, то всѣ пришли въ залу, и Канцадея, согласясь на прозьбы присутствующихъ, начала исторію свою такъ:

ВЕЧЕРЪ VI.

Исторія о Канцадѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Жизнію обязана я Дауду-Кану, Султану Ормуцкому, и Принцъ Кацанъ-Канъ, который теперь царствуетъ, мнѣ братъ. Султанши, моей родительницы, лишилась я почти родившись только на свѣтъ, и смертію ея претерпѣла невозвратимый мнѣ уронъ; ибо естьли бы она жизнію наслаждалась, то предохранила бы меня конечно отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыми я до сихъ поръ угнѣтаема. Приставленные ко мнѣ Султаномъ люди не упускали ничего къ просвѣщенію моего ума и сердца, и внушили въ меня достойныя великой Принцессы мысли. До десяти лѣтъ моего возраста жила я довольно спокойно, и въ сіе время ничего не приключилось со мною особливаго, только иногда слыхала, что невольницы, которыя ко мнѣ приставлены были, говаривали, что я прекрасна; но всѣ льстивыя ихъ для меня рѣчи пересказывать вамъ почитаю за излишнее; однако скажу то, что претерпѣнныя мною душевныя и тѣлесныя прискорбія и труды такъ лице мое перемѣнили, что почти уже не видно въ немъ болѣе тѣхъ прелестей, которыми я прежде сего, какъ-то меня увѣряли, обладала. И то правда, что сія прежняя плачевная для меня красота была причиною всѣхъ чрезвычайныхъ моихъ приключеній; она привела меня въ бѣдственное сіе состояніе, въ которомъ нахожусь нынѣ; она заставила меня вести жизнь странствующую и злополучную. Какъ я была не болѣе тринатцати лѣтъ, то въ

вЪ сіе время совершенной невинности ПринцЪ КацанЪ-КанЪ, которому уже болѣе осьмнатцати лѣтЪ было, препровождалЪ цѣлые дни со мною, и убѣгалЪ всякаго общества. Я не могла подумать, чтобы ласки его наполнены были какою злобою; но почитая ихЪ знаками искренняго дружества, весьма тому радовалась, что имѣла такого брата, который любилЪ меня сЪ толикою горячностію. Со всемЪ тѣмЪ, достигши до гораздо зрѣлыхЪ лѣтЪ, примѣтила я вЪ ласкахЪ сихЪ много восхитительности. Я начала ихЪ страшиться, и казалось, увидѣла вЪ немЪ дѣйствіе беззаконной страсти, которое почитала сперва единственно движеніемЪ чистой и невинной дружбы; подозрѣвала, не подала ли кроткость моя сЪ симЪ ПринцомЪ ему повода кЪ какимЪ надеждамЪ и кЪ предпріятію такихЪ намѣреній, кои противЪ неба и естества устремлялись. Я вЪ томЪ не обманулась; вскорѣ узнала я то, чего узнать страшилась.

ВЪ одинЪ день принимала я знаки горячности КацанЪ-Кана сЪ нѣкоторымЪ упорствомЪ; сіе привело его вЪ смущеніе. Канцадея! сказалЪ онЪ мнѣ: что холодность сія значитЪ? За чрезмѣрную мою кЪ тебѣ любовь развѣ хочешь престать платить мнѣ взаимнымЪ образомЪ? ЧѣмЪ могЪ я уменьшить твою ко мнѣ любовь? Всякая крайность проклинается, сказала я ему на то; и я впредь буду довольна только одною разсудительною и настоящею дружбою, каковую братЪ кЪ сестрѣ своей имѣть долженЪ. АхЪ, Канцадея! прервалЪ ПринцЪ рѣчь мою, дражайшая

моя Канцадея! сколь имя сіе сестры для меня несносно! сколь немилосердо для меня небо, что не произвело тебя отъ самаго послѣдняго изъ всѣхъ людей на свѣтѣ; но отъ Царя, нашего родителя! Для чего, сказала я ему съ удивленіемъ, желаешь ты мнѣ такого нещастія? Ахъ! вскричалъ Кацанъ-Канъ: для того, что кровь, которая насъ по нещастію связываетъ, есть самымъ величайшимъ препятствіемъ къ моему спокойствію на свѣтѣ. Конечно, Канцадея! я тебя люблю, люблю, но не такъ, какъ братъ; не слабою и томною питаюсь къ тебѣ дружбою: я обожаю тебя, какъ страстнѣйшій любовникъ, и уже столь мало надъ собою властенъ, что чувствую, что въ жесточайшее ввергнусь отчаяніе, когда надъ моимъ состояніемъ не сжалишься. Не удивляйся сему объявленію, дражайшая Канцадея! продолжалъ онъ; страсть моя имѣетъ примѣры въ Принцахъ, нашихъ предкахъ: исторія о Царяхъ Персидскихъ наполнена таковыми любовными случаями; многіе изъ нихъ женаты были на сестрахъ; но ни одинъ изъ сихъ Государей не чувствовалъ толь сильной страсти, потому что она лишаетъ меня совсѣмъ покоя, и только смерть единая погасить ее можетъ.

Сіе толь ясное объясненіе, котораго я дѣйствительно должна была ожидать въ разсужденіи того, что еще прежде того бывало, привело меня въ такой ужасъ, что я вдругъ стала почти безъ чувства; но опамятовавшись потомъ, ахъ! вскричала я, любезный братъ! въ какой стыдъ и смятеніе приводишь ты меня? Уже

твое присутствіе меня тревожитъ, и я бы съ радостію отдала жизнь свою, естьли бы могла увѣриться, что уши мои меня обманываютъ, и что я изъ устъ такого Государя, какъ ты, никогда не слыхала толь отвратительнаго и поноснаго объявленія. Естьли въ тебѣ осталось хотя нѣсколько добродѣтели, то вооружись тѣмъ, Государь! противъ движеній мерзской страсти, и не посрамляй жизнь свою толь гнуснымъ поступкомъ, котораго вся кровь твоя загладить никогда не въ силахъ. Я ни мало не нахожу въ томъ стыда, сказалъ на то Кацанъ-Канъ, чтобы любить то, чего природа не производила никогда краше; прелести сестры моей столь же сильны надъ моимъ сердцемъ, какъ и прелести какой другой особы; и не взирая ни на какія препятствія, буду любить тебя непремѣнно до гроба. Я же, сказала я, оставляя его съ великимъ гнѣвомъ, буду на страсть твою взирать съ величайшимъ отвращеніемъ: стану убѣгать тебя, какъ какого чудовища, и развратныя мысли твои возбуждать будутъ отъ часу болѣе мое къ тебѣ омерзѣніе.

Я не могу довольно изъяснить вамъ, сколь великую печаль чувствовала я отъ сего объявленія; она тѣмъ несноснѣе для меня казалась, что не можно мнѣ было по желанію моему убѣгать отъ Принца; и ожидая, чтобы время, разумъ, или наконецъ и власть Султана нашего родителя подали мнѣ средство, старалась всѣми силами таить о такой любви, которой срамъ, казалось, и на меня падалъ. Но сколь ни осторожна

рожна была въ моихъ поступкахъ, однако Принцъ такъ мною сталъ ослѣпленъ, что вышелъ изъ благопристойности, и страсть сія его ко мнѣ дошла и до нашего родителя, въ самое то время, какъ уже и я сама, не въ состояніи болѣе будучи сносить изгоненій Кацанъ-Каковыхъ, хотѣла ему принесть на него въ томъ жалобу.

Сей чрезмѣрно раздраженный Государь, увѣдая о всемъ, что я онъ Принца сего претерпѣвала, призвалъ его къ себѣ, и выговаривая ему съ гнѣвомъ, котораго онъ былъ достоинъ, угрожалъ его совершенно своею немилостію, естьли толь мерзостныхъ не преодолѣетъ склонностей, и думалъ, что пагубную страсть сію ничѣмъ инымъ погасить не въ состояніи, какъ сочетая меня съ какимъ Султаномъ изъ своихъ сосѣдей: на сіе устремилъ онъ всѣ свои мысли; но чуть только положилъ онъ сіе намѣреніе, какъ слегъ въ пресильную горячку, которая жизнь его привела въ опасность. Тогда призвалъ онъ къ себѣ Принца, и дѣлая ему въ разсужденіи меня увѣщанія въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ, предавалъ его проклятію, естьли не истребитъ своей страсти; мнѣ же повелѣлъ, чтобы я, ни на что не взирая, не дерзнула никогда посрамить родъ его беззаконнымъ бракомъ. Братъ мой казалось весьма раскаевался тогда въ своемъ преступленіи, и увѣрялъ столь сильно нашего родителя, что увѣщанія его произвели желаемое надъ сердцемъ его дѣйствіе, и погасили совсѣмъ нещастную его ко мнѣ любовь, что радость, которую сей милостивый

родитель отъ того почувствовалъ, произвела въ немъ весьма великое движенiе, такъ что не взирая на все старанiе врачей, скончался онъ на рукахъ нашихъ.

Новый Султанъ, увидя, что смертный Ангелъ затворилъ очи нашего родителя, вступилъ на престолъ съ согласiя всѣхъ своихъ подданныхъ; отправилъ вскорѣ погребенiе покойнаго Государя, и нѣсколько дней упражнялся единственно въ правленiи своего государства; что побудило меня ласкаться надеждою, что онъ въ разсужденiи меня въ самомъ дѣлѣ перемѣнился; и сiе принесло нѣкоторое облегченiе чрезмѣрной скорби, кою я о потерянiи такого родителя чувствовала, которой только одинъ могъ мнѣ служить защитою противу неправедныхъ намѣренiй Кацанъ-Кана. Но спустя нѣсколько по томъ дней, увидѣла я, сколь много въ томъ обманывалась: прежде принуждена я была сопротивляться страсти брата, который ни малѣйшаго не имѣлъ надо мною начальствiя; теперь же подвержена стала власти такого Государя, который повелительнымъ образомъ отъ меня то требовалъ, что сперва старался получить посредствомъ ласки и кротости.

ВЕЧЕРЪ VII.

Продолженiе исторiи о Канцадеѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Я не хочу повторять вамъ тѣ слова, которыя Кацанъ-Канъ употреблялъ къ тому, чтобы склонить меня къ соотвѣтствованiю на

страстѣ

страсть его; ни то, какія причины представляла я ему для убѣжденія его въ омерзѣніи, кое онъ къ тому имѣть долженъ: а скажу вамъ только, что онъ, видя безполезность своихъ старанiй, объявилъ мнѣ, что для склоненія меня на такой союзъ, отъ котораго сохраненіе жизни его зависѣло, видитъ онъ себя принужденнымъ поступить со мною по Царскому своему чину, и что я желаніямъ его непремѣнно должна повиноваться.

Слыша толь жестокое объявленіе, смотрѣла я на Султана такимъ лицемъ, которое довольно показывало ему мою печаль и справедливое на него мое негодованіе. Какъ, Государь! сказала я ему, можешь ты быть толь дерзостенъ, чтобы власть свою хотѣлъ ты употребить къ заключенію такого союза, который насъ гнѣву небесъ подвергнетъ? Развѣ ужасное наименованіе Каулія (*), которое тебѣ дадутъ твои подданные, не въ состояніи привесть тебя въ разсужденіе? Ахъ! не надѣйся, чтобы предъ людьми и предъ Богомъ причастна я была такому преступленію, отъ коего и Ангелы отъ насъ удаляются; и будь точно увѣренъ, что я намѣрена лишиться жизни, (естьли другихъ средствъ имѣть не буду) нежели претерпѣть такое насильствіе, каковымъ ты меня угрожаешь. Нѣтъ, Канцадея! сказалъ Султанъ, ты не умрешь; ты конечно разсудишь о чрезмѣрности моей страсти; льщусь, что укрощу толь раздраженное сердце, и чрезъ

 не-

(*) Каулій значитъ такого человѣка, который учинилъ кровосмѣшеніе.

недѣлю перемѣнишь ты свое намѣреніе; столько времени даю тебѣ на размышленіе о повиновеніи моей волѣ.

По семъ толь жестокомъ повелѣніи бросилась я къ ногамъ Кацанъ - Кана, проливая предъ нимъ слезы; но ничто не могло его поколебать; онъ при всѣхъ своихъ Визиряхъ клялся, что естьли я оказываемую его ко мнѣ до сихъ поръ ласку во зло употреблять стану, то ничто не можетъ уже ему возпрепятствовать поступить со мною съ тою неограниченною властію, какую онъ надъ землями своими имѣетъ. Бѣдственную ту для меня недѣлю препроводила я въ горчайшей скорби; изыскивая единственно средства къ избѣжанію его мучительства смертію, или бѣгствомъ, помышляла только о томъ, какимъ бы образомъ склонить на свою сторону одного изъ невольниковъ, приставленныхъ къ сералю; а какъ назначенный мнѣ срокъ уже проходилъ, а я не могла еще найти къ тому способа, то вознамѣрилась употребить нѣкоторую хитрость. Какъ скоро Кацанъ - Канъ пришелъ ко мнѣ въ комнату, то я говорила ему такъ: я вижу, Государь! что желаніямъ твоимъ сопротивляюсь тщетно; признаюсь, что великое въ себѣ чувствую отвращеніе согласиться на оное; но всѣми силами сопротивляясь высокой твоей власти для совершеннаго оправданія себя въ такомъ дѣлѣ, къ которому ты меня принуждаешь, требую отъ тебя еще на мѣсяцъ сроку, дабы въ сіе время могла я преодолѣть всѣ затрудненія, кои до сихъ поръ сердце мое терзаютъ.

Легко

Легко можно познать, сколь великую радость почувствовалЪ тогда СултанЪ; уже считалЪ себя на вершинѢ своего благополучія, и бросясь кЪ ногамЪ моимЪ, которыя цѢловалЪ сЪ чрезмѢрнымЪ восхищеніемЪ, далЪ мнѢ безЪ всякаго прекословія требуемой мною отЪ него срокЪ, и вЪ тотЪ же день прислалЪ ко мнѢ множество драгоцѢнныхЪ подарковЪ.

Хотя окружающіе меня люди казались мнѢ быть весьма преданны, однако я сомнѢвалась найти между ими толь смѢлаго, который бы отважился подвергнуть себя Султанскому гнѢву вспоможеніемЪ мнѢ вЪ моемЪ побѢгѢ. Размышляя долго, вздумала я обЪ одномЪ черномЪ евнухѢ, который перешелЪ изЪ службы Султанши моей матери вЪ мою: онЪ мнѢ показался чувствительнымЪ вЪ моей горести. ШабанЪ! сказала я ему: ты видишь бѢдственное мое состояніе; я хочу тебѢ открыться: одна только смерть сильна прекратить мои горести, и одною ею уповаю избѢгнуть моего плачевнаго состоянія, вЪ которомЪ нахожусь нынѢ, естьли только ты не похочешь подать мнѢ вспомоществованіе. Принцесса! сказалЪ мнѢ невольникЪ, тронувшись слезами моими: что могу я для васЪ сдѢлать? Повели мнѢ, я все исполню; положись на ненарушимую мою вѢрность, и будьте увѢрены, что я самой жесточайшей не страшусь смерти, чтобы извлечь васЪ изЪ рукЪ такого мучителя, который посрамляетЪ себя такою страстію, коей всякой человѢкЪ страшиться долженЪ. НадлежитЪ, сказала я ему, вывести меня изЪ дворца. Сіе

весьма не трудно сдѣлать, отвѣтствовалъ мнѣ Шабанъ; я принесу вамъ муское платье, и мы выдемъ изъ сераля безъ всякаго затрудненія, потому что у меня есть ключь отъ садовъ, которой начальникъ надъ садами потерялъ, тому уже нѣсколько мѣсяцовъ. Но получа свободу, что намѣрены вы съ собою дѣлать? Какъ можемъ мы убѣгать отъ поисковъ Султана, котораго побѣгъ нашъ приведетъ конечно въ ярость? Я на то знаю средство, я дамъ тебѣ письмо къ моей кормилицѣ, которая живетъ въ домѣ своемъ въ Ормуцкомъ предмѣстіи; мнѣ съ нею должно, какъ возможно скорѣе, видѣться. Очень хорошо, сказалъ Шабанъ, напишите письмо, я беру на себя отдать его Карабагѣ. Все исполнено было на другой же день; кормилица моя вамъ разсказала, какимъ образомъ объявила я ей свое желаніе, что дала ей нѣсколько кошельковъ съ золотомъ, и всѣ мои каменья, и что въ мускомъ платьѣ въ провожаніи моего невольника вышедъ изъ дворца, пришли къ Ормуцкимъ воротамъ, гдѣ она насъ дожидалась, что оттуда пошли въ гавань, и сѣвъ тамъ на нанятой Альбаертомъ корабль, отправились, не мѣшкая ни мало, имѣя весьма способный вѣтръ. Я начинала дышать паки, и лобызала Альбаерта, его супругу и любезную мою Карабагу, какъ вздумавъ, что Кацанъ-Какъ, узнавъ о моемъ побѣгѣ, погонится самъ за нами съ великою яростію, пришла я въ такое смущеніе, что всѣхъ къ крайнему сожалѣнію побудила; я открыла страхъ мой кормилицѣ; она сказала о томъ своему сыну, который объявилъ корабельному Капитану, въ какомъ

безпокойствѣ мы находились, и не показывая ему притомъ настоящей того причины, велѣлъ какъ возможно поспѣшить ѣздою, такъ чтобъ мы въ скоромъ времени не могли быть догнаны. Имѣя весьма хорошій вѣтръ, находились мы по прошествіи мѣсяца близъ устья рѣки Инда, и уже не болѣе дватцати миль отъ онаго находились въ отдаленіи, не имѣя притомъ никакихъ безпокойствъ, которымъ на морѣ подвержены бываютъ, какъ вдругъ преужасная поднялась буря; мы ожидали цѣлую недѣлю своей смерти. Капитанъ, видя, что все прилагаемое имъ стараніе было тщетно, ссадилъ насъ въ шлюпку, и отрѣзалъ веревку, которою она къ кораблю была привязана. Будучи носимы волнами, увидѣли мы, что корабль нашъ потонулъ; мы же, служа почти цѣлыя сутки игралищемъ волнъ и вѣтровъ, прибиты были къ одному изъ Дивандюрускихъ или Мальдивскихъ острововъ, какъ-то нашъ Капитанъ разсуждалъ.

ВЕЧЕРЪ VIII.

Продолженіе исторіи о Канцадеѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Мы находились отъ претерпѣнныхъ нами трудовъ почти при смерти, какъ шлюпка наша разбилась о большой камень помянутаго острова; но сіе сдѣлалось такимъ образомъ, что мы свободно выйти могли на берегъ. Между тѣмъ, какъ отягчена будучи усталостію, оплакивала съ Гуль-Эндамою и Карабагою злополучіе наше, Альбаертъ, Капитанъ и Шабанъ взошли на

верьхъ того камня, и прошедъ нѣсколько впередъ по острову, увидѣли, что оный около мили въ окружности, и что, выключая деревья, казался быть совсѣмъ не обитаемъ. Возвратясь на то мѣсто, гдѣ мы были, просили меня, чтобы я выбрала себѣ на семъ острову гораздо скокойнѣйшее мѣсто, ожидая отъ небесъ вспомоществованія, въ разсужденіи чего я встала, обливаясь притомъ горчайшими слезами. Ахъ! вскричала я: жизнь, начатая подъ толь злощастною планетою, не можетъ имѣть не плачевнаго окончанія; престаньте отягощать небеса прозьбами о злощастной Принцессѣ, которая смерть почитаетъ облегченіемъ своихъ бѣдствій. Напрасно сіе ты говоришь, моя дражайшая Принцесса, сказала мнѣ кормилица; никто можетъ быть не достоинъ столько защищенія нашего Пророка; не отчаявайся во вспомоществованіи, котораго намъ отъ него ожидать должно. Хотя я и жесточайщему предана была терзанію, однако послѣдовала совѣтамъ Карабаги, дабы въ противномъ случаѣ не умножить горести собственныхъ ея нещастій и ея фамиліи. Капитанъ, слышавъ разговоръ сей, смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ; онъ до тѣхъ поръ не могъ меня разсмотрѣть хорошенько, и познавъ изъ сихъ рѣчей, что я была Принцесса, началъ оказывать мнѣ всевозможное почтеніе. Милостивая Государыня! сказалъ онъ мнѣ: въ толь бѣдственномъ состояніи, въ которомъ мы находимся, надлежитъ намъ бороться съ злосердымъ рокомъ, и ожидать вспомоществованія только отъ небесъ и отъ трудовъ своихъ. Естьли чрезъ нѣсколько дней не придетъ сюда никакого

кого корабля, то шлюпка моя не въ толь худомъ состояніи, чтобы не можно намъ было осмѣлиться пуститься въ море для приближенія, естьли возможно, къ берегамъ Малабарскимъ; сіе только средство остается намъ въ нашихъ нещастіяхъ. Тронувшись представленіями Капитана, я нѣсколько ободрилась, и хотя оставить прежнее свое мѣсто, увидѣла шагахъ въ пятидесяти отъ меня лежащего человѣка, котораго буря занесла туда и съ доскою, за кою онъ держался. Позорище сіе привело меня въ жалость, думая, что то кто нибудь съ нашего корабля; и потому просила Капитана посмотрѣть, можно ли ему подать какую помощь, какъ взглянувъ на его чалму, увидѣла я на оной яхонтъ, который весьма хорошимъ игралъ огнемъ. Сіе привело меня въ удивленіе, и я тѣмъ болѣе прилагала старанія о семъ нещастномъ, котораго одежда хотя вся замоченная и пескомъ облиплая, показывала человѣка высокаго состоянія. Какъ положили его вверьхъ лицемъ, и обмывая, примѣтили въ немъ нѣкоторые знаки жизни, то всѣ старались подать ему скорѣйшее вспомоществованіе, и отнесли его нѣсколько подалѣе внутрь острова. Хотя глаза сего незнакомаго затворены были, уста его уже не имѣли краски, и все лице его смертною блѣдностію покрыто было; однако никогда не видали мы столь прекраснаго, и нѣкоторымъ предчувствованіемъ, коего причины я не знала, ощущала въ себѣ такое сильное движеніе, что оно казалось предвѣщало мнѣ нѣкоторую часть того, что долженствовало со мною приключиться отъ свиданія съ симъ

человѣкомъ, коему казалось не болѣе двашцати лѣтъ было. Едва только отворилъ онъ глаза, и очувствовался, какъ взирая на насъ со удивленіемъ, говорилъ намъ: не знаю, помощію ли, съ небесъ посланною, или вашею, вижу я свѣтъ паки; за нѣсколько минутъ поглощался я морскими волнами; и хотя жестокости ихъ сопрошивляться всѣми силами старался, однако все тщетно было, и теперь нахожусь въ мѣстѣ, мнѣ совсѣмъ незнакомомъ, гдѣ по видимому жизнію моею вамъ долженъ. Ты долженъ ею, сказала я ему, милосердію великаго нашего Пророка, а по немъ такимъ людямъ, которыхъ участь равна съ твоею судьбиною: мы также, какъ и ты, занесены съ часъ на сей берегъ, и не имѣемъ надежды съ него возвратиться безъ чудесной помощи небесъ.

Незнакомый, который отъ часу болѣе приходилъ въ память, и котораго глаза принимали блестящую живость, взиралъ на насъ съ радостію, и не смотря на мой уборъ, примѣтя, что мнѣ отмѣнное оказываютъ почтеніе: вамъ, милостивый государь! сказалъ онъ мнѣ, думаю, долженъ я благодарностію, коей оказанное вами мнѣ благодѣяніе отъ меня требуетъ; позвольте же принести вамъ теперь свую, сколько достаетъ силъ моихъ. Государь мой! сказала я тогда: мною сдѣлано только то, чего человѣчество отъ насъ требуетъ, и меня весьма много веселитъ, что въ нещастіи, которое меня обременяетъ, можно мнѣ было спасти дни человѣка, о сохраненіи которыхъ нашъ Пророкъ кажется старается. Ибо,

естьли

естьли бы мы по кораблекрушенiи не были прибиты къ сему острову, то бы мы на берегахъ сихъ конечно погибъ; но что? можемъ ли мы льститься имѣть лучшую участь, и не благополучнѣе ли бы мы были, когда бы море насъ поглотило и скончало бы тѣмъ бѣдствiя наши, нежели быть принужденными страшиться въ сихъ мѣстахъ ежеминутно тѣхъ скорбей и болѣзней, которыя представляетъ смерть, кою я неминуемою почитаю? Я не могла сихъ словъ промолвить, не проливъ слезъ потоки; Карабага же, видя меня въ семъ состоянiи, и позабывъ о присутствiи незнакомца, обнимая меня съ великою горячностiю: дражайшая Принцесса! сказала мнѣ, положись на великаго Пророка, онъ нещастныхъ не оставляетъ; небеса справедливы, они конечно наградятъ правость твоего сердца.

Иностранецъ крайнѣ удивился, узнавъ, что я была не то, чѣмъ быть казалась; онъ силился пасть мнѣ въ ноги; но я ему въ томъ воспрепятствовала. Милостивая Государыня! сказалъ онъ мнѣ тогда: жизнь сiя, которою я вамъ долженъ, не столь драгоцѣнна, чтобы моглъ заплатить ею за оказанную мнѣ вами услугу; но сколько ее достанетъ, то клянусь вамъ отъ самой искренности, что готовъ для васъ жертвовать ею. Небо одарило васъ всемъ тѣмъ, чего на свѣтѣ нѣтъ краше, не для того, чтобы оставить васъ въ таковомъ состоянiи; корабль, на которомъ я находился, разбитъ былъ конечно неподалеку отъ сего острова; можетъ быть море подастъ намъ припасы, коими оный нагруженъ

женъ былъ, и сіе самое провидѣніе, которое подаетъ все нужное къ пропитанію всякому звѣрю, не покинетъ насъ въ теперешнемъ нашемъ плачевномъ состояніи. Ободритесь, сударыня! и велите съ верьху сихъ высокихъ камней посмотрѣть, не плаваетъ ли чего по морю, которое кажется мнѣ гораздо успокоилось. Мы послѣдовали совѣту незнакомца, и обшедъ почти весь островъ вкругъ, увидѣли вдали на водѣ нѣчто плавающее. Шабанъ, будучи великій мастеръ плавать, пустился вплавь, и проплывя съ полверсты, увидѣлъ превеликой сундукъ и нѣсколько коробовъ; онъ пригналъ ихъ къ нашему острову, и чрезъ часъ времени вытащилъ все сіе на берегъ, куда прибѣжали мы съ великою радостію, и разсматривали, въ чемъ состояло вспомоществованіе, небесами намъ посланное: въ одномъ коробѣ было тритцать бутылей Шираскаго вина, въ двухъ же сухари и сухая рыба, а въ сундукѣ находилось множество великолѣпнаго платья, которое принадлежало иностранцу, какъ то онъ сказывалъ.

Не можно себѣ представить, сколь много мы случаемъ симъ обрадованы были; радость сія еще болѣе умножилась, когда онъ насъ увѣрялъ, что въ семъ сундукѣ надобно быть много совсѣмъ готовыхъ удочекъ, которыя тамъ и въ самомъ дѣлѣ были: и симъ способомъ нашедъ свое пропитаніе, предались мы совсѣмъ сему провидѣнію, которое явило намъ въ толь удобное время свою помощь; мы наломали вѣтвей, и изъ нихъ надѣлали себѣ нѣкоторый родъ шалашей,

гдѣ,

гдѣ, поужинавъ изъ новой нашей добычи, ночь довольно спокойно препроводили.

Незнакомый, оправившись на другой день совсѣмъ, предсталъ предъ меня съ весьма пріятнымъ видомъ: милостивая Государыня! сказалъ онъ мнѣ: одежда ваша для васъ весьма не приличествуетъ; а понеже вы здѣсь не имѣете женскаго платья, то удостойте по крайней мѣрѣ взять которое нибудь изъ данныхъ моремъ; мы же почти одинакого роста, и вамъ необходимо должно скрывать родъ вашъ подъ другою одеждою. Карабага и Гуль-Эндама уговаривали меня показать иностранцу сію ласку, и я выбрала совсѣмъ новое полное платье; и не могла отговориться, чтобы не взять еще и чалмы, которая убрана была множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Конечно одежда придавала мнѣ всегда весьма много красы. Какъ только показалась я въ семъ платьѣ, то иностранецъ не могъ удержаться отъ чрезмѣрнаго удивленія, и всѣ со мною бывшіе увѣряли меня, что оно ко мнѣ очень пристало. Другія сутки препроводили мы съ гораздо большимъ спокойствіемъ, и къ ночи надѣлали себѣ кровати изъ дерну, и устлали ихъ листьями. Къ большему удовольствію нашли мы на нашемъ острову небольшой ключь весьма чистой воды, и естьли смѣю сказать, то къ пріятности сна моего споспѣшествовало не мало и то, что сей прекрасный незнакомецъ представлялся многократно въ умѣ моемъ, и что не могла истребить изъ мысли толь пріятнаго человѣка.

Ахъ,

Ахъ, Канцадея! говорила я сама въ себѣ проснувшись: въ какую слабость ты впала! ты чувствуешь толико удовольствія единымъ напоминовеніемъ того человѣка, котораго ты еще не болѣе двухъ дней спознала, и который можетъ быть неравнаго съ твоимъ состоянія; мысли твои были до сихъ поръ безвинны; единая жалость и достоинство, кое тебѣ чрезвычайнымъ показалось, могутъ произвесть оныя; но разумъ ихъ не оправдаетъ: и такъ почитай впредь сего незнакомца простымъ человѣкомъ, и не предавайся такой страсти, которой слѣдствія могутъ быть для тебя весьма плачевны; ибо сей иностранецъ, статься можетъ, имѣетъ въ себѣ лестную только одну наружность, которая тебя прельщаетъ; онъ можетъ быть гораздо низшаго произхожденія, нежели ты, и никакою добродѣтелію не обладаетъ. Увы! лучше бы для тебя было, естьли бы тебя морскія волны поглотили, нежели сражаться теперь съ прелестями лица сего незнакомца; убѣгай его какъ чудовища, пожрать тебя готовящагося, или по крайней мѣрѣ обороняйся отъ него, такъ какъ отъ врага, вооруженнаго для твоей погибели.

Я не успѣла еще положить великодушнаго сего намѣренія, какъ Карабага объявила мнѣ, что иностранецъ подлѣ моего шалаша находится, и желаетъ со мною видѣться.

ВЕЧЕРЪ IX.

Продолженіе исторіи о Канцадеѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Сколь ни сильно я противъ себя казалось вооружилась, и сколь ни твердое намѣреніе положила;

жила; однако признаюсь, что почла за должность дозволить ему ко мнѣ взойти въ шалашъ, и что я чрезвычайно тронулась, его увидя. Онъ такъ перемѣнился отъ того, какъ я его на канунѣ видѣла, что сіе внутренне меня терзало; онъ подошелъ ко мнѣ съ великою робостію и преданностію, не говоря притомъ ни слова; спустя же по томъ нѣсколько минутъ, говорилъ мнѣ такъ: милостивая государыня! вамъ еще не всѣ злополучія ваши извѣстны, я васъ обожаю, и меня мучитъ смертельно то, что любовь мою не могу вамъ показать ничѣмъ инымъ, кромѣ совершенной преданности повелѣніямъ вашимъ; я знаю, что объявленіе сіе васъ огорчаетъ; но думалъ, что будучи такого произхожденія, которое позволяетъ мнѣ простирать желанія мои до самаго величайшаго во всемъ востокѣ, не должно мнѣ таить отъ васъ долѣе моей страсти, не для того, чтобы ожидалъ взаимности; я не столько самолюбивъ, чтобы такимъ благополучіемъ могъ когда льститься; но естьли бы, дражайшая Принцесса! невинность моихъ намѣреній была вамъ извѣстна, то бы я надѣялся, что предложеніе вамъ моего сердца не будетъ противно, когда притомъ и ваши мысли еще ничѣмъ не заняты. Хотя рѣчь сія привела меня во удивленіе, однако душа моя не могла на него раздражиться за любовь его, и я не знала, что мнѣ ему на то отвѣтствовать, какъ вдругъ конечно вдохновеніемъ великаго Пророка сказала я ему слѣдующее: произхожденіе твое конечно должно быть моему равное, когда ты, зная, кто я такова, осмѣлился сказать мнѣ, что меня

 любишь;

любишь; и потому сіе твое объявленіе меня не озлобляетъ: сердце мое свободно еще отъ всякой страсти; но я завишу отъ такого брата, отъ котораго получить меня позволяю тебѣ стараться: естьли мы столь щастливы, что изъ сего острова вытти можемъ, то поѣжжай къ нему; но до тѣхъ поръ сдѣлай мнѣ удовольствіе, не говори со мною о сей любви; съ симъ только договоромъ позволяю тебѣ со мною видаться.

Ахъ, милостивая государыня! сказалъ мнѣ тогда незнакомецъ, восхищенъ будучи отъ радости, и бросясь къ моимъ ногамъ; я повелѣніямъ вашимъ слѣпо повинуюсь: естьли уста мои не могутъ говорить вамъ ежеминутно, что я васъ обожаю, то по крайней мѣрѣ не будьте столь несправедливы, чтобы взоры и всѣ поступки мои вамъ то вѣщали; но скажите мнѣ, отъ какого Государя вы зависите? Отъ Султана Ормуцкаго, отвѣтствовала я. Какъ! Кацанъ-Канъ вашъ братъ, а вы прекрасная Канцадея? вскричалъ незнакомецъ; о небо! сколь я нещастливъ! Чтобъ быть вашимъ супругомъ, должно мнѣ получить васъ отъ сего Государя! Я проѣжжалъ чрезъ всю Персію; не безъизвѣстна мнѣ мерзостная страсть, которую къ вамъ Монархъ сей возъимѣлъ; не безъизвѣстно мнѣ, до какихъ крайностей онъ дошелъ, чтобы васъ къ ужаснѣйшему кровосмѣшенію принудить; сіе возбудило во мнѣ столь великое къ нему отвращеніе, что я, проѣжжая чрезъ его земли, не удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ. Но хотя мы равнаго произхожденія, потому что вы во мнѣ единаго сына и наслѣдника Висапурскаго Султана

на видите; однако ни мало не должно мнѣ льститься, чтобы Кацанъ - Какъ почтилъ мой чинъ и любовь мою, когда и къ законамъ должнымъ своей крови не имѣетъ почтенія, которые точно запрещаютъ ему искать обладать вами. И такъ, милостивая государыня! дозвольте, чтобы мы не зависѣли отъ власти такого брата, противъ котораго все естество должно вооружаться.

Никто не можетъ приведенъ быть въ такое удивленіе, въ какомъ я отвѣтомъ Висапурскаго Принца находилась. Не возобновляй, Принцъ! сказала я ему, моей болѣзни напамятованіемъ страсти такого брата, котораго я проклинаю, и который всѣхъ моихъ злополучій причина, потому что его избѣгая, претерпѣли мы на берегахъ сихъ кораблекрушеніе; и я не думаю, чтобы въ такомъ состояніи, въ какомъ мы теперь находимся, пристойно было говорить о такой любви, которая мученія наши умножить можетъ. Я читала о ней въ Персидскихъ нашихъ стихотворцахъ, и мнѣ кажется, что она способна только къ заблужденію разума, въ которомъ въ теперешнемъ моемъ состояніи должна я искать пристанища. Въ такихъ разговорахъ препроводили мы нѣкоторую часть дня, а при наступленіи ночи легла я на постелю, и думала обрѣсти тамъ хотя нѣсколько спокойствія, и насладиться ненарушимымъ сномъ, какъ Принцъ Висапурскій предсталъ предъ меня во снѣ съ столь величественнымъ видомъ, какого я въ немъ еще никогда не примѣчала. Канцадея! говорилъ онъ мнѣ: тщетно стараешься ты спорить мнѣ въ своемъ сердцѣ; дай свободное теченіе

судьбинѣ; то въ книгѣ божественныхъ предѣловъ начертанно, что ты должна быть моею; я объявляю тебѣ именемъ великаго нашего Пророка, что любовь твоя только мнѣ одному вручена, и что я брата твоего принужу согласиться на то, чтобы я былъ твоимъ супругомъ.

Въ ту минуту проснулась я съ толь великимъ безпокойствіемъ, что долго не могла сомкнуть опять глазъ; я не знала, должно ли мнѣ было приключеніе сіе почитать объявленіемъ снизпосланнымъ мнѣ съ небесъ, которыя иногда предвѣщаютъ намъ предбудущее, или дѣйствіемъ разговора моего съ Принцомъ. О великій истолкователь повелѣній небесныхъ! вскричяла я, непоколебимый столпъ закона нашего, божественный Магометъ! возможно ли, чтобы судьбина моя была когда такова, какъ вѣщаешь мнѣ оную устами любезнѣйшаго во всемъ свѣтѣ человѣка! Естьли то небеса мнѣ повелѣваютъ, то тщетно стану тому сопротивляться; но чтобы хотѣніе ихъ познать истинно, то всегда остерегаться буду отъ прельщающихъ заразъ его. Естьли я на другой день не показывала Котбедину (такъ назывался Принцъ Висапурскій), сколь много я его почитаю, то сіе сдѣлать было для меня весьма тяжкс. Я опасаюсь, милостивыя государыни! продолжала Канцадея, чтобы вы не похотѣли извинить моей слабости; я не хочу искать уменьшать ее великими достоинствами сего Принца; но единственно силою судьбины, которая, какъ то вы изъ послѣдующаго увидите, производила надо мною великія дѣйствія.

Между

Между тѣмъ, какъ мы, такъ сказать, только сами собою наполнены были, Капитанъ, Альбаертъ и евнухъ ходили удить рыбу, и приносили оной всегда очень много, чѣмъ мы весьма довольны были; и уже прошло тому болѣе двухъ недѣль, что мы такую вели жизнь, къ которой было начали и привыкать, какъ въ одинъ день Принцъ, Капитанъ и Шабанъ, пошедъ очень рано на ловлю, увидѣли на морѣ сраженїе двухъ кораблей, изъ которыхъ одинъ оборонялся отступая назадъ, и стараясь приближиться къ нашему острову. Видя сїе новое позорище, прилегли они на землю, а корабль, которой обращался въ бѣгство, присталъ къ берегу, и всѣ находящїеся на немъ вышли со всякою скоростїю, и взошедъ на пригорокъ, стали въ оборонительномъ состоянїи. Едва только предводитель ихъ устроилъ, какъ непрїятели ихъ, вышедъ также на берегъ, пошли на нихъ съ великою яростїю, и вскорѣ обагрили землю кровїю сражающихся. Первые, будучи не столь многолюдны, стояли на выгодномъ мѣстѣ, и предводитель ихъ возбуждалъ ихъ такъ своимъ примѣромъ, что нападающїе на нихъ нашли гораздо болѣе сопротивленїя, нежели того отъ такихъ людей чаяли, которымъ должно уже было устать отъ долгопродолжающагося жестокаго сраженїя, на коемъ показали великое мужество, и претерпѣли уже не малой уронъ; но какъ послѣднїе получили вспоможенїе, приказавъ всѣмъ солдатамъ и матросамъ, на караблѣ находящимся, съ ними соединиться: то первые начали уступать мѣсто: предводитель же ихъ оборонялся съ чрез-

 мѣр-

мѣрною храбростію; и хотя былъ израненъ, однако жизнь свою защищалъ съ большимъ мужествомъ, нежели надеждою; и имѣя дѣло съ людьми, ни жалости, ни великодушія незнающими и разпаленными яростію, что столь много сотоварищей своихъ въ сраженіи семъ потеряли; уже погибалъ отъ великаго множества окружившихъ, какъ Принцъ Висапурскій, взглянувъ на корабельнаго Капитана, предлагалъ ему итти на вспоможеніе такого человѣка, который съ остальными десятью или двенатцатью храбрыми Офицерами, или солдатами погибаетъ отъ множества непріятелей, коихъ еще болѣе сорока человѣкъ было. Капитанъ, будучи весьма храбръ, согласился на предпріятіе Котбединово, и Шабанъ просилъ у нихъ также позволенія итти съ ними на бой вмѣстѣ; и такъ они всѣ трое пошли на защищеніе сего храбраго человѣка. Принцъ и Капитанъ имѣли при себѣ сабли; евнухъ же схватилъ саблю у одного изъ убитыхъ, и всѣ они вступили въ кровопролитный бой. Обѣ стороны примѣтили вскорѣ великое сіе вспомоществованіе, сильнѣйшая по претерпѣваемому отъ того урону, а слабѣйшая по великимъ дѣламъ, которыя сіи три человѣка производили; и Котбединъ, срубя въ одну минуту шесть самыхъ отважныхъ изъ той партіи, противъ коей онъ дрался, привелъ всѣхъ въ страхъ и удивленіе.

Начальникъ ихъ гнался за храбрымъ воиномъ, который, обремененъ будучи усталостію и истощеніемъ крови изъ ранъ, упалъ подлѣ одного пригорка; уже непріятель его поднялъ руку

ку вонзить въ него мечь свой, какъ Принцъ Висапурскій, увидя сіе дѣйствіе, ударилъ его по рукѣ своею саблею, и отвратилъ сей смертельный ударъ; въ другой же разъ, ударивъ его по шеѣ, срубилъ съ него голову, и покрылъ тѣломъ его того, которому онъ спасъ жизнь. Встань, государь мой! сказалъ онъ ему тогда, и собери силы свои къ защищенію себя; понеже небеса за тебя вступаются. Произнося сіи слова, удалялъ саблею своею всѣхъ его окружающихъ съ такою бодростію, что подалъ сему воину средство взять свое оружіе, возбудить почти уже совсѣмъ погашенное свое мужество, и одобрить тѣмъ подкомандующихъ своихъ къ неустрашимой оборонѣ. То исполнилъ онъ съ гораздо большею легкостію, нежели чаялъ: непріятели смертію своего начальника, котораго Котбединъ лишилъ жизни, и удивленіемъ, въ кое приведены были чудесами, имъ производимыми, пришли въ такой страхъ, что, давя другъ друга, хотѣли взойти на корабль свой. Но Принцъ, подкрѣпляемъ будучи остальными воинами своей стороны, пресѣкъ имъ путь къ оному, и показалъ толь невѣроятныя дѣйствія неописаннаго мужества, что они всѣ съ оружіемъ въ рукахъ погибли.

Такимъ образомъ кончилось сраженіе; Офицеры и солдаты сего воина окружили своего предводителя, который, не взирая на множество ранъ, помышлялъ не столько о излеченіи оныхъ, сколько о оказаніи знаковъ своей благодарности Принцу Висапурскому. Мы окончали сраженіе, сказалъ онъ ему, котораго слава тебѣ принадлежитъ; на ономъ спасъ ты мнѣ жизнь, а съ нею и оставшихся храбрыхъ людей.

Я тебѣ столь много обязанъ, что довольно вижу, что долго за то буду неблагодарнымъ, естьли небеса не подадутъ мнѣ случая къ отмщенію. Естьли я тебѣ, сказалъ на то Котбединъ, показалъ какую услугу, то за оную легко воздать можешь, спасая не только такую жизнь, которой бы я лишился вскорѣ, естьли бы вы на сей островъ не пристали, но съ ней и жизнь той, кою я обожаю, и сохраненіе которой драгоцѣннѣе мнѣ собственной моей. О небо! вскричалъ сей воинъ, возможно ли, чтобы я былъ щастливъ, и могъ возблагодарить тебя хотя нѣкоторымъ образомъ за оказанное мнѣ вспомоществованіе? По сихъ словахъ Котбединъ, не объявляя ему своего имени ни моего, разсказалъ ему вкратцѣ о нашемъ кораблекрушеніи и о ожиданіи неизбѣжимой смерти, или по крайней мѣрѣ весьма тяжкой жизни, естьли онъ намъ не поможетъ: сіе произвело въ воинѣ чрезвычайную радость, что можетъ взять насъ на корабль свой. Я клянусь небесами, пославшими мнѣ толь храбраго защитника, сказалъ онъ Принцу, что не только изведу васъ изъ мѣстъ сихъ, но повелю отвезть васъ въ такую часть свѣта, въ которую вы согласитесь удалиться. Окончавъ рѣчь сію, хотѣлъ онъ, не взирая на свои раны, итти съ Принцомъ къ тѣмъ, о спасеніи коихъ онъ столь много старался; но Котбединъ, видя его слабость и истощеніе крови, просилъ его, чтобъ онъ на свой корабль возвратился, и велѣлъ бы перевязать себѣ раны, думая, что для него будетъ тамъ гораздо лучше, нежели у насъ на острову, лишенномъ всякаго спокойствія жизни, и увѣряя его, что приведетъ насъ къ нему немедленно.

Воинъ

Воинъ согласился на прозьбы Принцовы, и велѣлъ отнести себя на свой корабль. Котбединъ столь же много удивился, сколько возчувствовалъ печали, не нашедъ при себѣ ни Капитана, ни Шабана. Онъ видѣлъ, что они сражались съ такимъ мужествомъ, которое заставляло его опасаться, чтобы они не погибли. И въ самомъ дѣлѣ нашелъ онъ ихъ между мертвыми тѣлами. Потерянiе двухъ толь храбрыхъ людей нарушало радость, которою должно ему было наслаждаться отъ полученiя совершенной побѣды; онъ проливалъ о нихъ слезы, и прибѣжавъ къ нашимъ шалашамъ, разбудилъ насъ, и разсказывалъ намъ о всемъ произшедшемъ; я же, увидя его всего въ крови, не могла смотрѣть на него безъ ужаса. Ахъ, любезный Принцъ! вскричала я, не раненъ ли ты? Нѣтъ, сударыня! отвѣтствовалъ онъ мнѣ: небо, которое сохраняетъ меня конечно для защищенiя вашего, не допустило меня на семъ сраженiи погибнуть; но убиты только Капитанъ и Шабанъ, которые въ славѣ моей великое участiе имѣли. Сколь много благодарю я небесамъ, что Альберта не было съ нами при толь опасномъ случаѣ! Я не сомнѣваюсь, чтобы мужество не привело и его въ погибель; но слезы наши, продолжалъ онъ, не могутъ возвратить жизнь неустрашимымъ друзьямъ нашимъ, къ чему же препровождать время въ безполезныхъ жалобахъ и разсужденiяхъ? Великодушный незнакомецъ, коему я оказалъ услугу, насъ дожидается; онъ обѣщалъ мнѣ велѣть отвезти насъ въ такое мѣсто, которое похотимъ избрать себѣ жительствомъ. Толь прiятная вѣсть

 ума-

умалила печаль нашу о потеряніи Капитана и вѣрнаго Шабана. Мы пошли не мѣшкая на берегЪ, нашли тамЪ шлюпку, на которой доѣхали мы до корабля, и взошедЪ на оной, приносили небесамЪ усердную благодарность о премѣненіи прежней нашей доли.

Хотя островЪ, которой мы оставили, и почитала я за такое мѣсто, кое за нѣсколько предЪ симЪ времени чаяла быть своею гробницею; однако признаюсь, что безЪ сомнѣнія не могла его покинуть, когда вспоминала, что на ономЪ покорила себѣ Висапурскаго Принца; и КотбединЪ, какЪ то говорилЪ онЪ мнѣ уже послѣ, взиралЪ на него сЪ нѣкоторымЪ родомЪ горячности, приводя себѣ на мысли то, что на ономЪ родилась вЪ немЪ такая страсть, которая все благополучіе жизни его составляла.

ВзошедЪ на корабль, узналЪ ПринцЪ, что предводитель онаго, коему перевязали уже многія раны, изЪ коихЪ ни одна не была смертельная, ожидалЪ сЪ нетерпѣливостію любезнаго своего защитника и всѣхЪ его товарищей; и какЪ увѣрили насЪ, что мы его не обезпокоимЪ, то взошли кЪ нему вЪ каюту. КакЪ скоро онЪ поднялся, чтобы обнять Котбедина, то я, взглянувЪ на него, ужаснымЪ образомЪ закричала, и пала вЪ обморокЪ вЪ руки Карабаги и Гуль-Эндамы. ПринцЪ Висапурскій пришелЪ вЪ смертельную печаль, видя, что тотЪ, которому онЪ спасЪ жизнь, упалЪ сЪ постели и вскричалЪ: о небо! это Канцадея! это Ормуцкая Принцесса!

ВЕЧЕРЪ X.

Продолженіе исторіи о Канцадѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Сколь ни великъ былъ страхъ и ужасъ, когда море колебаясь бросало насъ то вверьхъ, то внизъ, продолжала Канцадея, и сколь ни мучительно было взирать на приближеніе смерти, когда занесены мы были на тотъ пустый и необитаемый островъ, которой мы оставили; однако ничто не можетъ сравниться съ ужасомъ, которой произвело во мнѣ свиданіе съ Кацанъ-Каномъ; ибо это былъ Султанъ Ормуцкій, во власть коего я попалась паки; и сей смертельный страхъ лишилъ меня чувствъ такъ, что я не въ силахъ была притти скоро въ память.

Не одна я при толь плачевномъ для меня случаѣ смущалась; отчаяніе и тяжчайшая скорбь изображены были и на лицѣ Котбединовомъ. Султанъ мой братъ изъявлялъ также не менѣе ярости. Послѣ первыхъ движеній радости, которую, увидя меня, онъ почувствовалъ: о небо! вскричалъ онъ, ты возвращаешь мнѣ Канцадею въ ту самую минуту, когда я уже всей надежды лишился увидѣться когда нибудь съ нею. Но вижу, продолжалъ онъ рѣчь свою, ко мнѣ оборотясь, что ты та же жестокосердая и непоколебимая Принцесса, которой мнѣ никакъ смягчить было не можно, что свиданіе мое причиняетъ тебѣ гораздо болѣе отвращенія, каковое чувствовала бы ты, зря самое безобразнѣйшее чудовище.

Сколь

Сколь ни великимъ была я объята страхомъ, однако почитала за должность не подать Кацанъ-Кану ни малѣйшей надежды; взирая на него съ таковою небоязненностію, каковой онъ отъ меня не ожидалъ, говорила ему слѣдующее: конечно, Государь! тебѣ подвластною себя зрѣть причиняетъ мнѣ столько мученія, сколько бы радости и удовольствія чувствовала я, естьли бы въ тебѣ находила настоящаго мнѣ брата; и естьли убѣгая отъ тебя, какъ отъ такого Государя, котораго страсть ко мнѣ представляла мнѣ самымъ мерзскимъ въ свѣтѣ человѣкомъ, претерпѣла я величайшія напасти: то знай, что и теперь готова въ жесточайшія опасности вдаться, когда въ прежнихъ своихъ намѣреніяхъ упорствовать ты станешь. Будь увѣренъ, что я не столько страшусь смерти, чтобы на безбожныя твои желанія захотѣла когда согласиться. Ахъ! вскричалъ Кацанъ-Канъ, теперь открылась мнѣ причина твоего побѣга; не ненависть твоя къ такому брату, которой тебя обожаетъ, побудила тебя къ оному; сердце твое конечно заражено было другимъ какимъ предметомъ; я не могу уже о томъ сомнѣваться болѣе, видя тебя съ симъ храбрымъ незнакомцемъ. Кто ты таковъ ни есть, продолжалъ онъ, оборотясь къ Висапурскому Принцу; но благодѣяніе, тобою мнѣ учиненное, продаешь ты мнѣ за весьма дорогую цѣну; потому что не поступя противъ правъ честности и благодарности, не могу я лишить тебя жизни; но не могу и въ живыхъ тебя видѣть, не нарушая ежеминутно своего покоя. Сіи слова, произнесенныя съ разъяренным видомъ,

при-

привели меня въ трепетъ; Котбединъ же совсѣмъ въ лице перемѣнился, не привыкши къ толь дерзостнымъ рѣчамъ; но я могла примѣтить, что только страхъ меня озлобить и привесть еще въ несноснѣйшее состояніе, причинялъ ему сильнѣйшее безпокойствіе; чего ради предупредя его въ отвѣтѣ, Государь! сказала я Султану, я прошу нашего Пророка, котораго въ злополучіяхъ моихъ никогда не призывала я тщетно, чтобы онъ ввергъ меня въ жесточайшія напасти, естьли сего иностранца видѣла я когда нибудь до прибытія моего на сей островъ, куда небеса послали его къ защищенію твоей жизни. Но что мнѣ въ томъ нужды, вскричалъ Кацанъ-Канъ, былъ ли онъ причиною побѣга Канцадеи, или нѣтъ, естьли только съ того времени сыскалъ онъ таинство ей понравиться, слова ваши доказываютъ мнѣ то довольно. Когда бы и самъ онъ не сказалъ мнѣ, что тебя обожаетъ, то ничто не могло бы обмануть прельщенныя мои очи; я вижу, что храбрый сей воинъ обладаетъ толь великими и любви требующими достоинствами, что не могутъ не нарушать моего спокойствія, и должны конечно произвесть въ сердцѣ твоемъ движеніе. Милостивый Государь! прервалъ Котбединъ рѣчь его: достоинства мои не такъ велики, чтобъ для тебя опасны были; а хотя бы я и всемъ тѣмъ обладалъ, однако Принцесса не могла примѣтить ихъ въ незнакомомъ ей человѣкѣ, по крайней мѣрѣ то мнѣ такъ кажется. Что же касается до моихъ чувствованій, то не хочу стараться, понеже они тебѣ извѣстны, оправдать

ихъ опасностію смерти, на приближеніе которой я за нѣсколько минутъ безъ всякой взиралъ боязни, и которою, выключая тебя, никто не дерзалъ бы меня угрожать. Тщетно хотѣлъ бы ты предо мною скрываться, для какой бы то причины ни было, сказалъ на то Кацанъ-Канъ; все, что въ тебѣ я ни вижу, показываетъ мнѣ, что ты высокой породы; но чѣмъ знатнѣйшаго ты произхожденія, тѣмъ опаснѣе для тебя, естьли подлинно о томъ узнаю; никогда не будешь ты мнѣ толь мерзостнымъ казаться, какъ когда увижу, что состояніе твое дозволяетъ тебѣ о полученіи сей Принцессы стараться. И такъ не сказывай мнѣ, кто ты таковъ, и знай, что судьбина подала мнѣ нынѣ самый лучшій случай показать всю мою добродѣтель. Я потщусь не быть въ разсужденіи тебя совсѣмъ неблагодарнымъ; но не упущу притомъ ничего, чтобы возпрепятствовать тебѣ торжествовать моимъ нещастіемъ. Принцъ, слыша рѣчь сію, и находясь не въ состояніи сохранить болѣе себя въ предѣлахъ умѣренности, взглянулъ на меня, чтобы показать плачевное свое состояніе; братъ мой то увидѣлъ, и во взглядахъ нашихъ примѣтилъ конечно нѣчто страстное, что привело его въ такую ярость, что онъ никакъ не могъ скрыть оную. Сего уже довольно, вскричалъ онъ, скоро выведешь ты меня, дерзостный иностранецъ! изъ предѣловъ, которые я себѣ предписать старался; не раздражай болѣе самою жесточайшею страстію обуреваемую душу; удались отъ глазъ моихъ, и оставь мнѣ время на опредѣленіе твоей и моей судьбины. Участь моя,

сказалъ

сказалЪ на то ПринцЪ Висапурскій гордымЪ образомЪ, не зависѣла бы теперь отЪ тебя, естьли бы я мужествомЪ своимЪ не продолжилЪ жизнь твою. То довольно мнѣ извѣстно, прервалЪ его рѣчь КацанЪ-КанЪ; и естьли бы то вЪ памяти моей теперь не было, то бы я ни минуты не подумалЪ, что мнѣ при семЪ случаѣ предпріять должно. Ты можешь дѣлать все, что хочешь, сказалЪ КотбединЪ, выходя изЪ Султанской каюты, держась рукою за свою саблю; но подумай о томЪ, собравЪ весь свой разсудокЪ.

Корабельный Лѣкарь, опасаясь, чтобы толь раздраженная рѣчь не причинила какого вреда моему брату, представлялЪ ему, чтобы онЪ нѣсколько успокоился; онЪ совѣтЪ сей принялЪ; но подЪ вечерЪ раны его такЪ разтворились, что принуждены были вытти на тотЪ островЪ, на которомЪ мы жили. КакЪ скоро пришли мы вЪ прежніе наши шалаши, то КацанЪ-КанЪ, который приказалЪ цѣлый день держать меня подЪ карауломЪ, велѣлЪ меня кЪ себѣ призвать, и по нѣкоторыхЪ несносныхЪ для меня рѣчахЪ, на кои я безбоязненно отвѣчала, сказалЪ мнѣ, что онЪ уже положилЪ твердо, какимЪ образомЪ поступить ему сЪ храбрымЪ незнакомцемЪ, который его нарушалЪ спокойствіе, и велѣлЪ его просить кЪ себѣ вЪ шалашЪ.

КотбединЪ, узнавЪ, что СултанЪ желаетЪ сЪ нимЪ видѣться, взошелЪ кЪ нему сЪ неустрашимымЪ лицемЪ, и СултанЪ, поглядя на него нѣсколько времени, не говоря притомЪ ни слова, перервалЪ наконецЪ молчаніе. Храбрый

не-

незнакомецъ! сказалъ онъ ему: я свидѣтельствуюсь небесами, что полученное отъ тебя благодѣяніе столь много признаваю, что естьли бы оно не помрачалось учиненнымъ тобою мнѣ оскорбленіемъ, то все мое имѣніе, чины и достоинства раздѣлилъ бы съ моимъ спасителемъ. Я долженъ тебѣ жизнію, сію услугу хочу наградить по обѣщанію моему повелѣніемъ отвезти тебя въ то мѣсто, въ которое ты пожелаешь, выключая только моего государства, куда вступать запрещаю тебѣ строжайшимъ образомъ. И такъ съ сей же минуты пріуготовляйся къ отъѣзду; помни, что разлука наша должна быть на вѣки, и что не позволяется тебѣ искать Ормуцкой Принцессы, естьли хочешь избѣгнуть смерти.

Котбединъ отвѣтствовалъ бы Султану конечно съ гордостію, естьли бы не опасался умножить еще болѣе мои нещастія; я уже награжденъ довольно за оказанную тебѣ мною услугу, сказалъ онъ ему, когда подаешь мнѣ способъ отъ береговъ сихъ удалиться; дозволь же мнѣ взять тотъ корабль, которой твои непріятели, кои конечно морскіе разбойники были, на сихъ берегахъ оставили, и чтобы нѣсколько изъ твоихъ матросовъ проводили меня до первой пристани. Кацанъ-Канъ радуясь, видя Котбедина въ таковомъ расположеніи, послалъ немедленно осмотрѣть корабль, на которомъ нашли только двенатцать плѣнниковъ прикованныхъ и заключенныхъ въ самомъ низу онаго; изъ разбойниковъ же, на ономъ находящихся, ни одинъ въ живыхъ не остался.

Сіи

Сіи двенатцать нещастныхъ были въ весьма плачевномъ состояніи, и почти мертвые отъ голода. Принцъ Висапурскій, приказавъ снять съ нихъ оковы, и выбравъ изъ нихъ шесть человѣкъ, способныхъ къ управленію кораблемъ, которой нагруженъ былъ всякими нужными съѣстными припасами, пошелъ проститься съ Султаномъ, и обѣявилъ ему, что, не имѣя въ его людяхъ нужды, не хочетъ онъ умалить его свиты. Изъ сего отказа, отвѣтствовалъ ему Кацанъ - Канъ, вижу я, сколь велика твоя гордость и честность; ты не хочешь быть мнѣ ничѣмъ обязанъ; корабль сей принадлежитъ тебѣ по военнымъ правамъ. Прощай, храбрый незнакомецъ! обвиняй мою нещастную долю, а не мою неблагодарность; всего же болѣе помни то, что намъ никогда не должно имѣть свиданія, и что въ Персіи смерть на тебя стремится. Ты мнѣ уже то сказывалъ, отвѣтствовалъ Принцъ, и я того не позабуду; а естьли же гдѣ найдемся вмѣстѣ, то желаю, чтобы свиданіе сіе было для тебя толь же полезно, какъ и первое. По семъ не дождавшись отъ Султана отвѣта, онъ ушелъ, и сѣвъ на корабль, уѣхалъ, не будучи въ состояніи сказать мнѣ ни одного слова.

ВЕЧЕРЪ XI.

Продолженіе исторіи о Канцадеѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Признаюсь, продолжала Принцесса, что чрезмѣрную печаль почувствовала, видя отдаленіе корабля Котбединова; она тѣмъ жесточае меня терзала, что я принуждена была скрывать

оную; дабы не огорчить Султана еще болѣе, который, препроводя на нашемъ острову съ недѣлю, и почитая себя въ состояніи въ путь отправиться, сѣлъ на корабль въ томъ намѣреніи, чтобы въ Ормуцъ возвратиться. Но отъ мореплаванія сего занемогъ такъ, что принужденъ былъ пристать къ берегамъ Малабарскимъ, и пріѣхавъ въ городъ Кананоръ, во ожиданіи совершеннаго выздоровленія разсудилъ за благо послать одного изъ своихъ Офицеровъ въ Ормуцъ для извѣстія, въ какомъ состояніи государство сіе находилось, и для объявленія тамъ своихъ повелѣній; ибо онъ имѣлъ причину опасаться, чтобы страсть его ко мнѣ не побудила Вельможъ двора его къ бунту, и что въ отсутствіи его не произошло ли какого мятежа, тѣмъ еще наипаче, что поспѣшность, съ которою онъ отправился за мною въ погоню, возпрепятствовала ему дать въ разсужденіи своего отсутствія такія повелѣнія, коихъ отъ него требовалъ самъ разумъ; и что онъ подобно простому какому побродягѣ поѣхалъ почти одинъ на первомъ изъ своихъ кораблей, который къ выходу совсѣмъ уже готовъ былъ. И такъ велѣлъ купить небольшой бригантинъ, и ожидая возстановленія своего здоровья, послалъ объявить въ Ормуцѣ о скоромъ своемъ туда возвращеніи.

То, чего Кацанъ-Канъ опасался, сбылось въ самомъ дѣлѣ. Абдармонъ Султанъ Бальзорскій имѣлъ во время отсутствія моего брата тайныя въ государствахъ его переписки: о чемъ спустя болѣе двухъ мѣсяцовъ, которые онъ въ Кана-

Кананорѣ принужденъ былъ по болѣзни своей прожить, увѣдалъ онъ отъ посланнаго имъ въ Ормуцъ Офицера, который возвратился къ намъ въ тотъ городъ, гдѣ мы находились. Абдармонъ, пользуясь худыми впечатлѣніями, кои въ подданныхъ моего брата произвела страсть его ко мнѣ, разгласилъ, будто Даудъ Канъ, нашъ родитель, отнялъ неправеднымъ образомъ Ормуцкой престолъ у одного изъ его дядьевъ, и что противно то справедливости, чтобы Государемъ ихъ былъ сынъ неправеднаго владѣтеля, котораго нравы толь развращены, и отъ котораго они должны ожидать единственно весьма жестокаго правительства. Сіи причины подкрѣпилъ онъ сильною морскою арміею, коя подъ Ормуцъ подступила, и всемъ островомъ и еще нѣкоторою частію земель моего брата завладѣла безъ пролитія крови; потому что знатнѣйшіе въ государствѣ были угрозами его приведены въ страхъ, или подкуплены его подарками.

Визирь, коему братъ мой поручилъ свои земли, былъ только почти одинъ, который Государю своему остался вѣренъ. Принужденъ будучи Ормуцъ оставить, ѣздилъ по нѣкоторымъ городамъ нашего государства, и какъ своими увѣщаніями, такъ и деньгами, кои раздавалъ въ пристойное время, набравъ около пятнатцати тысячь человѣкъ арміи, далъ Бальзорскому Султану баталію; но проигралъ оную, и потерялъ притомъ болѣе четырехъ тысячь человѣкъ. Во всей той части Персіи, которою братъ мой владѣлъ, слѣдовали тогда страхъ, невѣрность и

 оче-

очевидная опасность совершенной погибели всего государства, естьли бы небо не установляло тамъ нѣкоторой порядокъ.

Кацанъ-Канъ получилъ плачевную сію вѣсть не безъ ужаса. Вотъ, сударыня! сказалъ онъ мнѣ, вотъ плоды моей къ тебѣ любви; любя тебя, не довольно того, чтобы губилъ и весь покой свой; но надлежитъ лишаться и моего государства. Изъ сего, Государь! отвѣтствовала я ему, можешь ты познать, сколь много страсть твоя небеса раздражаетъ, и что умилосердишь ихъ единственно отрицаніемъ отъ оной. Оставимъ сіе, вскричалъ Султанъ, и пойдемъ скорѣе Визирю моему на помощь. Когда онъ еще живъ, то надѣюсь вскорѣ прогнать Абдармона изъ моего государства, или смертію моею освободить тебя отъ нещастнаго Государя, на котораго ты, вижу, съ омерзѣніемъ взираешь.

Хотя братъ мой еще и не совсѣмъ выздоровѣлъ, однако приказалъ все къ своему пріуготовлять отъѣзду, и нагрузя корабль свой разными товарами, купленными въ Кананорѣ, отправились мы въ путь; но имѣя почти всегда противный вѣтръ, не можно намъ было на Яской мысъ не пріѣхать пожже цѣлымъ мѣсяцомъ, нежели мы думали. Тамъ братъ мой приказавъ одному изъ своихъ людей сойти съ корабля, послалъ его въ то мѣсто къ одному изъ своихъ подданныхъ, который ему весьма былъ вѣренъ, и который на другой день на корабль къ намъ пріѣхалъ.

Кацанъ-Канъ увѣдомился отъ него съ крайнею печалію, что вѣрный Визирь былъ убитъ,

убитъ, и что остальное небольшее число войска, которое Абдармону не покорялось, имѣло надежду только на одного храбраго человѣка, который во время сей войны толь славныя дѣла производилъ, что Визирь сдѣлалъ его своимъ помощникомъ, и армія послѣ смерти его избрала его своимъ предводителемъ; что съ тѣхъ поръ неустрашимый Сагедъ, (такъ Герой сей назывался) поступалъ съ такою премудростію и храбростію, что Бальзорской Султанъ, у котораго онъ взялъ уже назадъ четыре знатнѣйшихъ города, предлагалъ ему въ супружество одну изъ своихъ дочерей, обѣщавая притомъ весьма великія выгоды, естьли онъ сдастся; но что великодушный сей воинъ пренебрегъ сими предложеніями, и велѣлъ ему сказать въ отвѣтъ, что имѣя предметомъ своимъ только то, дабы Кацанъ-Кану возвратить его престолъ, до намѣренія своего достигнетъ, или умретъ, за него сражаясь.

Вѣдомость сія прельстила моего брата: другъ мой! сказалъ сей Государь Яскому жителю: корабль мой нагруженъ товарами, взятыми мною въ Кананорѣ, дабы въ государство мое можно мнѣ было войти подъ видомъ купца; объяви меня здѣсь такимъ человѣкомъ, дабы безопасно могъ я вступить въ мои земли; я хочу итти поскорѣе къ славному сему воину, умереть въ его глазахъ, или получить престолъ свой; а въ семъ случаѣ наградить его за оказанныя мнѣ услуги такимъ образомъ, чтобъ между мною и имъ не было почти никакого различія.

Кацанъ-Канъ приказалъ на другой день вынести на берегъ свои товары, поручилъ ихъ сему вѣрному своему подданному, живущему въ Яккѣ, и купя тамъ восемь лошадей для себя, для меня и для шестерыхъ лучшихъ людей изъ своей свиты, и взявъ съ собою всякихъ нужныхъ съѣстныхъ припасовъ, пристали мы къ одному небольшему каравану, и ѣхали только ночью, такъ что насъ никто не зналъ, и менѣе нежели въ три недѣли прибыли въ Лару. Чѣмъ ближе приѣжжали мы къ сему городу, тѣмъ болѣе получалъ Кацанъ-Канъ извѣстія, которыя въ немъ возбуждали надежду. Хотя Ларъ и посредственной величины, однако построенъ вкругъ одной каменной горы, на которой сдѣланъ весьма крѣпкой замокъ; и не только побѣдоносная армія Бальзорскаго Султана при ономъ успѣха не имѣла; но Сагедъ, одерживая надъ онною послѣ смерти Визиря почти всегда верьхъ, съ пользою прогналъ ее до Гомрона; и какъ братъ мой далъ о себѣ знать знатнѣйшимъ обывателямъ Лара, которыхъ защитникъ нашъ умѣлъ содержать въ послушаніи, то они собрались къ нему, и падъ на землю, увѣряли его въ ненарушимой вѣрности. А понеже Сагедъ гонялся вездѣ за непріятелями, то Кацанъ-Канъ почиталъ себѣ за безчестіе и стыдъ остаться въ Ларѣ; но вознамѣрился итти самъ противъ Бальзорскаго Султана. Для сего выбралъ изъ тамошняго гарнизона двѣсти человѣкъ какъ Офицеровъ, такъ и рядовыхъ; и отправившись со мною для соединенія съ Сагедомъ, послалъ объявить своей арміи, что онъ самъ

идетъ

идетъ защищать свои права и преимущества противъ насильственнаго Абдармона; притомъ одному изъ своихъ солдатъ далѣ письмо къ Сагеду, которое слѣдующаго содержанія было:

„Храбрый воинъ, котораго единое мужество возвращаетъ мнѣ мое государство! я „былъ бы безчестнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, „естьли бы не воздалъ тебѣ чувствительнѣйшей „благодарности; но какъ ничего не могу найти, „чѣмъ бы тебя наградить былъ въ состояніи „достойнымъ по великимъ твоимъ услугамъ „образомъ, то избирай себѣ сіе въ такомъ госу„дарствѣ, которое я единственно отъ тебя „имѣю; и клянусь тебѣ моею головою, на кото„рую великій Пророкъ да броситъ громъ, есть„ли я не сохраню своего слова, что нѣтъ того, „чего бы не далъ тебѣ.

Султанъ Ормуцкій.

По семъ ѣхали мы почти безъ остановки къ Сагеду, и по десятидневномъ пути прибыли мы къ одной крѣпости, которую Даудъ-Канъ, мой отецъ, построилъ между Гитчи и Гомрономъ, и которую защитникъ нашъ взялъ назадъ у непріятелей не за долго до нашего прибытія.

Какъ скоро Султанъ далъ тамъ о себѣ знать, такъ скоро отворили намъ ворота, какъ и въ Ларѣ, и приняли насъ съ чрезвычайною радостію, и тамъ препроводили мы ночь спокойно, ожидая Сагеда, который, увѣдавъ о нашемъ прибытіи, оставилъ свой лагерь, и пришелъ въ крѣпость для полученія отъ Султана всѣхъ

тѣхъ знаковъ дружества, кои онъ обѣщалъ ему чрезъ письмо. Сей Герой, взявъ съ собою для провожанія только шесть Офицеровъ, пришедъ къ намъ на другой день нашего прибытія, приказалъ доложить о себѣ моему брату, который, являя на лицѣ своемъ совершенное удовольствіе, любезная сестра! сказалъ мнѣ, пойдемъ на встрѣтеніе такому человѣку, коему я столь много обязанъ, и почитай сіе за велико въ разсужденіи такого воина, которому во всемъ востокѣ нѣтъ подобнаго. Тогда Кацанъ-Канъ побѣжалъ съ разпростертыми руками навстрѣчу славнаго и храбраго Сагеда; но только лишь на него взглянулъ, какъ, отступя назадъ шага два, вскричалъ: праведное небо! кого я вижу? Это тотъ незнакомецъ, который на пустомъ островѣ спасъ жизнь мою отъ морскихъ разбойниковъ.

ВЕЧЕРЪ XII.

Продолженіе исторіи о Канцадеѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Я не могла, продолжала Канцадея, слышать словъ сихъ, и видѣть въ Сагедѣ Принца Висапурскаго, не почувствовавъ во всемъ тѣлѣ великаго трепетанія. Конечно, Государь, сказалъ тогда сей Герой, это я; и естьли повелѣнія твои не исполнилъ точно, то думаю, что оказанною мною тебѣ услугою загладилъ свой поступокъ. Обманываешься, прервалъ Султанъ рѣчь его съ великимъ сердцемъ, забывъ, сколь много онъ воину сему былъ обязанъ. Сколь велика безразсудная твоя дерзость! Какъ! пренебрегши моимъ запрещеніемъ, пришелъ ты въ мои земли пред-

предводительствовать подданными моими, и смѣешь представать предъ меня съ такою неустрашимостію, какъ будто бы я не былъ тебѣ непримиримый врагъ? Развѣ ты позабылъ клятву, данную тебѣ мною, что ничто не спасетъ жизнь твою, естьли когда въ государство мое вступишь?

Въ твои земли, отвѣтствовалъ на то Сагедъ съ холодностію, зашелъ я нечаяннымъ случаемъ; желаніе показать тебѣ тамъ услугу удержало меня въ оныхъ; и можетъ быть сдѣлалъ я для тебя столько, что отъ такого Государя, какъ ты, могъ надѣяться большей благодарности, нежели какую ты мнѣ теперь являешь; а притомъ получа твое письмо, можно ли мнѣ было страшиться толь несправедливыхъ клятвъ, которыя далъ ты при разлукѣ нашей? Нѣтъ! сказалъ братъ мой съ великою яростію, сколь я тебѣ ни обязанъ, однако все то помрачается любовію твоею къ Канцадеѣ; она тебя побудила вступить въ Персію, не взирая на мое запрещеніе. Теперь суди самъ, какой судьбины ожидать ты долженъ, и не жалуйся на меня, естьли долгъ, которымъ обязанъ я тебѣ за спасеніе моей жизни и за сохраненіе моихъ государствъ, уступаетъ жестокости раздраженнаго и отчаяннаго любовника. Тогда Султанъ, оборотясь къ знатнѣйшимъ своимъ Офицерамъ, которыхъ рѣчь сія въ великое привела удивленіе, повелѣлъ имъ взять Сагеда подъ караулъ.

Повелѣніе сіе Кацанъ-Кана возложить руки на спасителя земель его побудило всѣхъ при-

томъ бывшихъ къ великому роптанію; а сія медлительность во исполненіи его повелѣній усугубляла его ярость, и онъ вынималъ уже свою саблю, или принудить силою себѣ повиноваться, или броситься на Принца, какъ сей Герой, принявъ на себя гордой видъ, я чаялъ, сказалъ онъ Султану, получить отъ тебя совсѣмъ иное; но вижу, что всѣ твои дѣла такъ согласны съ мерзскою твоею страстію, которою ты неблагодарность свою извинить стараеться, что въ награду за спасеніе тебѣ жизни и за возвращеніе тебѣ твоего государства не должно мнѣ было ожидать инаго, кромѣ того, что теперь мнѣ пріуготовляешь. Но естьли варварскія свои намѣренія произведешь въ дѣйство, то я довольно получу отмщенія срамомъ и поношеніемъ, которыми покрытъ ты будешь, что столь жестокосердо поступилъ съ такимъ человѣкомъ, коему ты толь многимъ долженъ. Знай, чтобы ты не властвовалъ надъ моею вольностію, и не лишилъ бы меня оной, не отнявъ у меня жизни, подвергая и себя самаго смерти, естьли бы только хотѣлъ я защищать оную; но я хочу дать тебѣ нѣкоторыя поученія о великодушіи. Поступи, какъ должно, Государь! естьли осталось въ тебѣ на то столько добродѣтели; войди самъ въ себя, погаси такую страсть, которая предъ Богомъ и предъ всѣми твоими подданными дѣлаетъ тебя мерзскимъ, и знай, что только одна Принцесса Канцадея въ силахъ повелѣть мнѣ отдать мое оружіе. Проговоря сіи слова, положилъ онъ саблю свою предъ моими ногами, и оборотясь къ Офицерамъ Кацанъ-Кановымъ, исполните, сказалъ имъ съ жалкою

усмѣшкою, повелѣнія вашего Государя; вскорѣ познаетъ онъ моимъ заключеніемъ, или моею погибелью несправедливость своего поступка, когда то небесамъ угодно будетъ.

Естьли сіи съ пристойною Государю гордостію произнесенныя слова привели Кацанъ Кана во удивленіе, то не менѣе умножили они и его смущеніе и ярость. Ты самъ, сказалъ онъ ему, дрожа отъ величайшаго гнѣва, извѣщаешь приговоръ свой; и сія къ Канцадеѣ любовь, которою ты славишься, ввергая себя во гробъ, будетъ служить примѣромъ подобнымъ тебѣ дерзкимъ юношамъ умѣрять лучше свое честолюбіе. Естьли я люблю Принцессу, сказалъ Сагедъ, то страсть моя оскорблять ее не можетъ, такъ какъ озлобляется она твоею; и естьли я о ней воздыхать осмѣлился, то сіе произошло отъ того, что природа моя позволяла мнѣ о полученіи ея стараться. И такъ подумай хорошенько, какимъ образомъ должно тебѣ поступить съ такимъ Государемъ, которому платятъ дань толь же сильные Цари, каковъ былъ и Султанъ Ормуцкій, прежде нежели я возвелъ его паки на престолъ родительской, коего онъ столь недостойнымъ себя являетъ; страшись заплатить своею и всѣхъ своихъ подданныхъ кровію за оскорбленія, которыя ты мнѣ готовишь. Окончавъ сіи слова, пошелъ сей славный воинъ въ тотъ покой, въ коемъ онъ жилъ въ крѣпости до прибытія моего брата, и оставилъ сего Монарха въ жесточайшемъ безпокойствѣ, такъ что болѣе четверти

часа

часа не могЪ онЪ проговорить ни слова, показывая на лицѣ своемЪ величайшую ярость, которой плачевныхЪ дѣйствій ежеминутно я страшилась. По томЪ, прервавЪ свое молчаніе, говорилЪ: конечно дерзостный сей почитаетЪ одного себя способнымЪ кЪ побѣжденію Бальзорскаго Султана; я докажу ему совсѣмЪ противное. ВЪ то время, какЪ будетЪ онЪ сидѣть подЪ крѣпчайшимЪ карауломЪ, пойду кЪ своимЪ полкамЪ и покажу, что вЪ мужествѣ ему не уступаю. Тогда, повеля Коменданту той крѣпости смотрѣть за ПринцомЪ наистрожайшимЪ образомЪ, и не допускать его до того, чтобы онЪ со мною видѣлся, или ко мнѣ писалЪ, отправился вЪ путь сЪ взятыми ими изЪ Лары солдатами и тѣми, кои вЪ Гитчѣ находились, и кЪ арміи, которая его сЪ крайнею нетерпѣливостію ожидала, поспѣшалЪ какЪ возможно пріѣхать скорѣе.

КакЪ силы Абдармоновы были весьма ослаблены, то братЪ мой, почитая себя довольно сильнымЪ кЪ нападенію на него, пріѣхавЪ вЪ лагерь, которой былЪ подЪ ГомрономЪ, послалЪ кЪ нему ругательное письмо, коимЪ вызывалЪ его выпти изЪ его укрѣпленій. Сему Государю не безЪизвѣстно было, какимЪ безчестнымЪ образомЪ поступилЪ КацанЪ - КанЪ сЪ СагедомЪ. Произшествіе сіе дошло и до его лагеря: и такЪ, пользуясь уныніемЪ солдатЪ моего брата по причинѣ неблагодарнаго поступка сЪ ихЪ избавителемЪ, принялЪ онЪ предложеніе его кЪ бою безЪ всякой отговорки.

Оба Султаны дѣлали все то, что нужно было кЪ ободренію солдатЪ своихЪ; сЪ обѣихЪ

сторонѣ бились съ великимъ мужествомъ. Но сколь ни много неустрашимости и храбрости показывалъ братъ мой, однако какъ оные не провождаемы были здравымъ разумомъ, и войски его не имѣли начальникомъ своимъ непобѣдимаго Саеда, то въ скоромъ времени начали уступать Абдармоновой арміи. Кацанъ-Канъ въ отчаяніи и не хотящій спасенія своего искать въ поносномъ бѣгствѣ, сверженъ былъ на землю, и не взирая на величайшее свое мужество, взятъ въ полонъ съ нѣсколькими Офицерами, кои отъ него никогда отстать не хотѣли.

Сей неблагодарный Государь, который за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ казалось стремился къ бою, искалъ побѣды единственно только для того, чтобъ по томъ вонзить мечь въ своего благодѣтеля; видя тогда самаго себя въ оковахъ, пришелъ въ неописанную ярость. Зналъ онъ довольно, что непріятель его только смертію его можетъ получить тѣ права, которыя онъ требовалъ имѣть къ Ормуцкой коронѣ; и такъ легко познать можно, въ коль плачевномъ состояніи онъ находился. Между тѣмъ, какъ онъ несноснѣйшими размышленіями терзался, узнала я о проиграніи баталіи и о заключеніи Султана; потому что крѣпость наша весьма недалеко отъ непріятельскаго лагеря отстояла, почему легко намъ можно было знать о всемъ тамъ произходящемъ. Въ то время, какъ вѣдомость сію получила, сидѣла я вмѣстѣ съ Комендантомъ; не мѣшкая ни мало, повелѣла ему отвесть меня въ покой къ

Саге-

Сагеду; онъ не смѣлъ меня ослушаться, и такъ свободный вездѣ имѣла пропускъ. Любезный Принцъ! вскричала я, взошедъ къ нему въ комнату со всѣми бывшими со мною Офицерами: Абдармонъ остался побѣдителемъ, Султанъ же его плѣнникъ; ты только одинъ въ силахъ загладить то, что учинилъ онъ по своему неразумію; и сей мечь, который намъ до сихъ поръ толь великія оказывалъ услуги, и который я тебѣ возвращаю, не для того тебѣ данъ, чтобы при семъ случаѣ обнажить его не можно было. Кацанъ-Канъ нарушилъ въ разсужденіи тебя самыя священнѣйшія права; но онъ братъ мой, и великодушіе твое не дозволитъ пребыть ему въ сей нещастной его судьбинѣ. Милостивая государыня! отвѣтствовалъ мнѣ сей Герой: свободу, которую вы мнѣ возвращаете, получаю я съ чувствительнѣйшимъ благодареніемъ; напоминовеніе обиды, причиненной мнѣ Султаномъ, не возпрепятствуетъ мнѣ жертвовать для него еще разъ жизнію моею. Я ничего не упущу, чтобы могло заслужить ту честь, кою вы мнѣ приписываете; въ сей же день или умру, или возвращу вамъ такого брата, который столь много безпокойствъ вамъ причиняетъ. Поди, храбрый воинъ, сказала я ему, поди еще пренебречь своею жизнію за неблагодарнаго; но не подвергай оную такимъ опасностямъ, чтобы могъ забыть, сколь много участія я во всемъ томъ пріемлю, что до тебя касается; и спомоществуя Кацанъ-Кану, поступай такъ, чтобы не сдѣлаться еще болѣе жертвою несправедливой ненависти, которая бы нещастнаго своего Государя могла покрыть величай-

чайшимъ срамомъ. Котбединъ не отвѣтствовалъ мнѣ ничего; но поцѣловалъ у меня руку, которою я подала ему его саблю, и приказавъ вооружить всѣхъ въ крѣпости находящихся, выключая только тѣхъ, кои со мною оставались, отправился въ путь, и вскорѣ собралъ разсѣянные остатки пораженной нашей арміи, кои къ нему со всѣхъ мѣстъ сбѣгались; и хотя онъ и не разсуждалъ заблаго вести ихъ ко вторичному сраженію, однако изъ рѣчей ихъ могъ въ нихъ столько ревности и мужества примѣтить, что ни мало не усомнился итти съ ними прямо къ Гомрону; и они уже веселились побѣдою, видя себя подъ предводительствомъ толь храбраго вождя.

Побѣда, которую одержалъ Султанъ Бальзорскій, и которую почиталъ онъ рѣшительною, привела его въ такую радость, что не старался примѣчать, въ надлежащемъ ли порядкѣ солдаты его въ лагерѣ находились; они всѣ выступили изъ своихъ шереногъ, предались пьянству и глубочайшему сну. Висапурскій Принцъ, увѣдавъ о семъ безпорядкѣ, вздумалъ употребить оный себѣ въ пользу, и съ небольшею своею арміею, состоящею только изъ шести тысячь человѣкъ, дождавшись ночи, напалъ съ такою яростію на непріятелей нашихъ, что всѣхъ въ лагерѣ находящихся побилъ безъ малѣйшаго сопротивленія.

Абдармонъ, который съ Визирями своими наслаждался въ Гомронѣ спокойнымъ сномъ, пробудился скоро отъ крику и замѣшательства; и бѣжа принять обужіе, велѣлъ отворить городскія

ворота

ворота въ то самое время, какъ Принцъ для завладѣнія приближился къ онымъ; а сіе тѣмъ еще легче могъ онъ учинить, что Бальзорскій Султанъ, не вѣдая еще о пораженіи своего войска, и думая, что то его солдаты были, которые въ городъ укрыться хотѣли, шелъ къ нимъ прямо и поощрялъ ихъ къ сраженію съ непріятелемъ. Принцъ, примѣтя его заблужденіе, подпустилъ его къ себѣ, а по томъ, пресѣкши ему путь, поскакалъ на него съ такою скоростію, что легко могъ дать знать, что онъ его непріятель; и какъ подъѣхалъ онъ къ нему столь близко, что слова его можно было слышать, то говорилъ ему такъ: Султанъ! познай Сагеда защитника такого Государя, котораго ты безъ всякой причины притѣснять ищешь; ты мой плѣнникъ, потому что съ малымъ числомъ солдатъ, которые съ тобою идутъ, не можешь ты мнѣ безъ дерзости сопротивляться: весь твой лагерь разоренъ нами, и войско мое уже овладѣло Томрономъ. Бальзорскій Султанъ смутился, видя себя въ таковомъ состояніи, и будучи исполненъ жесточайшею яростію, видя толь скорую и нечаянную премѣну своей судьбины, хотѣлъ лучше лишиться жизни, нежели пережить свое злополучіе; и приближась къ Принцу, какъ разпаленный гнѣвомъ левъ, напалъ на него съ такимъ мужествомъ, что побудилъ его къ настоящей оборонѣ. Никогда еще не находилъ Котбединъ толь достойнаго храбрости своей непріятеля; но наконецъ побѣду получилъ Принцъ. Абдармонъ палъ съ лошади, и такъ былъ израненъ, что, спустя по томъ съ минуту, и умеръ. Естьли Офицеры его взирали на кон-

кончину его съ ужасомъ, то оный умножился еще болѣе, видя, что никакой не остается имъ надежды къ отмщенію оной; напротивъ того Гомронскіе жители, которые принуждены были претерпѣть всякія насильствія дерзостнаго побѣдителя, соединясь съ солдатами Принца, всѣхъ ихъ порубили; и менѣе, нежели въ полчаса, не взирая на повелѣнія Котбединовы, для прекращенія кровопролитія, спаслись только тѣ, которые успѣли, сѣвъ на иные корабли, въ гавани стоящіе, отрѣзать канаты и пуститься въ море.

Успѣхъ сей почти невѣроятной побѣды былъ толь скоръ, что Султанъ Ормуцкій, который въ Гомронѣ сидѣлъ плѣнникомъ, не могъ еще о томъ получить извѣстія. Котбединъ, хотя его привесть въ удивленіе, далъ такія повелѣнія, которыя съ точностію исполнены были. Велѣлъ отворить себѣ двери въ его комнату, и представъ предъ Кацанъ-Кана, привелъ нещастнаго сего Государя въ такое смущеніе, что онъ не зналъ, какимъ образомъ могло бы то случиться; ревнивость его столь сильно возобновилась, что плѣнъ его показался ему тѣмъ еще несноснѣе. Увы! вскричалъ онъ: естьли подданные мои отворили твою темницу, то для чего пришелъ ты ко мнѣ смѣяться моимъ плѣномъ?

ВЕЧЕРЪ XIII.

Продолженіе исторіи о Канцадеѣ, Принцессѣ Ормуцкой.

Котбединъ, продолжала Принцесса, давъ Кацанъ-Кану время нѣсколько успокоиться, говорилъ

ворилЪ ему такЪ: естьли бы я остался вЪ крѣпости Гитчѣ, то бы КацанЪ-КанЪ былЪ еще вЪ оковахЪ, и судьбина его зависѣла бы отЪ Бальзорскаго Султана; но сего Государя уже нѣтЪ болѣе на свѣтѣ, я сразилЪ его моею рукою; всѣ твои непріятели или погибли, или обращены вЪ бѣгство; и я пришелЪ сюда объявить тебѣ, Государь! что ты вЪ сихЪ мѣстахЪ уже не плѣнникЪ, но самовластный повелитель. Сія толь нечаянная перемѣна тебя удивляетЪ; но сколь ни невѣроятною она тебѣ кажется, однако все изреченное мною истинно.

Сія неожидаемая вѣдомость тронула Султана столь сильно, что долгое время стоялЪ онЪ, потупя глаза вЪ землю; потомЪ власно возбудясь отЪ глубокаго сна, я вижу, сказалЪ онЪ ему, храбрый СагедЪ, что я рожденЪ только для того, чтобы самыя жесточайшія сносить приключенія, и чтобЪ всегда быть тебѣ неизмѣримымЪ образомЪ обязану. Сколь много долженЪ я стыдиться, что уже два раза явилЪ себя вЪ разсужденіи тебя неблагодарнымЪ! Когда же небо меня защищаетЪ, то вЪ награду за толикія твои услуги прими отЪ меня Принцессу Канцадею; только требую отЪ тебя того, чтобы ты сочетался сЪ нею вЪ своемЪ государствѣ; понеже вчера объявилЪ мнѣ, что ты Царской крови. АхЪ, Государь! вскричалЪ СагедЪ, обнимая КацанЪ-Кана, сколь много доволенЪ я симЪ договоромЪ! Не сомнѣвайся, чтобы СултанЪ Висапурскій, мой родитель, не поставлялЪ себѣ за честь быть вЪ родствѣ сЪ тобою. Сей Государь меня

чрез-

чрезмѣрно любитъ, и потому ничто не можетъ побудить его сопротивляться моему удовольствiю. Изрядно же, Висапурскiй Принцъ! сказалъ Кацанъ-Канъ, поди въ Гитчи, и возми тамъ сестру мою; выбери тамъ въ гавани такой корабль, который хочешь, отправляйся скорѣе въ Индiю; позволь только, чтобы Принцесса прiѣхала въ твои земли съ пристойною состоянiю ея свитою.

Принцъ принялъ сiе предложенiе съ особливымъ удовольствiемъ. Ахъ, Государь! сказалъ онъ моему брату, я всегда сомнѣвался, чтобы добродѣтель твоя могла побѣдить такую страсть. .. Престань о томъ говорить, вскричалъ Кацанъ-Канъ, отъѣзжай отсюда, естьли можно, завтра и съ Канцадееею, которую я не хочу болѣе видѣть; я не нахожу въ себѣ столько силы, чтобы могъ проститься съ нею на вѣки. Поди не мѣшкая объявить ей такую вѣсть, которая восхититъ ее отъ радости, и которая меня горчайшею печалiю поражаетъ; я велю прiуготовить все къ твоему отъѣзду.

Котбединъ сѣлъ тотчасъ на лошадь, прискакалъ ко мнѣ съ объявленiемъ толь благополучной перемѣны; и на другой же день, прiуготовя совсѣмъ корабль, выѣхали мы изъ Гомронской гавани, и отправились въ Яску, гдѣ, взявъ Карабагу, Гуль-Эндаму и Альбаерта, которыхъ братъ мой тамъ оставилъ съ своимъ кораблемъ, и выѣхавъ изъ Ормуцкаго залива, взошли въ Арабское море.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.